АКАДЕМИЯ НАУК СССР

Советское славяноведение

1

1968

ИЗДАТЕЛЬСТВО
· НАУКА ·

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ
СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

Советское славяноведение

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД
ЯНВАРЬ — ФЕВРАЛЬ

1

1968

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В 1965 ГОДУ

МОСКВА

СОДЕРЖАНИЕ

Кирил Киряков (НРБ). Социалистическая перестройка сельского хозяйства в Народной Республике Болгарии 3
Е. Л. Немировский. Славянские инкунабулы и палеотипы кирилловского шрифта в книгохранилищах Советского Союза 11
Д. Б. Мельцер. К вопросу о признании Болгарией Советской России (1920—1923 гг.) 26
Генрик Маркевич (ПНР). Современное состояние науки о польской литературе 34
С. М. Толстая. Сочетаемость согласных в связи с фонологической структурой слова в славянских языках 41

СООБЩЕНИЯ И ПУБЛИКАЦИИ

А. И. Недорезов. Решающая победа чехословацкого народа в феврале 1948 года 55
В. К. Зайцев. Славянский подвиг в Хотинской битве 1621 года и его отражение в эпической поэме Гундулича «Осман» 61
С. А. Никитин, Н. В. Зуева, Е. М. Шатохина. К 90-летию со дня освобождения Болгарии от турецкого ига 67
Генрик Писарэк (ПНР). Неизвестные письма З. Сераковского, Н. П. Огарева и А. И. Герцена к Любомиру Гадону 73

ЛЮДИ, СОБЫТИЯ, ФАКТЫ

А. Гундоров. Памяти большого друга Советского Союза 77
В. Д. Королюк. Русская тема в книжных иллюстрациях Вацлава Фиалы 82
Драгой Коджейков (НРБ). Воспоминания 92

ПАМЯТНИКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

А. И. Рогов. Памятник победы под Плевной 95

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Обзоры и рецензии

Ренê Сливовский (ПНР). Новые работы о советской литературе в Народной Польше 97
В. Т. Пашуто, М. А. Ючас. Новый славяно-балтийский ежегодник 100
А. М. «Dějiny česko-ruských vztahů. 1770—1917» 103
И. В. Чуркина. J. Pleterski. Narodna in politična zavest na Koroškem 105
И. Костюшко. К истории крестьянской реформы 1864 г. в Королевстве Польском 107
И. К. Горский. Польские литературные издания в России 108
Михай Петер (ВНР). Сборник памяти Иштвана Книежи 109
Т. Попова. М. Младенов. Ихтиманският говор 112
Е. Воробьева. Новый библиографический справочник 115
Г. Мартынова. Об издании славянских словарей в издательстве «Советская энциклопедия» 116

Библиография

Важнейшие статьи и материалы по современному положению, истории, культуре и языкам зарубежных славянских народов, опубликованные в советских периодических изданиях 119
Содержание иностранных журналов 125

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Т. Попова. Совещание по Общеславянскому лингвистическому атласу 131
П. А. Дмитриев. Научное сотрудничество 132
А. Виноградова, В. Петров, А. Стрижкова. Защита диссертаций в Институте славяноведения АН СССР 133
И. В. Созин. Защита диссертаций по истории южных и западных славян в МГУ 134
Г. В. К тематике VI съезда славистов 135

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

И. И. КОСТЮШКО (главный редактор), И. Ф. БЭЛЗА, Л. Б. ВАЛЕВ, В. Г. КАРАСЕВ, В. Д. КОРОЛЮК (зам. главного редактора), Д. Ф. МАРКОВ, И. С. МИЛЛЕР, А. И. НЕДОРЕЗОВ, Ю. А. ПИСАРЕВ, Г. М. СЛАВИН, Б. Ф. СТАХЕЕВ (зам. главного редактора), Н. И. ТОЛСТОЙ (зам. главного редактора), И. М. ШЕПТУНОВ, Я. Б. ШМЕРАЛЬ

Ответственный секретарь В. В. ЗЕЛЕНИН

Адрес редакции: Москва Г-69, Трубниковский пер., д. 30а. Телефон К 0-27-40

КИРИЛ КИРЯКОВ

СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ПЕРЕСТРОЙКА СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА В НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ БОЛГАРИИ

В Тезисах ЦК КПСС в связи с 50 годовщиной Великой Октябрьской социалистической революции подчеркивается, что «переустройство сельского хозяйства на социалистических началах — самая сложная и трудная задача после завоевания власти пролетариатом» [1].

Задолго до Октябрьской революции В. И. Ленин отстоял от нападок оппортунистов и развил далее разработанные К. Марксом и Ф. Энгельсом теоретические положения о необходимости перехода мелкого сельского хозяйства к крупному социалистическому производству. На основе богатого и тщательно проанализированного материала о развитии сельского хозяйства в главных капиталистических странах, В. И. Ленин доказал несостоятельность теории «устойчивости» мелкого крестьянского хозяйства. Отмечая неизбежность социальной дифференциации деревни, В. И. Ленин постоянно подчеркивал, что мелкое производство в сельское хозяйстве вытесняется крупным капиталистическим производством, основанным на машинной технике, что лишь небольшая часть крестьянства превращается в капиталистических собственников, а основная масса разоряется, пролетаризируется. И чем больше времени проходит, тем все больше это ленинское предвидение подтверждается ходом экономического развития. Не в меньшей мере, чем по некоторым другим вопросам, и здесь буржуазные «критики» опровергли самих себя, утверждая, что диалектика Маркса и Ленина должна склонить голову перед диалектикой истории. В действительности история подтвердила выводы Ленина о бесперспективности мелкого сельского хозяйства в условиях капитализма и его гениальное предвидение об участии бедных и средних крестьянских масс под руководством пролетариата в социалистической революции и социалистическом переустройстве сельского хозяйства.

Эти выводы В. И. Ленин теоретически обобщил в своем знаменитом произведении «О кооперации», написанном в 1923 г. Анализируя пятилетний период, начиная с 1917 г., он указывает, что для строительства социализма в стране, наряду с национализацией промышленности, земли, банков, транспорта и т. п., необходимо осуществить социалистическое переустройство и мелкого крестьянского хозяйства на основе политики боевого союза рабочего класса с трудовыми сельскими массами. Правильное решение этого вопроса имело огромное теоретическое и практическое значение не только для СССР, но и для других стран. Преодолевая многочисленные трудности, КПСС смогла в непродолжительный срок после восстанов-

---

[1] «50 лет Великой Октябрьской социалистической революции. Постановление Пленума ЦК КПСС. Тезисы ЦК КПСС», М., 1967, стр. 14.

ления разрушенного народного хозяйства осуществить впервые в мире коллективизацию сельского хозяйства. Перестроенное на социалистических основах советское сельское хозяйство внесло свой вклад в социалистическое строительство в СССР, стало одним из наиболее важных факторов победы над гитлеровскими захватчиками, а после второй мировой войны сыграло важную роль в образовании и развитии мировой социалистической системы хозяйства. Достойное место в этой системе заняло и творчески перестроенное на основе ленинского кооперативного плана сельское хозяйство Болгарии.

Почти 500 лет (1393—1878 гг.) Болгария находилась под турецким феодальным господством. Ценой тысяч жертв во время войны 1877—1878 гг. Россия освободила Болгарию от турецкого рабства. Тем самым в стране был ликвидирован и феодальный строй. Основоположник социализма на Балканах и в Болгарии, основатель одного из первых социалистических кружков в России, Д. Благоев писал: «... освобождение совершило полный социальный переворот в освобожденных частях Болгарии, Болгария после освобождения стала страной мелкой буржуазной собственности и производства, что является и исходной точкой и необходимым условием возникновения капиталистической формы производства» [2]. Однако в стране сохранилась и крупная земельная собственность болгарских чорбаджиев, которые и после освобождения продолжали эксплуатировать труд тысяч оставшихся без земли крестьян и мелких собственников.

Происходивший с этого времени в Болгарии процесс концентрации земельной собственности усиливался экономическими мероприятиями буржуазного государства, направленными на все более активное включение мелких и средних производителей в сферу действия товарных отношений. Во многих местах крестьяне оказывали упорное сопротивление противонародной экономической политике. В одной из самых решительных схваток в районе села Дуран Кулак (лето 1900 г.) было убито и ранено около 400 человек. Много крестьян было арестовано. Подобные волнения происходили и в других районах страны. Дальнейшая политика буржуазных правительств все больше убеждала крестьян в том, что эти правительства не в состоянии улучшить их жизненный уровень, ограничить спекулятивно-торгашеские домогательства буржуазных элементов в деревне и городе. Это со своей стороны укрепляло классовое сознание бедных и средних крестьян, которые под идейным руководством Коммунистической партии становятся все более надежным союзником рабочего класса. Крестьяне были в первых рядах антифашистского восстания 1923 г., участвовали в антифашистской борьбе в 1941—1944 гг. В этой общей борьбе еще больше укрепился союз между рабочим классом и трудовым крестьянством, между городом и деревней. Этот союз после победоносного восстания 9 сентября 1944 г. стал политической базой восстановления и развития народного хозяйства, ограбленного и разрушенного немецким империализмом, превратившим Болгарию в свой аграрный придаток.

Капиталистическая Болгария была одной из тех стран в Европе, которые отличались наибольшей плотностью сельского населения на единицу обрабатываемой земли. В стране существовала как явная, так и «скрытая» безработица. Вместе с тем в этот период происходил процесс расслоения крестьянства и концентрации земельной собственности. К 1946 г. почти половина хозяйств в стране (44,2%) размером до 30 декаров владела лишь 15,4% сельскохозяйственных площадей, а около 7% хозяйств размером свыше 100 декаров — почти $^1/_4$.

---

[2] Д. Благоев. Принос към историята на социализма в България. София, 1956, стр. 66.

В 1946 г. насчитывалось 11 936 тыс. парцелл (в 1887—7982 тыс.), их средний размер равнялся 3,8 декарам (в 1887 г.— 5 декарам). В 1946 г. 25,8% всех хозяйств не имели никакого рабочего скота, 12,2% — имели по одному рабочему животному, 21,1% хозяйств не располагали и самым простым инвентарем. Тракторы, которых насчитывалось около 3 тысяч, были собственностью кулацких хозяйств. Ввозимые из-за границы минеральные удобрения использовались главным образом в крупных хозяйствах.

Распыленное и мелкое, обладающее низкой производственной культурой и отсталой технической базой, сельское хозяйство в течение всего периода капиталистического развития Болгарии по урожаям и продуктивности, по жизненному уровню сельского населения находилось на одном из последних мест в Европе.

Положение в сельском хозяйстве особенно ухудшилось в годы второй мировой войны (1939—1944 гг.). Насильно собираемые с крестьян налоги и денежная инфляция привели к снижению сельскохозяйственного производства. Поголовье скота и объем животноводческой продукции уменьшились на 20—50%. В 1944 г. общее производство зерна снизилось почти на 50% по сравнению с довоенным 1939 г.

Таким образом, победившая 9 сентября 1944 г. социалистическая революция совершилась в стране с отсталым, раздробленным, мелкособственническим сельским хозяйством. Эта революция, продолжившая дело Великой Октябрьской социалистической революции, выдвинула на первый план задачу творческого использования указаний В. И. Ленина, воплощенных в опыте КПСС по восстановлению народного хозяйства и постепенному его переходу на социалистические рельсы.

Прежде всего БКП направила свои усилия на восстановление промышленности, ясно отдавая себе отчет, что без этого нельзя осуществить переустройство сельского хозяйства. После того как были использованы возможности частного сектора, в конце 1947 г. была проведена национализация промышленности, шахт и банков. Тем самым государство заняло ключевые позиции в экономике и создало прочную основу для построения мощной и независимой социалистической Болгарии. Однако генеральная линия партии не могла последовательно осуществляться без социальных изменений и в болгарской деревне. «Это ставит ребром вопрос,— заявил Г. Димитров перед V съездом БКП, — о социалистической реконструкции одновременно сельского хозяйства и промышленности. Нельзя долгое время строить народно-демократическую власть и социалистическое хозяйство на двух различных основах — на крупной и объединенной социалистической промышленности и на раздробленном и отсталом мелкотоварном сельском хозяйстве»[3]. В укреплении союза рабочего класса с трудящимся крестьянством Г. Димитров видел необходимое условие для ликвидации капиталистических эксплуататорских элементов в сельском хозяйстве путем последовательного их ограничения, а затем вытеснения и ликвидации. Эта политика могла проводиться на базе развития производственных кооперативов, оказания государственной помощи входившим туда мелким и средним крестьянам кредитами, семенами, машинами и пр. Все это должно было убедить крестьян в преимуществах совместного ведения сельского хозяйства, воспитывать в духе непримиримости к капиталистическим элементам.

Десять лет спустя, на V конференции ТКЗХ (1958 г.) первый секретарь ЦК БКП тов. Живков заявил: «Мы можем сейчас рапортовать нашему народу, международному рабочему движению и всем прогрессивным людям

---

[3] Г. Димитров. Съчинения, т. 14, стр. 314—315.

мира, что болгарские крестьяне, проявляя упорство и самоотверженность, вторыми в Европе выиграли великую битву за победу социализма в деревне и дали еще один, хотя и скромный пример преимуществ социалистического строя» [4].

Таким образом, в сравнительно короткий срок под руководством партии был завершен один из самых сложных социально-экономических процессов — социалистическое переустройство сельского хозяйства. Раскрытие движущих сил этого процесса показывает, что в Болгарии имелись некоторые факторы, благоприятствовавшие этому переустройству. Прежде всего Болгария имела перед собой пример социалистического переустройства сельского хозяйства в СССР, осуществленного на базе знаменитого кооперативного плана Ленина. Не менее важной оказалась и экономическая сторона вопроса. Известно, что еще в первые годы установления народно-демократической власти экономическая помощь СССР оказалась решающей для восстановления и дальнейшего развития народного хозяйства Болгарии. Благодаря ей машинно-тракторный парк страны за 2—3 года удвоился и обновился. Бедные и средние крестьяне непосредственно убеждались, что образуя кооперативные хозяйства, они получают не только морально-политическую поддержку народной власти, но и экономическую помощь в виде машин и тракторов советских марок. Большую роль в социалистическом переустройстве сельского хозяйства страны сыграли традиции кооперативного движения вообще и особенно в деревне, которое в условиях народно-демократической власти получило дальнейшее развитие. В течение десятилетий крестьяне на собственном опыте убеждались, что мелкое сельское хозяйство не в состоянии противостоять различным формам грабительских поползновений частного капитала. Это и привело крестьян к необходимости организоваться в самые различные потребительские и производственные кооперативы. Наша партия, поддерживавшая кооперативное движение, отдавала себе отчет в том, что в условиях капитализма оно не может изменить по существу капиталистические производственные отношения. Кроме того, кооперация рассматривалась партией в качестве подходящей формы для развертывания экономической борьбы против капиталистической эксплуатации и для активизации и революционизирования сельских масс. Одна из заслуг БКП состоит именно в том, что она всегда руководствовалась ленинской установкой о кооперации в условиях капитализма. К 1944 г. в стране насчитывалось свыше 4 тыс. кооперативов, в том числе 2606 — в деревне. В ряде мест в 1899 г., 1921 и 1925 гг. были сделаны попытки кооперативной обработки земли. Успехи коллективизации в СССР воодушевили болгарских крестьян, в результате чего было создано несколько десятков земледельческих производственных коопераций, из которых до 9 сентября 1944 г. сохранилось лишь 28. На их основе при народной власти были созданы первые производственные кооперативы, которые на деле доказали преимущество коллективной обработки земли в условиях, когда коренным образом изменяется классовая природа кооперации.

Успешное кооперирование сельского хозяйства объясняется также большим авторитетом Болгарской коммунистической партии, которая еще со времени своего основания считала бедных и средних крестьян естественными союзниками рабочего класса. Этот авторитет партия завоевала в многолетней напряженной борьбе в защиту интересов трудящихся крестьян против капиталистической эксплуатации. БКП мобилизовала партийные организации на местах и смогла объединить около себя все прогрессивные элементы, которые в процессе социалистического переустройства сельско-

[4] «V конференция на ТКЗС». София, 1958, стр. 69.

го хозяйства стали его непосредственными организаторами. Историческая заслуга Коммунистической партии состоит и в том, что она привлекла на свою сторону Болгарский земледельческий народный союз, который полностью воспринял программу социалистического строительства в деревне и тем самым способствовал кооперированию и подъему сельского хозяйства. В настоящее время Болгарию посещают многочисленные делегации из различных стран, которые изучают ее опыт в социалистическом переустройстве сельского хозяйства и успехи в социально-культурном развитии болгарской деревни.

Исходя из основных положений ленинского кооперативного плана и результатов его применения в СССР, БКП нашла и конкретные формы социалистического переустройства сельского хозяйства в условиях сохранения частной собственности на землю. Известно, что в результате аграрной реформы, осуществленной в 1946 г., увеличилось число мелких хозяйств в стране. Еще К. Маркс считал национализацию земли одним из первых мероприятий после завоевания власти пролетариатом, но в то же время он указывал, что в странах с преобладающим мелким хозяйством пролетариат «... должен в качестве правительства принимать меры, в результате которых непосредственно улучшится положение крестьянина и которые, следовательно, привлекут его на сторону революции; меры, которые в зародыше облегчают переход от частной собственности на землю к собственности коллективной, так чтобы крестьянин сам пришел к этому хозяйственным путем» [5]. На V съезде БКП (1948 г.) Г. Димитров подчеркнул, что национализация земли в условиях Болгарии при развитии трудовых кооперативных земледельческих хозяйств не имеет практического значения и не является непременным условием развития и механизации сельского хозяйства. Но в то же время Г. Димитров отметил, «что с постепенным вовлечением бедняков и середняков в трудовые кооперативные земледельческие хозяйства, с развитием машинно-тракторных станций, а также в результате запрещения купли и продажи земли, уменьшения, а затем и полной ликвидации ренты по решению самих кооперированных крестьян, когда условия позволят это, вопрос о национализации земли будет *практически разрешен тем, что вся земля останется в вечном пользовании трудящихся крестьян*» [6].

В. И. Ленин в «Тезисах по аграрному вопросу» и других трудах указывал, что революционная практика будет порождать различные формы решения аграрного вопроса. В конкретных условиях Болгарии ТКЗХ явились «... уже стабилизированной новой формой, которая одна в состоянии при помощи МТС механизировать и модернизировать наше земледелие, улучшить благосостояние сельского населения и направить сельское хозяйство к социализму» [7].

ТКЗХ являются социалистическими сельскохозяйственными кооперативами, созданными путем добровольного объединения трудящихся крестьян для ведения коллективного сельского хозяйства общественными средствами производства. В них лучше всего и наиболее последовательно соблюдается принцип правильного сочетания личных и общественных интересов кооператоров. Соблюдение этого принципа дает возможность использования в ТКЗХ сил и средств не только бедных, но и средних крестьян. Именно поэтому сразу же после V съезда БКП кооперирование приобрело массовый характер. Если до 1948 г. было образовано 1100 кооперативных хозяйств, располагавших 7,2% всех сельскохозяйственных площадей в стране, то к

---

[5] К. Маркс. Конспект книги Бакунина «Государство и анархия». — К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 18, стр. 612.

[6] Г. Димитров. Съчинения, т. 14, стр. 297, 346.

[7] Там же, стр. 313.

1951 г. эти цифры составили соответственно 2379 и 56,4%. 1950 год оказался годом великого перелома в нашем сельском хозяйстве, а ТКЗХ окончательно утвердились как новая форма производственной кооперации. В свою завершающую фазу кооперирование вступило в годы после Апрельского пленума ЦК БКП 1956 г., когда в ТКЗХ был восстановлен принцип материальной заинтересованности и были поставлены на прочную научную основу вопросы ценообразования. Посредством ряда экономических мер (аграрная реформа — в 1946 г.; принудительный выкуп крупного сельскохозяйственного инвентаря — 1948 г.; налоговая политика и более высокие ставки обложения через обязательные государственные поставки и др.) к 1956 г. кулачество было лишено экономической базы и по существу ликвидировано. Июльский пленум ЦК БКП 1956 г. указал, что бывшие кулаки могут приниматься в члены ТКЗХ, но не имеют права избираться на руководящие должности.

В 1958 г. было завершено кооперирование сельского хозяйства. «Болгарская коммунистическая партия,— заявил на VII съезде БКП (1958 г.) тов. Т. Живков,— без колебания, преодолевая трудности, учась и творчески применяя всемирно-исторический опыт колхозного строительства в СССР,... с честью прошла этот тяжелый и тернистый путь, и болгарские крестьяне вторыми в Европе выиграли великую битву за построение социализма на селе» [8].

Следует особенно подчеркнуть, что уже в первые годы после установления народной власти ТКЗХ имели социалистический характер. Разумеется, в процессе их развития все более отчетливо формировались социалистический облик ТКЗХ, экономические, культурные и социально-бытовые стороны жизни болгарского села. Большое значение в этой связи имело экономическое преодоление частной собственности на землю. Известно, что кооператоры, внесшие землю в ТКЗХ, сохраняли на нее право и получали соответствующее вознаграждение. Это мешало последовательному применению социалистического принципа оплаты по труду, так как часть доходов в размере, определяемом общим собранием, распределялась в виде ренты за внесенную землю. Но постепенно, по мере организационно-экономического укрепления ТКЗХ и роста их доходов, размер ренты по решению самих кооператоров уменьшался, а тем самым теряла свое содержание и частная собственность на землю. Так, максимальный размер ренты по отношению ко всему доходу кооператоров, определявшийся национальными конференциями ТКЗХ, неуклонно падал. На II конференции, состоявшейся в 1950 г., было решено, что он не должен превышать 30%, на III конференции в 1954 г.— 25%. В 1958 г. фактический размер ренты снизился до 1,84%, а в 1961 г.— до 0,001%. В 1967 г. Съезд ТКЗХ объявил, что земля принадлежит тем, кто ее обрабатывает, и фактически мелкая трудовая собственность на землю превратилась в общественную, социалистическую собственность.

К настоящему времени полностью обновились и производственные фонды ТКЗХ. Мелкий сельскохозяйственный инвентарь, некогда внесенный кооператорами, уступил место современной технике. Сейчас кооперативные хозяйства располагают солидной материально-производственной базой, которая дает возможность повышать уровень механизации производственных процессов в растениеводстве и животноводстве, широко применять комплексную механизацию и на этой основе непрерывно повышать производительность труда. В техническом перевооружении и во всем организационно-хозяйственном укреплении ТКЗХ большую роль сыграли, а в горных районах и сейчас продолжают играть, МТС.

Большое значение в развитии ТКЗХ имело также и их укрупнение, осу-

---

[8] Т. Живков. Избранные статьи и речи, т. I. М., 1965, стр. 359.

ществленное в начале 1959 года. Вместо существовавших ранее 3290 ТКЗХ со средним размером обрабатываемой земли в 11 500 декаров были созданы 972 крупных высокомеханизированных хозяйства с 40 000 декаров обрабатываемой земли каждое. Укрупнение повысило степень обобществления средств производства, подняло на более высокую ступень кооперативную собственность ТКЗХ. Благодаря росту числа межкооперативных предприятий по переработке сельскохозяйственной продукции, в которых иногда участвовало и государство, кооперативная собственность содействовала процессу развития обеих форм социалистической собственности (кооперативной и государственной).

На состоявшемся в марте 1967 г. съезде ТКЗХ было решено создать Союз ТКЗХ и объединить его с Центральным кооперативным союзом в единый Союз ТКЗХ и потребительских кооперацій. Это даст возможность усилить хозяйственные фукции последнего, теснее увязать сельскохозяйственное производство с промышленностью, совершенствовать кооперативную собственность.

Наиболее яркую и всеобъемлющую характеристику ТКЗХ, их роли в социалистическом строительстве в стране дал тов. Т. Живков в докладе на съезде ТКЗХ: «Все развитие кооперативного строя на селе, успехи, достигнутые социалистическим сельским хозяйством, показывают, что ТКЗХ выдержали строгую проверку времени. Они утвердились как крупные, механизированные и высокотоварные хозяйства, в которых все более успешно прокладывает себе дорогу технический прогресс и внедряются промышленные методы производства. Сейчас ТКЗХ развиваются не только как предприятия последовательно социалистического характера, не только как форма социалистического хозяйства, но и как социалистическая организация кооператоров, которая решает проблемы экономики, культуры и социально-бытового устройства на селе и в которой все более полно сочетаются личные, коллективные и общенародные интересы» [9].

На части земли, изъятой в результате аграрной реформы, и на землях государственных питомников и опытных хозяйств в сельскохозяйственной Болгарии был создан государственный социалистический сектор. Первые государственные земледельческие хозяйства (ГЗХ) были созданы в конце 1947 г.; они располагали менее 1 % обрабатываемой площади в стране. Позднее, по решению самих кооператоров, некоторые ТКЗХ, главным образом находящиеся в горных районах, были преобразованы в ГЗХ. В 1965 г. насчитывалось 104 ГЗХ с 4150 тыс. декаров обрабатываемой земли, что составляло около 8% всей обрабатываемой площади. Необходимо отметить, что ГЗХ, как последовательно социалистические предприятия, сыграли большую роль в переустройстве сельского хозяйства. Они содействовали снабжению ТКЗХ высококачественными сортовыми семенами и племенным скотом, служили примером социалистического ведения крупного и механизированного сельского хозяйства. Опыт Болгарии также показывает, что в процессе социалистического строительства должны развиваться и совершенствоваться обе формы социалистической собственности.

Решение Апрельского пленума ЦК БКП (1956 г.) явились поворотным моментом в развитии сельского хозяйства как в области производства, так и в области положительных изменений в социально-классовой структуре и условиях жизни болгарского крестьянства.

Основные производственные фонды на 100 декаров обрабатываемой земли увеличились за этот период с 30,50 тыс. левов до 58,49 тыс. левов. В 1966 г. на каждого занятого в сельском хозяйстве приходилось 3,2 *л. с.* механи-

[9] Т. Живков. За высокоинтенсивное и эффективное сельское хозяйство. Доклад на съезде трудовых кооперативных земледельческих хозяйств 28 марта 1967 г.— «Информационный бюллетень ЦК БКП», София, 1967, № 3, стр. 24—25.

ческих мощностей при 0,8 *л. с.* в 1957 г. Поливные площади в стране достигли почти 10 млн. декаров, что составляет более 20% обрабатываемой земли. На 1 декар было внесено 9,5 *кг* минеральных удобрений. Число специалистов со средним и высшим образованием, занятых в сельском хозяйстве, возросло с 12 379 в 1957 г. до 30 877 человек в 1966 г. В связи с этим объем валовой сельскохозяйственной продукции в стране за 21 год народной власти удвоился. На одного занятого в сельском хозяйстве сейчас производится почти в четыре раза больше продукции, чем до второй мировой войны. Средний урожай пшеницы на 1 декар увеличился со 125 *кг* в период 1934—1939 гг. до 181 *кг* в 1961—1965 гг., а в 1966 г. достиг 284 *кг*. Средний надой молока с коровы составлял в 1966 г. 1506 *л*.

Быстрый рост потребностей населения и промышленности в сельскохозяйственных продуктах и сырье и увеличение экспорта ставят перед нашим социалистическим сельским хозяйством новые задачи. Согласно перспективному плану на 1966—1980 гг., утвержденному VIII съездом БКП, сельское хозяйство в 1980 г. должно увеличить свое производство почти в 2,5 раза по сравнению с 1960 г. Число тракторов в сельском хозяйстве увеличится к 1980 г. в 3—4 раза, поливные земли составят около 29 млн. декаров (80% годных для орошения земель). По сравнению с 1960 г. производительность труда на одного занятого в сельском хозяйстве увеличится в 1980 г. почти в 5 раз.

Кооперирование сельского хозяйства Болгарии привело к глубоким изменениям в общественных отношениях и жизненном уровне населения. «Основное, что характеризует сейчас социально-классовые процессы в болгарском селе,— говорил тов. Т. Живков, — это тенденция к экономическому, культурному и бытовому сближению отдельных социальных групп и достижению более полной однородности сельского населения, к постепенному стиранию граней между городом и деревней, между умственным и физическим трудом»[10].

Значительно возрос жизненный уровень трудящихся крестьян. За период 1957—1965 гг. реальные доходы сельского населения возросли в 2,3 раза. Доход одного постоянно занятого кооператора ТКЗХ возрос с 284 левов в 1956 г. до 641 лева в 1963 г. и до 785 левов в 1966 г.

Следует также подчеркнуть, что обновлена большая часть жилищного фонда в селах, почти все села электрифицированы и в большинстве из них имеется водопровод, почти нет села без клуба и библиотеки, с каждым годом растет число крестьян, пользующихся домами отдыха, на селе теперь работает 1300 врачей, более 700 зубных врачей и свыше 4600 медицинских работников средней квалификации.

В Болгарии также решен вопрос о социальном обеспечении крестьян-кооператоров. С 1957 г. (когда были введены пенсии для крестьян-кооператоров) по 1966 г. число пенсионеров увеличилось с 730 до 1078 тыс. человек, а выплаченные суммы возросли с 46,6 млн. левов до 146,7 млн. левов. В 1967 г. в результате внесенных изменений пенсии и другие виды социального обеспечения крестьян-кооператоров по размеру и охвату достигнут уровня таковых у рабочих и служащих. Это будет еще одним подтверждением идей Ленина о преимуществах социалистического общественного строя.

Творческое применение ленинского кооперативного плана в болгарской деревне имеет большое международное значение. Опытом Болгарии интересуются многие страны, осободившиеся от империалистической зависимости и вступившие на путь самостоятельного развития, а также прогрессивные организации ряда капиталистических стран.

[10] Т. Живков. За высокоинтенсивное и эффективное сельское хозяйство, стр. 14.

Е. Л. НЕМИРОВСКИЙ

СЛАВЯНСКИЕ ИНКУНАБУЛЫ И ПАЛЕОТИПЫ КИРИЛЛОВСКОГО ШРИФТА В КНИГОХРАНИЛИЩАХ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

Среди памятников культуры прошлых столетий совершенно особое место занимают старопечатные издания. Книги, которые держали в руках наши предки, донесли до нас дух старины: гравированные на дереве или на металле иллюстрации говорят о художественных возможностях той или иной эпохи, текст являет собой как бы моментальную фотографию языка.

О научном значении старопечатных изданий хорошо сказал В. С. Люблинский — отсылаем читателя к его работе [1]. В настоящей статье мы расскажем об экземплярах славянских инкунабулов и палеотипов в наших книгохранилищах [2], о славянских первопечатных изданиях Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина (всюду ниже — ЛБ), Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (ГПБ), Государственного Исторического музея (ГИМ), Библиотеки Академии наук СССР (БАН), Государственной публичной исторической библиотеки (ГПИБ), научных библиотек Московского (МГУ), Ленинградского (ЛГУ), Саратовского (СГУ), Вильнюсского (ВГУ) университетов, Государственной публичной библиотеки УССР (ГПБ УССР), Центрального государственного архива древних актов (ЦГАДА), Государственного исторического музея во Львове, Музея украинского искусства во Львове (МУИ), Государственной научной библиотеки во Львове (ЛГНБ), Библиотеки Академии наук Литовской ССР (БАН ЛССР) и некоторых других книгохранилищ.

Пионером кирилловского книгопечатания был, как известно, выходец из немецкой Франконии Швайпольт Фиоль, напечатавший около 1491 г. в Кракове четыре издания: Октоих, Часослов, Постную и Цветную Триоди. Вторая славянская типография возникает года два спустя в Черногории — в настоящее время известно четыре издания, вышедших отсюда. Всего же, до середины XVI столетия, кирилловским шрифтом печатали не менее чем в 11 местах. Среди них валашские города Тырговиште и Сибиу, древняя чешская Прага, многоязычная Венеция, Вильна, сербские монастыри Руйно, Грачаница и Милешева... [3].

---

[1] В. С. Люблинский. Научное значение инкунабулов. В кн.: Е. И. Боброва. Каталог инкунабулов. М.— Л., 1963, стр. 3—40 (Библиотека Академии наук СССР).

[2] Инкунабулы — книги, напечатанные не позднее 31 декабря 1500 г. Палеотипы— книги, напечатанные в первой половине XVI в.

[3] См. общий очерк истории славянского кирилловского книгопечатания в кн.: Е. Л. Немировский. Возникновение книгопечатания в Москве. Иван Федоров. М., 1964, стр. 80—103.

На территорию нашей страны произведения печатного станка западных и южных типографий попадали еще в XVI в. В литературе имеется немало примеров плодотворных и взаимных «книжных связей» — нам нет нужды касаться этого предмета [4]. Отметим лишь, что многие редкие книги были ввезены в нашу страну уже в новое время благодаря коллекционерам старопечатных славянских изданий — М. П. Погодину, И. Я. Лукашевичу, А. И. Хлудову, И. П. Каратаеву, А. Б. Лобанову-Ростовскому и другим, а также благодаря заслугам Петербургской публичной библиотеки, которая в 1859 г. приобрела собрание южнославянских кирилловских изданий, принадлежавшее Вуку Стефановичу Караджичу [5], а в 1874 г. — знаменитое глаголическое собрание И. Берчича [6].

В результате в советских книгохранилищах в настоящее время имеются экземпляры 73 из описанных в литературе 79 инкунабулов и палеотипов кирилловского шрифта. При этом многие из них уникальны. Ни в одной стране, кроме СССР, нет, например, экземпляров краковских Октоиха и Часослова 1491 г., пражской Псалтыри 1517 г., Молитвенника, напечатанного в Горажде в 1523 г., Четвероевангелия из Сибиу (1546 г.). В Ленинграде находится единственный полный экземпляр Руянского Четвероевангелия 1537 г.

Ценность наших собраний во много раз возросла вследствие того печального обстоятельства, что книгохранилища Польши, Румынии и особенно Югославии потерпели большой урон в годы первой и второй мировых войн [7]. Поэтому ученые братских стран все чаще прибегают к услугам наших библиотек, ибо они не могут найти интересующие их издания у себя на родине.

Нельзя сказать, что фонды славянской старопечатной книжности наших библиотек совершенно не раскрыты. Отдельные работы в этой области появлялись [8]; но необходимо, как нам представляется, комплексное изучение всех сохранившихся экземпляров славянских инкунабулов и палеотипов.

I

Превосходно представлены в советских библиотеках издания первой славянской типографии кирилловского шрифта. Первая книга из этой типографии — Октоих 1491 г. — известна ныне в шести экземплярах, и все шесть находятся в нашей стране. Был и седьмой экземпляр, наиболее полный из всех существующих — в прошлом веке он находился в Редигеровском собрании Городской библиотеки Вроцлава [9]. В дальнейшем, однако, этот экземпляр был утерян.

Самым полным из сохранившихся экземпляров должен быть признан Октоих 1491 г., найденный, в 1965 г. экспедицией Русского музея в одной из деревень Пинежского района Архангельской области [10]. Сейчас он нахо-

---

[4] См., например, книгу М. И. Слуховского «Из истории книжной культуры России», М., 1964.

[5] Отчет имп. Публичной библиотеки за 1859 г. Спб., 1860, стр. 16—19.

[6] Там же за 1874 г. Спб., 1875, стр. 67—69.

[7] См., например: Ђ. С. Радојичић. Спаљене збирке Народне библиотеке у Београду.— В его книге «Творци и дела старе српске књижевности». Титоград, 1963, стр. 409—416.

[8] См. М. В. Щепкина, Т. Н. Протасьева. Сокровища древней письменности и старой печати. М., 1958 (Государственный Исторический музей); Н. В. Варбанец, В. И. Лукьяненко. Славянские инкунабулы в собрании Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде.— «Книга. Исследования и материалы», сб. 2. М., 1960, стр. 187—208.

[9] См. И. Каратаев. Осмогласник 1491 года, напечатанный в Кракове кирилловскими буквами. Спб., 1876.

[10] См. А. Горфункель. Уникальный экземпляр Осмогласника.— «Книжное обозрение», 1966, 16 декабря.

дится в Научной библиотеке Ленинградского университета. В книге нет 11 листов; среди них, к сожалению, и гравированный фронтиспис с изображением распятия. Гравюра отсутствует и в других экземплярах — мы знаем ее лишь по факсимильной литографской копии, снятой в прошлом веке с вроцлавского экземпляра. Достаточно полны также экземпляры ГПБ, I.1.1[а] (нет 19 л.), ГИМ, Щап. 1 (нет 20 л.) и ЛБ, № 1205 (нет 20 л). Менее комплектны экземпляры ГИМ, Цар. Б8 (нет 34 л.) и ГПБ I.1.1[б] (нет 68 л.).

Значительно чаще встречается краковский Часослов 1491 г. — мы знаем 24 экземпляра. И опять-таки все они находятся в нашей стране [11]: 5 экземпляров хранятся в ГИМе, столько же в ГПБ, 4 — в ЛБ. Полностью комплектных экземпляров нет нигде — однако немало сравнительно полных. В экземпляре ГПБ, I.5.1[д] не хватает 1 листа (л. 8), в экземпляре ЛБ № 4331 — 4 листов.

Недатированная краковская Триодь Постная, вышедшая из той же типографии, известна в 26 экземплярах. 24 из них находятся в нашей стране, один — в Болгарии, один — в Польше. Полные экземпляры книги не составляют редкости. Обычно в книгах отсутствует лишь первый пустой лист. Среди 6 экземпляров ГПБ два полных (ГПБ, I.1.2[а] и I.1.2[в]). Таково же соотношение между экземплярами ЛБ (полные экземпляры — № 7422 и 1209).

Последнее издание Швайпольта Фиоля — недатированная Триодь Цветная — встречается реже, чем Часослов и Триодь Постная: мы знаем всего 18 экземпляров. 14 из них находятся в советских книгохранилищах, 2 — в Польше, 1 — в Венгрии, 1 — в США.

Итак, из 74 известных в настоящее время экземпляров изданий Швайпольта Фиоля 68 находятся в нашей стране и лишь 6 — за ее пределами. Думается, что факт этот свидетельствует о том, что издания Фиоля предназначались для Московской Руси, а может быть, и были заказаны Москвой. О том же говорят вкладные и владельческие записи в сохранившихся экземплярах краковских инкунабулов. Многие из них бытовали на Руси уже в XVI столетии.

В первой четверти XVI в. один из Часословов 1491 г. был положен Григорием и Алексеем Ярцевыми в рязанскую церковь Бориса и Глеба [12]. Другой экземпляр Часослова издавна находился в семье Бухвостовых [13]. На страницах книги члены семьи делали записи о всевозможных примечательных событиях — о рождениях и смертях, о том, что «был глад на Руси по три годы..., купили рожь по штинадцати денег ноугороцкую» и т. д. Самая ранняя запись сделана в 1517 г. В XVII в. книга попала в Спасский Благовещенский монастырь на Онежском озере.

На одном из экземпляров Триоди Постной имеется запись 1536 г. о вкладе книги «к Николе на Осовце», сделанном людьми князя Д. Ф. Бельского (1499—1551) [14]. В другом экземпляре той же книги читаем вкладную Феодорита Васильевича Шереметева в Воскресенский монастырь Устюжны Железопольской, датированную 1598 г. [15]. Однако известно, что воевода Ивана Грозного Ф. В. Шереметев скончался за 6 лет перед этим — не исключено, что запись подложна. Но несомненно подлинна имеющаяся в этой же книге запись 1629 г., сделанная в том же Воскресенском монастыре.

Издания Фиоля имелись и при дворе московских царей. Один из экземпляров Триоди Постной принадлежал четвертой жене Ивана Грозного

---

[11] В Университетской Ягеллонской библиотеке Кракова хранятся корректурные оттиски 4-х полос Часослова.

[12] ГИМ, Щап. 68б.

[13] ЦГАДА, ф. 1250, № 819.

[14] ГИМ, Меньш. 578.

[15] ГПБ, I.1.2[в].

Анне Алексеевне Колтовской [16], другой — одному из приближенных Бориса Годунова [17]. Вкладная запись 1658 г. на Часослове сделана рукой патриарха Никона [18].

Исключительный интерес представляет экземпляр Часослова, на полях которого в течение почти ста лет делались всевозможные летописные записи [19]. Многие из них посвящены московским событиям XVII в.

Вкладные и владельческие записи нерусского происхождения на краковских славянских инкунабулах чрезвычайно редки.

Совсем иная картина открывается нам, когда мы знакомимся с находящимися в наших книгохранилищах произведениями второй славянской типографии, возникшей в 90-х годах XV в. при дворе черногорских властителей Црноевичей. Первая книга этой типографии — Октоих первогласник 1494 г.— широко распространена в землях южных славян. Лишь в Народной библиотеке Белграда имелось 12 экземпляров книги, но три из них погибли в годы первой мировой войны, а остальные — в 1941 г. от фашистской зажигательной бомбы, уничтожившей библиотеку [20]. Но и в настоящее время в Югославии хранится немало экземпляров Октоиха 1494 г. Они есть в Библиотеке Сербской академии наук, в Институте охраны и научного изучения памятников культуры Сербии, в Государственном музее в Цетинье, в Сербском музее в Загребе, в Университетской библиотеке в Загребе, во многих монастырских и церковных книгохранилищах.

Восемь болгарских экземпляров Октоиха 1494 г. недавно были описаны П. Атанасовым [21].

В нашей стране имеется всего лишь 9 экземпляров Октоиха 1494 г. Ни в одном из них нет русских записей. Почти все они были ввезены в Россию в XIX в. собирателями и коллекционерами. Среди сербских записей отметим разменную запись попа Петра Лазаревича, сделанную в 1623 г. Находится она на одном из листов экземпляра, принадлежавшего в прошлом Вуку Караджичу [22]. В другом экземпляре — сербская вкладная 1788 г. [23].

Вторая книга черногорской типографии — Псалтырь с восследованьем 1494 г. — известна в нашей стране в пяти экземплярах. В южнославянских книгохранилищах она встречается реже, чем Октоих первогласник, но все же достаточно часто. Среди двух экземпляров ГПБ — один (I.5.2[а]) полный, а во втором (I.5.2[б]) отсутствует первый лист. Менее комплектны московские экземпляры (ЛБ, № 2716, 5154 и 4449).

Второй из экземпляров ГПБ попал на Русь сравнительно рано. На л. 9 об. 43-й тетради книги имеется помета «Бце Цетінска», что без всякого сомнения указывает на Цетиньский монастырь с церковью св. Марии, заложенный в 1484 г. В дальнейшем книга попала в Белоруссию или на Украину. 25 апреля 1734 г. на ее полях была сделана запись о затмении солнца. В 1803 г. книга была куплена уже в Петербурге петрозаводским крестьянином Григорием Терентьевичем Панкрашкиным, о чем им была сделана соответствующая запись на втором листе форзаца.

Чрезвычайно редка третья книга черногорской типографии — Октоих пятигласник. Отдельные фрагменты ее хранятся в югославских собраниях.

---

[16] ГПБ УССР.

[17] СГУ, № 1/4.

[18] ГПБ, I.5.1[в].

[19] ГИМ, Син. 191.

[20] Ђ. С. Радојичић. Карактер и главни моменти из прошлости старих српских штампарија.— «Историјски записи», 1950, књ. VI, св. 7—9, стр. 257.

[21] П. Атанасов. Славянски кирилски инкунабули в България.— «Български език», 1964, кн. 2—3, стр. 160—172.

[22] ГПБ, I.1.4[а].

[23] ГИМ, Щап. 2.

В нашей стране этой книги нет. Редок и Молитвенник, напечатанный в той же типографии в 1495 г.; в ГПБ (I.5.3) имеется 7 отдельных листов из этой книги.

Не часто встречаются в нашей стране издания третьей славянской типографии, возникшей в первом десятилетии XVI в. в столице Валахии Тырговиште[24]. Первенцем типографии был Служебник 1508 г.[25]. Четыре экземпляра этой книги находятся в книгохранилищах Москвы[26].

Исключительную редкость представляет собой Октоих, напечатанный в Тырговиште в 1510 г. Экземпляры этой книги имеются в Митрополичьей библиотеке гор. Блаж (Румыния) и в библиотеке Хиландарского монастыря на Афоне. В нашей стране ни одного экземпляра Октоиха 1510 г. до сих пор не обнаружено.

Чаще встречается Четвероевангелие 1512 г., вышедшее из той же типографии. Два экземпляра этой книги имеются в ЛБ, по одному — в ГПБ, ГИМе и собрании проф. А. И. Маркушевича. В одной из книг находим румынскую владельческую запись 1653 г.[27], в другой — запись XIX в. о принадлежности книги Свято-Стретенской церкви Дубенского уезда Волынской губернии[28].

Четвертая славянская типография была основана в 1512 г. в Венеции Франьо Ратковичем Мицаловичем. Ее единственное издание — католический Молитвенник — представлен уникумом Парижской библиотеки[29]. Ни одного другого экземпляра пока не найдено.

Пятая славянская типография начинает свою деятельность в 1517 г. в Праге. Ее основал выдающийся белорусский просветитель Франциск Скорина. Первое ее издание — Псалтырь — вышло в свет 6 августа 1517 г. Известно лишь два экземпляра книги. Оба — сравнительно полные. В ленинградском экземпляре (ГПБ, VIII. 2.62) не хватает одного последнего листа (л. 142), в московском (ГИМ, Хлуд. 4) — двух листов (л. 1 и 130). В экземплярах (в ленинградском на л. 1, в московском на л. 142) имеются рукописные приписки, современные печатанию книги: «А то ся стало накладом Богдана Онкова сына радци места Виленского». Оба экземпляра издавна находились в пределах Московской Руси. В ленинградском имеются владельческие записи XVII в., сделанные неким Емельяном и его сыном. В московском — запись, сделанная в XVIII в., в селе Белоезерском Пошехонского уезда Ухтомской волости.

Чаще встречаются экземпляры 19 отдельных книг Библии, напечатанных Ф. Скориной в 1517—1519 гг. Самая редкая из них — «Плач Иеремии» (1519 г.) — известна в 4 экземплярах. Самые распространенные — «Еклесиастес» (1518 г.), «Книга Исход», «Книга Леувит» и «Книга Числа» — по 14—16 экземпляров. Все известные нам экземпляры находятся в книгохранилищах Советского Союза. В предвоенные годы отдельные книги Библии Скорины имелись в Национальной библиотеке Варшавы. Небольшие фрагменты «Четырех книг Царств» находятся в Кембридже — в Университетской библиотеке и библиотеке «Тринити колледж»[30].

---

[24] См. П. Атанасов. Принос към българо-румънските културни отношения през XV и XVI в.— «Исторически преглед», 1963, кн. 5, стр. 110—118.

[25] См. Liturghierul lui Macarie. Cu un studiu de P. P. Panaitescu. Bucureşti, 1961.

[26] ЛБ, № 4452 и 3021; ГИМ, Меньш. 1422 и Меньш. 1423.

[27] ЛБ, № 1220.

[28] ЛБ, № 1219.

[29] См. М. Решетар. Језик српскога Молитвеника од. г. 1512.— Српска Краљевска Академија. Глас CLXXVI. Други разред. Бр. 90. Београд, 1938.

[30] E. P. Tyrrell and J. S. G. Simmons. Slavonic books before 1700 in Cambridge Libraries.— «Transactions of the Cambridge Bibliographical Society», vol. III, 1963, № 5, p. 388.

Среди экземпляров первой из книг Библии, выпущенных Скориной,— «Книги Иова» — отметим уникальный, до сего дня не описанный вариант (без предисловия) [31].

В одном из экземпляров «Книги Исуса Сирахова» имеется владельческая запись XVI в., сделанная в Киево-Печерском монастыре [32]. На страницах «Книги Есфирь» находим сделанную латиницей запись «бурмистра» Смоленска Степана Жукова [33]. Артемону Семеновичу Жукову из Смоленска принадлежал экземпляр «Плача Иеремии», о чем свидетельствует запись, сделанная им в 1663 г.[34]. В этой же книге есть польские записи 1551 г.

Вкладных и владельческих записей на пражских изданиях Франциска Скорины, сделанных в Московской Руси в XVI в., нам не удалось обнаружить. В то же время на сохранившихся экземплярах этих книг нередки сравнительно ранние польские, латинские, украинские и белорусские записи. Факт этот лишний раз подтверждает уже высказывавшееся в литературе мнение об отрицательном отношении к изданиям Скорины московских официальных кругов [35]. В XVI в. пражские переводы отдельных книг Библии почти не встречались на Руси. Положение изменилось в XVII столетии — много изданий Скорины попало на территорию Московской Руси во время многочисленных войн с Польшей. Упомянем, например, «Четыре книги Царств» со следующей записью: «Сия книга Алексеева дому Петровича Гладкова, а взята сия книга в Литовской земли в городе Гродно лета 7163 (1655) году месяца августа в 26 день» [36].

Шестая, развившая наиболее активную деятельность, славянская типография кирилловского шрифта первой половины XVI в. возникает в 1519 г. в Венеции. Основателем ее был богатый венецианский горожанин Дионисий делла Веккиа или, как он сам подписывал свои издания, Божидар Вукович. Жизненный путь Божидара стал известен совсем недавно, благодаря удивительной находке Й. Тадича, обнаружившего и опубликовавшего его завещания [37].

Первой книгой типографии Божидара Вуковича была Псалтырь с Часословцем. Псалтырь напечатана 7 апреля 1519 г., а Часословец — 12 октября 1520 г. В советских книгохранилищах это издание встречается достаточно часто: в одной лишь ЛБ — 4 экземпляра (№ 2717, 2718, 4334 и 610). Совершенно полных экземпляров нет, но они удачно дополняют один другой. Листы, отсутствующие в одном из экземпляров, имеются в другом. Во всяком случае, наши экземпляры значительно полнее тех, которые имеются в югославских собраниях и которых были положены в основу известных описаний книги [38]. В экз. № 2717 и 2718 ЛБ вся 21-я тетрадь имеет другой набор и другую орнаментику, чем в остальных известных нам экземплярах Псалтыри с Часословцем. Заставка, находящаяся на листе 161 этих экземпляров, никогда не репродуцировалась. Да и вообще этот вариант издания по сей день в литературе не описан.

---

[31] ЛБ, № 6334.

[32] ГПБ, I.5.4[a/3].

[33] ГПБ, I.5.4[a/2].

[34] ГПБ, I.5.4[5/4], л. 12.

[35] См. Е. Л. Немировский. Там же, стр. 96.

[36] ЦГАДА, ф. 1250, № 1, ч. 2, л. 15—32.

[37] J. Тадић. Тестаменти Божидара Вуковића, српског штампара.—«Зборник филозофског факултета», књ. VII, бр. 1. Београд, 1963, стр. 337—360.

[38] Д. Медакович в своей известной книге «Графика српских штампаних књига XV—XVII века» (Београд, 1958, стр. 200—201) в описании Псалтыри с Часословцем взял за основу неполный экземпляр Сербской академии наук с большим количеством рукописных вставок. В связи с этим местонахождение заставок дано им с ошибками. Так, заставка перед «последованьем» находится на л. 161, а не на л. 201, как указывает Медакович, виньетка с птицами — на л. 263 об., а не на л. 305 об.

В ГПБ (I.5.6б) имеется небольшой фрагмент (15 л.) Псалтыри с Часословцем 1519—1520 гг., содержащий, в частности, л. 351—352, которые во всех других известных экземплярах отсутствуют. Листы эти интересны тем, что содержат послесловие с подробным изложением истории типографии Вуковича.

Часто встречается и второе издание Божидара Вуковича — Служебник, напечатанный 7 июля 1519 г. Нам известно 19 экземпляров и отдельных фрагментов, находящихся в советских библиотеках. Среди них имеются и совершенно полные и превосходно сохранившиеся (например, ГПБ, I.5.5а или БАН, 37. 10. 2) [39].

Третье издание Божидара Вуковича — Молитвенник с Часословцем, напечатанный 6 марта 1520 г., не сохранилось. Единственный белградский экземпляр утрачен во время войны [40].

В свое время был описан единственный известный экземпляр Молитвенника 1527 г., хранившийся ранее в сербском монастыре Кувеждин. Существует ли он сейчас, мы не знаем. Во всяком случае, Д. Медакович этой книги не описывает.

Около 1529 г. Божидар Вукович переселился в Османскую империю, где пробыл примерно до 1536 г. Вернувшись в Венецию, он продолжал издательскую деятельность. Молитвенник с Часословцем, выпущенный в свет Вуковичем в 1536 г., имеется в советских библиотеках в 2-х экземплярах (ГПБ, I.5.20 и ГПБ УССР). Книга редко встречается и за рубежом.

Очень ценен и Соборник, вышедший в Венеции около 1536 г. В настоящее время известны два экземпляра книги, находящиеся один в Белграде в собрании проф. Р. М. Груича и один в Народной библиотеке Боснии и Герцеговины.

Следующее издание Б. Вуковича — Октоих пятигласник 1537 г., напротив, встречается часто. Издание это известно в двух вариантах, различающихся простановкой сигнатур и художественным убранством. Один из этих вариантов — скорее всего позднейшая допечатка (70-х годов XVI в.). Полный экземпляр Октоиха 1537 г. имеется в ЛБ (№ 1806). Отметим также один из двух экземпляров ГПБ УССР, напечатанный на пергамене.

Еще меньшую редкость, чем Октоих, представляет собой Праздничная Минея, вышедшая из типографии Божидара Вуковича 19 января 1538 г. Это издание было описано в русской печати еще в 40-х годах прошлого столетия [41]. Оно широко представлено в наших книгохранилищах — в ЛБ имеется 5 экземпляров, в ГПБ — 5 и один небольшой фрагмент, в ГИМе — 3 экземпляра. Есть Праздничная Минея в собраниях ЦГАДА, Одесской государственной научной библиотеки, научных библиотек Саратовского и Ужгородского университетов и др. Отметим экземпляр ГПБ I.1.11а с дарственной записью В. Ганки М. П. Погодину.

Есть в советских библиотеках и последнее издание Б. Вуковича — Молитвенник 1538—1540 гг. Превосходно сохранившийся экземпляр с нетронутыми полями, принадлежавший в прошлом А. Б. Лобанову-Ростовскому, находится в ГПБ (I.5.12а). В конце книги вклеено описание на немецком языке, составленное проф. Венского университета Фр. Миклошичем (автограф).

---

[39] На обороте верхней доски переплета последнего экземпляра имеется запись: «Императорской Российской Академии прислано от Вука Стефановича Караджича. См. журнал 1839, апреля 29».

[40] См. Ст. Новаковић. Божидара Вуковића зборници за путнике. — «Гласник Српског ученог друштва», књ. XIV. Београд, 1877, стр. 129—167.

[41] См. «О славяно-сербском сборнике, напечатанном в Венеции Божидаром в 1538 г.» — «Журнал Министерства народного просвещения», 1842, № 5, отд. II, стр. 49—66.

После смерти Божидара Вуковича издательскую деятельность продолжал его сын Виченцо. Среди выпущенных им книг — два палеотипа: Псалтырь с восследованием 1546 г. и Молитвослов 1547 г. И эти издания сравнительно часто встречаются в наших книгохранилищах.

Типографские материалы Вуковичей впоследствии перешли в руки болгарина Якова Крайкова и венецианца Дж. Ант. Рампацетти. Их деятельность относится к периоду, которого мы не касаемся в настоящей статье. Отметим лишь, что издания Крайкова, имеющиеся и в наших книго ранилищах, в последнее время обстоятельно изучены болгарским историком П. Атанасовым [42].

Ранних русских вкладных и владельческих записей на изученных нами экземплярах из типографии Божидара и Виченцо Вуковичей обнаружить не удалось. Поэтому выводы о широком распространении книг, вышедших из этой типографии, на территории Московской Руси следует считать преждевременными. Однако на Украине и в Белоруссии книги эти бытовали. Об этом говорят многочисленные примеры заимствования венецианской орнаментики в украинских и белорусских изданиях [43], а также сохранившиеся владельческие записи [44].

Во многих экземплярах изданий Вуковичей, находящихся в нашей стране, имеются сербские записи. Отметим запись о кончине сербского патриарха Максима в 1681 г. на страницах Псалтыри 1546 г. [45], вкладную 1673 г. попа Василия в монастырь Раковац [46], запись Павла Бранковича, сделанную в 1744 г. [47], записи 1733—1735 гг. о сооружении владыкой Саввой церкви св. Троицы и о кончине «владыки Цетиньского» Данила [48] и другие.

Седьмая славянская типография возникает в 1519 г. в Венеции почти одновременно с типографией Вуковича. Вскоре она была перенесена на территорию Боснии — в Горажде, а затем в столицу Валахии Тырговиште. В первый период своей деятельности типография выпустила три книги — Служебник 1519 г., Псалтырь с восследованием 1521 г. и Молитвенник 1523 г. Говоря об этих изданиях, следует иметь в виду, что типограф Горажданской печатни Теодор Любавич неправильно переводил даты из византийской системы летоисчисления на юлианский календарь. Ошибки эти еще в 1902 г. заметил и исправил Л. Стоянович [49]. Однако они повторяются по сей день [50].

Исключительно редко встречается Служебник, выпущенный 1 июня 1519 г. Неполный экземпляр книги имелся в Народной библиотеке Белграда, но он утрачен в 1941 г. Единственный известный в настоящее время югославский экземпляр находится в собрании проф. Р. М. Груича.

---

[42] См. П. Атанасов. Яковият Часословец.— «Исторически преглед», 1966, кн. 2, стр. 96—104; его же. Илюстрациите на Яковия Часословец.— «Изкуство», 1966, бр. 8—9, стр. 34—39.

[43] См. Г. И. Коляда. Из истории южно-восточнославянских книгопечатных связей в XVI—XVII вв.— «Советское славяноведение», 1966, № 4, стр. 34—43.

[44] См., например, многочисленные украинские записи в экз. ЛБ № 2231.

[45] ГПБ, I.5.14[B], л. 162.

[46] ГПБ, I.5.6[B], на листах рукописного текста в конце книги.

[47] ГПБ, I.5.20, л. 30 об.

[48] ГПБ, I.1.10[a], на переплетных листах в конце книги.

[49] Љ. Стојановић. Старе српске штампарије.— «Српски књижевни гласник», књ. VII, 1902, № 6, стр. 444—447.

[50] См. С. О. Петров, Я. Д. Бирюк. Т. П. Золотарь. Славянские книги кирилловской печати XV—XVIII вв. Описание книг, хранящихся в ГПБ УССР. Киев, 1958; «Книга і друкарство на Україні». Київ, 1965, стр. 17. И. Бадалич указывает в своей известной библиографии Служебник дважды — один раз под 1519 г. (№ 22), второй — под 1527 г. (№ 32), а Молитвенник 1523 г. датирует 1531 г. См. I. Badalić. Jugoslavica usque ad annum MDC. Bibliographie der südslawischen Frühdrucke. Baden-Baden, 1959.

В нашей стране хранится три почти полных экземпляра Служебника и два небольших его фрагмента (ГПБ, I.5.9б — 8 л. 1-й тетради; ГПБ, I.5.9в — 10 л. 12-й и 13-й тетрадей).

Менее редка горажданская Псалтырь с восследованием 1521 г. Экземпляры этой книги есть в Белграде в собраниях Сербской академии наук и искусств, Р. М. Груича, Д. Г. Михайловича, а также в Праге — в Народном музее. В СССР — три экземпляра: один сравнительно полный в ГПБ (I.5.10), другой — в ГПБ УССР и третий (только Часослов) — в Музее украинского искусства во Львове (Q 919). В ленинградском экземпляре — несколько сербских записей, сделанных попом Стефаном Костичем в 1764—1770 гг.

Уникален горажданский Молитвенник 1523 г. Местонахождение сравнительно полного экземпляра, описанного П. Шафариком, в настоящее время неизвестно. В Югославии ни одного экземпляра этой книги нет; по крайней мере, они неизвестны современным югославским библиографам. В нашей стране хранится фрагмент издания, содержащий 30 листов (ГПБ, I.5.11).

Восьмая славянская типография кирилловского шрифта возникает в 1525 г в Вильне. Основал ее Франциск Скорина. Обычно считают, что из этой типографии вышло две книги — Апостол 1525 г. и недатированная «Малая подорожная книжица». В состав последней входят Псалтырь, Часословец, 17 акафистов и канонов, Шестодневец и Соборник с пасхалией. Каждая из этих небольших книжек имеет отдельную пагинацию, выходные сведения, а часто — и собственный титульный лист. Более того, принципы оформления отдельных частей «Малой подорожной книжицы» различны и обнаруживают, что над ними работали разные типографы. Так, например, акафисты имеют титульные листы, а каноны нет; в канонах пагинация размещена вверху справа, а в акафистах — внизу справа. По-видимому, правильнее считать части «Малой подорожной книжицы» отдельными изданиями, как и разделы Библии, выпущенной Скориной в Праге в 1517—1519 гг. Если это так, то виленская типография Скорины выпустила 22 издания.

Чаще других встречаются Псалтырь (нам известно 6 экземпляров) и Апостол 1525 г. (9 экземпляров). Очень редки некоторые акафисты и каноны. Так, например, «Канон Иоанну Предтече» известен всего в двух экземплярах (ГПБ, I. 5. 8а и ГИМ, Хлуд. Д142) и среди них нет ни одного полного. В единственном полном экземпляре сохранился «Канон покаяльный» (ГПБ, I. 5. 8а/2). «Шестодневец» известен в двух экземплярах (ГПБ, I. 5. 8а и ГИМ, Меньш. 1430). Уникально послесловие — «Писаныи речи всей малой подорожной книжице по ряду кратце положены суть»: оно имеется лишь в экземпляре ГПБ, I. 5. 8а/2.

Вкладных и владельческих записей на сохранившихся экземплярах виленских изданий Скорины — немного; формат издания был слишком мал, записи попросту негде было делать; к тому же их обрезали, когда книгу давали в переплет, а за прошедшие с тех пор 400 с лишним лет это случалось нередко.

Нам осталось познакомиться с продукцией сербских монастырских типографий. Первая из них возникает в 1537 г. в Руянском монастыре. Работавший здесь монах Феодосий выпустил исключительно любопытное в типографском отношении Четвероевангелие, отпечатанное, скорее всего, деревянными шрифтами. Единственный сравнительно полный экземпляр издания находится в нашей стране (ГПБ, I. 1. 8). Он принадлежал Вуку Караджичу; в Петербург книга была доставлена в 1859 г. [51].

---

[51] См. Е. Л. Немировски. Рујанско Четворојеванђеље.— Библиотекар, Београд, 1966, № 5—6, стр. 406—420.

Чаще встречается Октоих, напечатанный в 1539 г. в южной Сербии — в монастыре Грачаница. В литературе описаны экземпляры монастыря Хиландар на Афоне, Рильского монастыря (Болгария), экземпляр из собрания Р. М. Груича. В свое время Р. М. Груич утверждал, что два экземпляра Октоиха 1539 г. находятся в библиотеке монастыря Грачаница [52]. По последним сведениям в ней имеется лишь небольшой фрагмент — 1 лист из этого издания [53].

Сравнительно полный экземпляр грачаницкого Октоиха есть в Государственной научной библиотеке УССР в Киеве [54].

Хорошо представлены в советских библиотеках книги из типографии монастыря Милешева. Милешевская Псалтырь с восследованием 1544 г., которая югославским библиографам известна лишь в одном экземпляре, имеется в ГПБ (3 экз.) и в ЛБ (1 экз.). Отметим совершенно полный экземпляр (ГПБ, I. 5. 13в).

Милешевский Молитвослов 1546 г. есть в ЛБ и Одесской государственной научной библиотеке. Нет в советских библиотеках милешевской Псалтыри 1557 г.

В 40-х годах XVI столетия возникает румыно-славянская типография в гор. Сибиу. Печатник Филипп Молдованин напечатал в ней румынский Катехизис 1544 г. и славянское Четвероевангелие 1546 г. Последнее издание, представленное в советских книгохранилищах двумя экземплярами [55], недавно было подробно изучено румынскими книговедами [56].

II

В последние годы в нашей стране и за рубежом неоднократно высказывалось мнение о необходимости создания сводного каталога славянских старопечатных книг кирилловского шрифта.

Обращаться к старопечатной книжности историкам, филологам, искусствоведам приходится весьма часто. А вот исчерпывающего и точного справочного пособия в этой области до сего времени нет. Сегодня, как и двадцать и пятьдесят лет назад, основным руководством служат труды В. М. Ундольского и И. П. Каратаева, для своего времени весьма ценные, но ныне безнадежно устаревшие. Нашим старым книгоописателям не были известны такие, открытые за последнее столетие, важные и интересные издания, как черногорский Октоих пятигласник, румынский Служебник 1508 г., венецианский Молитвенник 1512 г. и др. Далеко не полны старые сведения о количестве сохранившихся экземпляров того или иного издания. В. М. Ундольский, например, говорит о 10 экземплярах краковской Триоди постной. Мы знаем 26 экземпляров этой книги.

Особенно устарели работы Ундольского и Каратаева с методической точки зрения — техника библиографического описания за последние годы значительно усовершенствована.

Каковы же пути к созданию сводного каталога славянских старопечатных книг? Прежде всего, на наш взгляд, должны быть четко намечены

---

[52] Р. М. Грујић. Прва штампарија у Јужној Србији.— «Гласник Скопског научног друштва», књ. XV—XVI. Скопље, 1936, стр. 81—96.

[53] В. Мошин. Рукописи манастира Грачанице.— «Старине Косова и Метохије», књ. I. Приштина, 1961, стр. 71—73.

[54] См. П. Попов. Слов'янські інкунабули київських бібліотек.— «Бібліологичні вісти», 1924, ч. 1—3, стр. 158.

[55] ГПБ, I.1.5; Библиотека Ужгородского государственного университета. См. В. Л. Микитась. Давні рукописи і стародруки. Опис і каталог. Ужгород, 1961, стр. 54, № 69-Д.

[56] L. Demény, D. Simonescu. Un capitol important din vechea cultură Românească (Tetravanghelul, Sibiu, 1546).— Studii şi cercetări de documentare şi bibliologie. Supliment la nr. 1, 1965.

хронологические рамки: XV—XVII столетия. В XVIII в. в связи со становлением национальных языков славянская книга кирилловского шрифта утрачивает присущий ей ранее международный характер. В России в книгоиздательском репертуаре определяющую роль начинает играть гражданская книга, шрифт которой находит для себя новую графическую основу. Старый кирилловский алфавит становится монополией церковников. Все это вместе и определяет значительно меньший интерес исследователей к кирилловской книге XVIII в., чем к изданиям предшествующих столетий.

На первых порах следовало бы описать кирилловские старопечатные издания, имеющиеся в книгохранилищах отдельных стран. По этому пути в последнее время успешно идет болгарский историк П. Атанасов. Необходим также предварительный перечень изданий с указанием сохранившихся экземпляров. В приложении к статье мы даем такой перечень, не претендуя, впрочем, на исчерпывающую полноту его.

Очень важно, наконец, условиться о единой методике описания старопечатных книг. За основу можно принять свод правил, предложенных А. С. Зерновой [57].

Каждое издание должно быть описано по следующему плану: наименование, место и дата издания, формат, формула (указание числа тетрадей и количества листов в них, числа листов, порядка пагинации), сведения о количестве строк на полосе и о размере шрифта, сведения о количестве красок, состав издания (с указанием полистного размещения отдельных разделов), текст послесловия, сведения об иллюстрациях, заставках, виньетках и инициалах (с указанием постраничного их размещения и общего числа оттисков и досок), отсылки к литературным источникам. При описании отдельных сохранившихся экземпляров должны быть приведены сведения о переплете, форзаце, комплектности, вкладных и владельческих записях и др.

Сводный каталог славянских старопечатных книг кирилловского шрифта, будучи составлен по предлагаемому плану, послужит в дальнейшем превосходным источником для исследователей, изучающих историю культуры славянских народов.

---

[57] А. С. Зернова. Методика описания старопечатных книг кирилловской печати. Труды, т. IV. М., 1960, стр. 204—255 (Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина).

ПРИЛОЖЕНИЕ. ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЙ ПЕРЕЧЕНЬ СЛАВЯНСКИХ КНИГ КИРИЛЛОВСКОГО ШРИФТА XV — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVI вв.

1. Осмогласник (Октоих). Краков, 1491.

ГПБ, I. 1. 1[а], I. 1. 1[б]; ЛБ, № 1205; ГИМ, Цар. Б8, Щап. 1; ЛГУ, № 5362.

2. Часослов. Краков, 1491.

ГПБ, I. 5. 1[а], I. 5. 1[б], I. 5. 1[в], I. 5. 1[г], I. 5. 1[д]; ЛБ, № 4331, № 3568, № 3569, № 5992; ГИМ, Цар. А1, Щап. 68а, Щап. 68б, Син. 191, Хлуд. 1; МУИ, № 416/070512, № 15508; ЦГАДА; ф. 1250, № 819; ф. 1251, № 27; МГУ, № 314129; БАН Литовской ССР, № 46190; ГПБ УССР; Одесская ГНБ, № 4431; БАН (фрагмент); СГУ, № 851/1, № 852/2.

3. Триодь постная. Краков, ок. 1491 г.

ГПБ. I. 1. 2[а], I. 1. 2[б], I. 1. 2[в], I. 1. 2[г], I. 1. 2[д], I. 1. 2[е]; ЛБ, № 1208, № 1209, № 1210, № 7422, № 1207, № 1206; ГИМ, Щап. 44, Цар. А3в, Хлуд. 2 , Меньш. 578; ГПБ УССР; МУИ, № 23176/310813, № 27/281002; ЦГАДА; ф. 1251, № 4; МГУ, № 314130; СГУ, № 1/4; БАН, 38. 21. 7; Ярославский краеведческий музей; ЛГНБ, Ст. IV/80 (фрагмент); Церковный исторический и археологический музей в Софии, № 81; Национальная библиотека в Варшаве; Ягеллонская библиотека в Кракове (фрагмент).

4. Триодь цветная. Краков, ок. 1491 г.

ГПБ, XVII. 9. 7, I. 1. 3; ЛБ, № 1211, № 1212, № 1213; ГИМ, Хлуд. 3, Щап. 45, Цар. А3 а; БАН Литовской ССР, № 46241; ЛГНБ, Ст. 53309; Ст. IV/81 (фрагмент); Государственный исторический музей во Львове, № 75; Музей А. Рублева, № 3422; МГУ № 539—5—58; МУИ, № 27/280702; Национальная библиотека в Варшаве; Нью-Йоркская

публичная библиотека; Университетская библиотека во Вроцлаве (фрагмент); Библиотека Оссолиньских во Вроцлаве (фрагмент); Народный музей в Кракове, Incun. 24792; Епархиальная библиотека в Сентендре (Венгрия).

5. Октоих первогласник. Цетинье ?), 1494.

ГПБ, I. 1. 4[а], I. 1. 4[б], I. 1. 4[в] (фрагмент); ЛБ, № 1804, № 1805, № 6872; ГИМ, Меньш. 772, Щап. 2; МУИ, № 10587/070404; ГПБ УССР; Библиотека Сербской академии наук в Белграде; Институт охраны и научного изучения памятников культуры Сербии; Сербский музей в Загребе; Народная библиотека «Кирилл и Мефодий» в Софии, № РЦ 494—1, № РЦ XVII—5, № РЦ XVII—17, № РЦ XVII—21; Церковный исторический и археологический музей в Софии (3 экз.); Исторический архив Болгарской академии наук, № III 439; Государственный музей в Цетинье; монастырь в Цетинье (2 экз.); монастырь Морача (Черногория); монастырь св. Троицы в Плевле; монастырь Острог (Черногория); церковь в Биелой в Боке Которской; Университетская библиотека в Любляне (2 экз.); митрополичья библиотека в Загребе; церковь в Чайниче (Босния и Герцеговина); Университетская библиотека в Белграде; Венская национальная библиотека.

6. Октоих пятигласник. Цетинье (?), ок. 1494 г.

Народная библиотека в Белграде (экз. утрачен в 1941 г.); Государственный музей Цетинье (1 лист); монастырь Дечани; церковь в Чайниче (1 лист).

7. Псалтырь с воссследованьем. Цетинье, 1494.

ГПБ, I. 5. 2[а], I. 5. 2[б]; ЛБ, № 2716, № 4449, № 5154; Институт охраны и научного изучения памятников культуры Сербии; Сербский музей в Загребе; Народная библиотека «Кирилл и Мефодий» в Софии, № РЦ 495—1; Церковный исторический и археологический музей в Софии, № 8; Университетская библиотека в Любляне; церковь в Чайниче.

8. Молитвенник (Требник). Цетинье (?), 1495.

Монастырь св. Троицы в Плевле; церковь села Црколез; ГПБ, I. 5. 3. (фрагмент).

9. Служебник. Тырговиште (?), 1508.

ЛБ, № 4452, № 3021; ГИМ, Меньш. 1422, Меньш. 1423; Библиотека Румынской академии наук (4 экз.); Центральная государственная библиотека в Бухаресте; Библиотека гор. Сибиу; монастырь Бистрица.

10. Октоих. Тырговиште, 1510.

Митрополичья библиотека в гор. Блаж (Румыния); монастырь Хиландар на Афоне.

11. Четвероевангелие. Тырговиште (?), 1512.

ЛБ, № 1219, № 1220; ГИМ, Цар. А. 4; ГПБ, I. 1. 7; собрание А. И. Маркушевича в Москве; Народная библиотека «Кирилл и Мефодий» в Софии (4 экз.); Музей искусств в Бухаресте; монастырь Хиландар на Афоне; монастырь св. Павла на Афоне.

12. Молитвенник. Венеция, 1512.

Парижская национальная библиотека.

13. Псалтырь. Прага 1517.

ГПБ, VIII. 2. 62; ГИМ, Хлуд. 4.

14. Книга Иова. Прага, 1517.

ГПБ, I. 5. 4[а], I. 5. 4[б]; ЛБ, № 6334, № 6518, № 6519, № 6520; БАН, 37. 1. 17; ГИМ, Цар. А8, Щап. 69; МУИ, Q 1183 (№ 11861/070520).

15. Притчи Саломона царя. Прага, 1517.

ГПБ, I. 5. 4[а], I. 5. 4[б]; ЛБ, № 6308, № 6314, № 6326, № 6327, № 6370, № 6229; ГИМ, Цар. 9, Щап. 69; БАН, 37. 1. 17; ОГНБ № 1/ 9066; МУИ, Q 1181 (№ 070518).

16. Книга Исуса Сирахова. Прага, 1517.

ГПБ, I. 5. 4[а], I. 5. 4[б]; ЛБ, № 1439, № 6225, № 6328; ГИМ, Щап. 69, Цар. А9; БАН, 37. 1. 17, XIV. 6. 25; МУИ, Q 1181 (№ 070518).

17. Еклесиастес. Прага, 1518.

ГПБ, I. 5. 4[а], I. 5. 4[б]; I. 5. 4[в]; ЛБ, № 6313, № 6317, № 6332, № 6521, № 6522; ГИМ, Щап. 69, Цар. А9, Меньш. 1427; БАН, 37. 1. 2; ОГНБ, № 1/9066; МУИ, Q 1181 (№ 070518).

18. Песнь песням. Прага, 1518.

ГПБ, I. 5. 4[а], I. 5. 4[б]; ЛБ, № 6316, 6523, 6524; ГИМ, Щап. 69, Цар. А9; МУИ, Q 1181 (№ 070518).

19. Книга премудрости божией. Прага, 1518.

ГПБ, I. 5. 4[а], I. 5. 4[б]; ЛБ, № 6315, 6329, № 6330, № 6525; ГИМ, Цар. А9; БАН, 37. 1. 17.

20. Четыре книги Царств. Прага, 1518.

ГПБ, I. 5. 4[а], I. 5. 4[б]; ЛБ, № 5165, № 6222, № 6223, № 6224, № 6526; ГИМ, Цар. 7; БАН, 37. 1. 3; МГУ, № 314128; ЦГАДА, ф. 1250, № 1; ф. 1250, № 820; ЛГНБ, Ст. 54594; МУИ, Q 415 (№ 070509/2630), Q 415 (№ 070510); Кембриджская университетская библиотека (фрагмент); Библиотека колледжа «Тринити» в Кембридже (фрагмент).

21. Книга Исуса сына Навина. Прага, 1518.

ГПБ, I. 5. 4[а]; ЛБ, № 6527, № 6528; ГИМ, Цар. 6; МГУ, № 314128; СГУ, № 853/9

БАН, 37. 1. 2, 37. 1. 3; МУИ, Q 1182 (№ 070519); Закарпатский государственный краеведческий музей, № М434.

22. Книга Бытия. Прага, 1519.

ГПБ, I. 5. 4[а], I. 5. 4[б]; ЛБ № 6533, № 6534, № 6535, № 6536; ГИМ, Цар. А5; Щап. 70, Хлуд. 5; БАН, 37. 1. 1; МУИ, Q 1180 (№ 11859/070411); ОГНБ, № 1/9066; ГПБ УССР; ЦГАДА, ф. 1250, № 963.

23. Книга Исход. Прага, ок. 1519 г.

ГПБ, I. 5. 4[а], I. 5. 4[б], I. 5. 4[в]; ЛБ, № 6537, № 6538, № 6539, № 6540; ГИМ, Цар. А5, Щап. 70, Хлуд. 5; БАН, 37. 1. 1; ГПБ УССР; МУИ, Q 1180 (№ 11859/070411), Q 415 (№ 070511); Одесская ГНБ, № 1/9066; ЦГАДА, ф. 1250, № 963.

24. Книга Леувит. Прага, ок. 1519 г.

ГПБ, I. 5. 4[а], I. 5. 4[б]; I. 5. 4[в]; ЛБ, № 6541, № 6542, № 6543, № 6544; ГИМ, Цар. А5, Щап. 70, Хлуд. 5; БАН 37. 1. 1; ГПБ УССР; МУИ, Q 1180 (№ 11859/070411); ЦГАДА, № 1250, № 963

25. Книга Числа. Прага, ок. 1519 г.

ГПБ, I. 5. 4[а], I. 5. 4[б]; ЛБ, № 6545, № 6546, № 6547, № 6548; ГИМ, Цар. А5, Щап. 70, Хлуд. 5; БАН, 37. 1. 1; БАН Литовской ССР; ГПБ УССР; Одесская ГНБ, № 1/9066; МУИ, Q 1180 (№ 11859/070411), Q 415 (№ 070511); ЦГАДА; № 1250, № 963.

26. Книга Вторый закон. Прага, ок. 1519 г.

ГПБ, I. 5. 4[а], I. 5. 4[б]; ЛБ, № 6549, № 6550, № 6551; ГИМ, Цар. А5, Щап. 70, Хлуд. 5; БАН, 37. 1. 1; ГПБ УССР; МУИ, Q 1180 (№ 11859/070411); Одесская ГНБ, № 1/9066; ЦГАДА, ф. 1250, № 963.

27. Книга Руфь. Прага, ок. 1519 г.

ГПБ, I. 5. 4[а], I. 5. 4[б]; ГИМ, Цар. А6; БАН, 37. 1. 3, 37. 1. 17; МГУ, № 314128; Закарпатский государственный краеведческий музей, № М434.

28. Книга Иудифь. Прага, 1519.

ГПБ, I. 5. 4[а], I. 5. 4[б]; ГИМ, Цар. А8; ЛБ, № 6529, № 6331, № 6326; Закарпатский государственный краеведческий музей, № М434.

29. Книги судей. Прага, 1519.

ГПБ, I. 5. 4[а], I. 5. 4[б]; ЛБ, № 6322; МГУ, № 314128; ГИМ, Цар. А6; БАН, 37. 1. 2, 37. 1. 3; МУИ, Q 1182 (№ 070519); Закарпатский государственный краеведческий музей, № М434.

30. Книга Есфирь. Прага, 1519.

ГПБ, I. 5. 4[а]; I. 5. 4[б]; ЛБ, № 1441, № 6325, № 6324, № 6531; ГИМ, Цар. А8; Закарпатский государственный краеведческий музей, № М434.

31. Книга Плач Еремии. Прага, 1519.

ГПБ, I. 5. 4[а], I. 5. 4[б]; ЛБ, № 6321, 6532.

32. Книга пророка Даниила. Прага, 1519.

ГПБ, I. 5. 4[а], I. 5. 4[б]; ЛБ, № 1440, № 6318, № 6319, № 6320; ГИМ, Цар. А9.

33. Псалтырь с Часословцем. Венеция, 1519—1520.

ГПБ, I. 5. 6[а], I. 5. 6[б], I. 5. 6[в], ЛБ, № 610, № 2717, № 2718, № 4334; ГИМ, Щап. 72, Воскр. 210; БАН, 18. 4. 21; МУИ, № 324; Библиотека Сербской академии наук № 305; Пловдивская народная библиотека; Университетская библиотека в Загребе, № Р — 692; монастырь св. Павла на Афоне.

34. Служебник. Горажде (?), 1519.

ГПБ, I. 5. 9[а], I. 5. 9[б], I. 5. 9[в] (последние два — фрагменты); собрание Р. М. Груича в Белграде; ГИМ, Меньш. 777, Меньш. 1426.

35. Служебник. Венеция, 1519.

ГПБ, I. 5. 5[а], I. 5. 5[б], I. 5. 5[в], I. 5. 5[г], I. 5. 5[д], I. 5. 5[е]; ЛБ, № 3022, № 3023, № 5173, № 6333; ГИМ, Щап. 71, Меньш. 494, Син. 112; БАН, 37. 10. 2, 37. 11. 1; ЛГНБ, Ст. 53308; МУИ, № 912; Одесская ГНБ, Библиотека Сербской академии наук, № 157; ГПБ УССР; Венская национальная библиотека; монастырь св. Павла на Афоне; церковь в Чайниче.

36. Молитвенник с Часословцем. Венеция, 1520.

Народная библиотека в Белграде (экз. утрачен в 1941 г.).

37. Псалтырь с Часословцем. Горажде, 1521.

ГПБ, I. 5. 10; ГПБ УССР; МУИ, Q 919 (только Часословец); Библиотека Сербской академии наук; Народный музей в Праге; собрание Р. М. Груича в Белграде; собрание Г. Михайловича в Белграде.

38. Молитвенник (Требник). Горажде, 1523.

ГПБ, I. 5. 11.

39. Псалтырь. Вильна (?), ок. 1525 г.

ГПБ, I. 5. 8[а]; ЛБ, № 2044; МУИ, № 420/070308; БАН, 37. 3. 3; ЦГАДА, ф. 1250, № 2; Университетская библиотека в Кембридже.

40. Часословец. Вильна (?), ок. 1525 г.
ГПБ, I. 5. 8а, I. 5. 8б; № 2044, 2045; ГИМ, Меньш. 1430; ЦГАДА, ф. 1250, № 2.
41 Акафист гробу господню. Вильна (?), ок. 1525 г.
ГПБ, I. 5. 8а, I. 5. 8б; ГИМ, Меньш. 1430.
42. Канон живноносному гробу. Вильна (?), ок. 1525 г.
ГПБ, I. 5. 8а, I. 5. 8б; ЛБ, № 2045; ГИМ, Меньш. 1430.
43. Акафист архангелу Михаилу. Вильна (?), ок. 1525 г.
ГПБ, I. 5. 8а, I. 5. 8б; ЛБ, № 2045; ГИМ, Меньш. 1430.
44. Канон архангелу Михаилу. Вильна (?), ок. 1525 г.
ГПБ, I. 5. 8а, I. 5. 8б; ЛБ, № 2045; ГИМ, Меньш. 1430.
45. Акафист Иоанну Предтече. Вильна (?), ок. 1525 г.
ГПБ, I. 5. 8а, I. 5. 8б; ЛБ, № 2045; ГИМ, Меньш. 1430.
46. Канон Иоанну Предтече. Вильна (?), ок. 1525 г.
ГПБ, I. 5. 8а; ГИМ, Хлуд. Д142.
47. Акафист богородице. Вильна (?), ок. 1525 г.
ГПБ, I. 5. 8а, I. 5. 8б; ГИМ, Меньш. 1430.
48. Канон богородице. Вильна (?), ок. 1525 г.
ГПБ, I. 5. 8а, I. 5. 8б; ГИМ, Меньш. 1430, Хлуд. Д142.
49. Акафист св. Петру и Павлу. Вильна (?), ок. 1525 г.
ГПБ, I. 5. 8а, I. 5. 8б; ЛБ, № 2045; ГИМ, Меньш. 1430.
50. Канон св. Петру и Павлу. Вильна (?), ок. 1525 г.
ГПБ, I. 5. 8а, I. 5. 8б; ГИМ, Меньш. 1430. Хлуд. Д142.
51. Акафист св. Николе. Вильна (?), ок. 1525 г.
ГПБ, I. 5. 8а, I. 5. 8б; ЛБ, № 2045; ГИМ, Меньш. 1430, Хлуд. Д 142.
52. Канон св. Николе. Вильна (?), ок. 1525 г.
ГПБ., I. 5. 8а, I. 5. 8б; ЛБ, № 2045; ГИМ, Меньш. 1430.
53. Акафист честному и животворящему кресту. Вильна (?), ок. 1525 г.
ГПБ, I. 5. 8а, I. 5. 8б; ГИМ, Меньш. 1430, Хлуд. Д142.
54. Канон честному и животворящему кресту. Вильна (?), ок. 1525 г.
ГПБ. I. 5. 8а, I. 5. 8б; ГИМ, Меньш. 1430, Хлуд. Д142.
55. Акафист Исусу. Вильна (?), ок. 1525 г.
ГПБ, I. 5. 8а, I. 5. 8б; ЛБ, № 2044, ГИМ, Хлуд. Д142.
56. Канон Исусу. Вильна (?), ок. 1525 г.
ГПБ, I. 5. 8а; ГИМ, Меньш. 1430, Хлуд. Д142.
57. Шестодневец. Вильна (?), ок. 1525 г.
ГПБ, I. 5. 8а; ГИМ, Меньш. 1430.
58. Канон покаяльный. Вильна (?), ок. 1525 г.
ГПБ, I. 5. 8а, I. 5. 8б.
59. Соборник. Вильна (?), ок. 1525 г.
ГПБ, I. 5. 8а; ГИМ, Меньш. 1430.
60. Апостол. Вильна, 1525.
ГПБ, I. 5. 7а, I. 5. 7б; ЛБ, № 1348, № 4356; ГИМ, Щап. 115, Хлуд. 6; МУИ, № 419/ /070307; ВГУ, № 1323570; ЦГАДА, ф. 1250, № 821.
61. Служебник (Молитвенник). Венеция, 1527.
Монастырь Кувеждин.
62. Требник. Угро-Валахия (?), ок. 1534 г.
ГИМ, Цар. 10.
63. Октоих. Угро-Валахия (?), 1535.
Библиотека Афонской Лавры.
64. Молитвенник с Часословцем. Венеция, 1536.
ГПБ, I. 5. 20; ГПБ УССР; Народная библиотека в Белграде, № 113; Библиотека Матицы сербской в гор. Нови Сад, № 19250; Университетская библиотека в Любляне.
65. Соборник. Венеция, ок. 1536 г.
Собрание Р. М. Груича в Белграде; Народная библиотека Боснии и Герцеговины.
66. Октоих пятигласник. Венеция, ок. 1537 г. (с двойн. сигнатурами).
ГПБ, I. 5. 9а, I. 5. 9б; ЛБ, № 1807; ГПБ УССР (2 экз.); ЛГНБ, Ст. 53305, Ст. 54011.
67. Октоих пятигласник. Венеция, 1537.
ГПБ, I. 1. 10а, I. 1. 10б; ЛБ, № 1806, ГИМ, Цар. В1, Хлуд. 7; МУИ, F° 281 (№ 4434/ /270703); СГУ, № 11; Одесская ГНБ; ЛГНБ, № 53310; монастырь Крк в Далмации, монастырь Крушедол; собрание Р. М. Груича в Белграде; церковь в Ломнице в Боснии;

монастырь Хиландар на Афоне; монастырь св. Павла на Афоне; церковь в Чайниче; Венская национальная библиотека.

68. Четвероевангелие. Руянский монастырь, 1537.

ГПБ, I. 1. 8; Народная библиотека в Белграде (экз. утрачен в 1941 г.); Библиотека Сербской академии наук (фрагмент); Музей прикладного искусства в Белграде (фрагмент).

69. Праздничная минея. Венеция, 1538.

ГПБ, I. 1. 11[а], I. 1. 11[б], I. 1. 11[в], I. 1. 11[г], I. 1. 11[д], I. 1. 11[е]; ЛБ, № 2230, № 2231, № 2232, № 2233, № 2234; ГИМ, Щап. 4, Меньш. 1106, Хлуд. 8; ЦГАДА, ф. 1250, № 3; СГУ, № 2/12; МУИ F° 89 (№ 27/280917); Библиотека Ужгородского государственного университета; Одесская ГНБ; Народная библиотека в Белграде; ГПБ УССР (2 экз.); монастырь Крушедол; собрание А. Ивича в гор. Нови Сад; монастырь Хиландар на Афоне; монастырь св. Павла на Афоне; Венская национальная библиотека.

70. Молитвенник. Венеция, 1538—1540.

ГПБ, I. 5. 12[а], I. 5. 12[б], I. 5. 12[в] (фрагмент); ГПБ УССР; СГУ, № 854/13; МУИ, № 911; ГИМ; Хлуд. 9, Щап. 1128, Меньш. 1034; ЛГНБ, Ст. 53648; Библиотека Ужгородского государственного университета; Библиотека Сербской академии наук; Венская национальная библиотека; церковь в Чайниче.

71. Октоих пятигласник. Монастырь Грачаница, 1539.

ГПБ УССР; собрание Р. М. Груича в Белграде; монастырь Грачаница (фрагмент); монастырь Хиландар на Афоне; Рильский монастырь в Болгарии; монастырь св. Павла на Афоне.

72. Псалтырь с Часословцем. Милешева, 1544.

ГПБ, I. 5. 13[а], I. 5. 13[б], I. 5. 13[в]; ЛБ, № 2719; собрание Р. М. Груича в Белграде; церковь в Чайниче.

73. Молитвенник. Тырговиште, 1545.

Библиотека Румынской академии наук в Бухаресте.

74. Молитвослов (Требник). Милешева, 1545—1547.

ЛБ, № 2276; Одесская ГНБ; Библиотека Сербской академии наук, № 87, Библиотека Матицы сербской в гор. Нови Сад; монастырь Шиштовац.

75. Псалтырь с восследованием. Венеция, 1546.

ГПБ, I. 1. 14[а], I. 1. 14[б], I. 1. 14[в], I. 1. 14[г], I. 1. 14[д] (два последних — фрагменты); ЛБ, № 2720, № 2721; ГИМ, Чертк. 596; ГПБ УССР; Одесская ГНБ; Библиотека Ужгородского государственного университета; Музей прикладного искусства в Белграде; Университетская библиотека в Любляне; Университетская библиотека в Белграде; Баварская государственная библиотека.

76. Четвероевангелие. Сибиу, 1546.

ГПБ, I. 1. 5; Библиотека Ужгородского государственного университета.

77. Молитвослов (Сборник). Венеция, 1547.

ГПБ, I. 5. 16; ЛБ, № 2277, № 2278; БАН 37. 14. 2; ГИМ, Щап. 116, Меньш. 639, Хлуд. 10; МУИ, О° 432 (№ 2630); Библиотека Ужгородского государственного университета; Библиотека Сербской академии наук, № 96; Библиотека Матицы сербской в гор. Нови Сад, № 28019; Университетская библиотека в Любляне (2 экз.); Университетская библиотека в Загребе, № R 847.

78. Апостол. Тырговиште, 1547.

ГПБ, I. 5. 15 ЛБ, № 1350; монастырь Хиландар на Афоне; монастырь св. Павла на Афоне.

79. Апостол. Тырговиште, 1547.

ГПБ, I. 8. 31.

Д. Б. МЕЛЬЦЕР

К ВОПРОСУ О ПРИЗНАНИИ БОЛГАРИЕЙ СОВЕТСКОЙ РОССИИ
(1920—1923 гг.)

Братская дружба издавна связывает народы Советского Союза и Болгарии. Одна из ярких страниц этой традиционной дружбы — борьба трудящихся Болгарии, руководимых коммунистами, в защиту завоеваний Великой Октябрьской социалистической революции и за установление дипломатических и торговых отношений с Советской Россией в 1920—1923 гг.

В результате победы на парламентских выборах в марте 1920 г. Болгарский земледельческий народный союз (БЗНС) пришел к власти. Было образовано однопартийное правительство во главе с Александром Стамболийским.

Под влиянием массового движения трудящихся Болгарии, развернувшегося под лозунгами установления дружественных отношений с Советской Россией, и стремясь вывести страну из внешнеполитической изоляции, правительство Стамболийского становится на путь постепенного улучшения отношений между Болгарией и Советской республикой. К концу 1920 г. требование установления нормальных отношений с Советской Россией приобрело в Болгарии подлинно всенародный характер. Огромное значение имело программное выступление парламентской группы коммунистов 10 декабря 1920 г., направивших председателю Совета министров запрос, в котором содержалось требование «протянуть братскую руку великому русскому народу, восстановить как можно скорее нормальные торговые и дипломатические связи с единственным его правительством — Советом Народных Комиссаров РСФСР» [1].

20 декабря 1920 г. ЦК БКП обратился к рабочим и малоимущим гражданам и крестьянам с воззванием «На борьбу за мир и братство с Советской Россией» [2]. В ответ на этот призыв во многих районах страны прошли многолюдные собрания, митинги и манифестации трудящихся. О характере этих выступлений можно судить по резолюции собрания жителей села Галово Оряховицкой околии, принятой 9 января 1921 г. и адресованной председателю Народного собрания и редакции газеты «Работнически вестник»: «Требуем от правительства „народовластия“, — говорилось в ней, — немедленно вступить в мирные переговоры с русским Советским правительством, поскольку его нота адресована болгарскому народу, а тот в своем большинстве желает жить в братском содружестве с русским народом» [3].

---

[1] «Дневници (стенографски) на XIX-то Обикновено Народно събрание», I редовна сесия, кн. 1, стр. 716; «Работнически вестник», 13 XII 1920.

[2] «Работнически вестник», 21 XII 1920.

[3] «Пролетарская солидарность трудящихся в борьбе за мир (1917—1924)». Документы и материалы, сб. II, М., 1958, стр. 253.

Ярким проявлением дружбы и солидарности болгарского народа с трудящимися Советской России явилась кампания по сбору средств в помощь голодающим Поволжья. Трудящихся Болгарии глубоко взволновало обращение В. И. Ленина к международному пролетариату с призывом об оказании помощи. Только в 1921 г. в стране было проведено 6 тысяч митингов, в которых приняло участие свыше 1 300 000 человек [4].

«Дело русского народа,— писала газета «Работнически вестник», — это наше собственное дело — дело освобождения рабочих масс у нас и во всем мире» [5].

По всей стране развернулся сбор средств, продуктов, одежды, медикаментов в помощь голодающим. Усилиями болгарских трудящихся к 1 апреля 1922 г. по данным Международного Комитета рабочей помощи (Межрабпома) «в фонд помощи Советской России», созданный БКП, было собрано 3 миллиона левов [6].

Центральная комиссия помощи голодающим при ВЦИК в письме на имя секретаря ЦК БКП В. Коларова выражала «искреннюю и сердечную благодарность рабочим и крестьянам Болгарии за их щедрую помощь голодающим Поволжья, выразившуюся в присылке нам 30 вагонов продовольствия и предметов первой необходимости» [7].

Когда правящие круги стран Антанты попытались использовать остатки армии Врангеля, находившиеся на территории Болгарии, для новых авантюр против советской страны [8], Болгарская коммунистическая партия весной и летом 1922 г. развернула активную кампанию за разоружение и роспуск белогвардейских войск, за немедленное изгнание из страны врангелевских штабов и установление дипломатических и торговых отношений с Советской Россией.

31 марта 1922 г. в Софии состоялся митинг, в котором приняли участие свыше 20 тысяч человек. Секретарь Всеобщего объединения профсоюзов Г. М. Димитров в своей речи на митинге, выражая настроение трудящихся масс, высказал твердую уверенность, что болгарский народ не будет вести борьбу против Советской России. «Долой преступные авантюры против братского русского народа! — заявил он.— Да здравствует братский союз между болгарским и русским трудовым народом!» [9].

Благодаря усилиям БКП, врангелевские формирования начали распадаться, значительная часть бывших русских военнослужащих вернулась на родину, в Советскую Россию [10].

Вопросы борьбы в защиту первого в мире социалистического государства, за установление дружественных отношений с ним занимали центральное место при обсуждении внутреннего и международного положения страны на IV съезде БКП в июне 1922 г. [11]

Постоянное давление трудящихся масс, решительно выступавших за дипломатическое признание страны Советов, несомненно, воздействовало на позицию руководства БЗНС. Упрочившееся положение Советской Рос-

---

[4] См.: Ц. Николов. Дейността на БКП в защита на Съветска Русия, 1917—1927. София, 1960, стр. 120.

[5] «Работнически вестник», 22 VIII 1921.

[6] ЦГАОР, ф. 1064, оп. 7, ед. хр. 45, л. 3.

[7] Там же, оп. 6, ед. хр. 23, л. 54.

[8] По настоянию стран Антанты на территории Болгарии было размещено около 36 тысяч солдат и офицеров разгромленных белогвардейских армий. См.: Г. И. Чернявски, Д. Даскалов. Борбата на БКП против врангелистския заговор. София, 1964, стр. 37.

[9] Г. Димитров. Избранные произведения, т. I. М., 1957, стр. 88.

[10] См.: Г. И. Чернявски, Д. Даскалов. Там же, стр. 249.

[11] «Българската Комунистическа партия в резолюции и решения на конгресите, конференциите и пленумите на ЦК», 1919—1923. Т. II, София, 1951, стр. 172—183.

сии на международной арене также оказывало влияние на позицию правительства А. Стамболийского. Советский народ к концу 1920 г. разгромил основные силы интервентов и белогвардейцев. В 1920—1921 гг. Советская республика установила дипломатические отношения с Эстонией, Литвой, Латвией, Финляндией, Польшей. Капиталистические страны Запада начали заключать торговые соглашения с Советской Россией (Англия, Германия, Норвегия, Австрия, Италия).

А. Стамболийский стал открыто проявлять интерес к тому, что происходит в Советской стране. Выступая в Народном собрании 24 февраля 1921 г., он говорил: «Многие находят, что большевистский режим нанес вред России. Кто же, однако, посмотрит на дело объективно, увидит, что старая Россия, глубоко прогнившая Россия, которая принадлежала аристократии, имущим классам, не может возродиться» [12]. Некоторое время спустя Стамболийский отмечал: «Тот, кто любит русский народ, не будет сожалеть, что пал русский царизм» [13]. Огромное впечатление на А. Стамболийского произвело установление дружественных отношений Советского государства с Афганистаном и Турцией. Они были полной противоположностью той грабительской политике, которую проводили США и страны Антанты в отношении Болгарии.

На конференции в Сан-Ремо (апрель 1920 г.) империалисты Антанты отдали Западную Фракию Греции, и Болгария, таким образом, лишилась выхода в Эгейское море, хотя Нейиским мирным договором признавалась необходимость этого выхода для Болгарии. Вскоре, в августе 1920 г., решение конференции в Сан-Ремо было подтверждено Севрским мирным договором.

В декабре 1920 г. А. Стамболийский выехал за границу (Англия, Франция, Бельгия, Польша, Чехословакия, Румыния) в расчете расширить политические и экономические связи с внешним миром, найти поддержку по вопросу о выходе Болгарии в Эгейское море, добиться сокращения непомерных для Болгарии репарационных платежей, установленных условиями Нейиского договора, или, по крайней мере, предоставления ей моратория на выплату репараций. Однако поездка по европейским столицам оказалась безрезультатной.

В то же время Советское правительство со своей стороны настойчиво искало пути нормализации отношений с Болгарией. 10 декабря 1920 г. Народный комиссар иностранных дел Г. В. Чичерин от имени Советского правительства направил в Софию ноту, в которой подчеркивалось, что советский народ «испытывает по отношению к братскому народу Болгарии настоящую симпатию и искреннее желание установить постоянные и дружественные отношения». Правительству Болгарии было предложено «начать переговоры в целях установления нормальных и дружественных отношений между обеими странами» [14]. В июне 1921 г. болгарское правительство предприняло попытки переговоров через своего посла в Чехословакии. Судя по донесению представителя торговой организации РСФСР в Праге П. Н. Мостовенко в НКИД, 22 июня болгарский посол с ведома своего правительства встретился с советским представителем Гиллерсоном. В этой беседе болгарский посол заметил, что он нанес визит, который не прочь был сделать год назад, но тогда этому мешало формальное запрещение Антантой каких-либо сношений с Советской Россией. Теперь, по его словам, это стеснение свободного волеизъявления Болгарии аннулировано. Он дал понять, что Болгария желает установить связи с Совет-

---

[12] «Дневници (стенографски) на XIX-то ОНС», I р. с., кн. 2, стр. 1509.
[13] Там же, III р. с., кн. 1, стр. 138.
[14] «Документы внешней политики СССР», т. III, М., 1959, стр. 372—373.

ской Россией и предлагает послать в Софию советского представителя под предлогом разрешения репарационного вопроса [15].

Советское правительство проявило глубокую заинтересованность в этом предложении. Г. В. Чичерин в ответной телеграмме 11 июля 1921 г. писал: «Завязать сношения с Болгарией безусловно желательно, но делегация должна иметь официальное качество... Нас интересует действительное возобновление сношений, хотя бы оно называлось предствительством по делам военнопленных» [16].

Имеются и другие факты, свидетельствующие о повороте в политике правительства Стамболийского в отношении нашей страны. Оно доброжелательно отнеслось к усилиям болгарского народа оказать помощь Советской России в ее борьбе с голодом. Оно отказалось направить своего делегата в так называемую комиссию Нуланса, которая под видом оказания помощи голодающим Поволжья, преследовала явно антисоветские цели. При его молчаливом согласии начинают устанавливаться торговые связи между Болгарией и Советской Россией. Поскольку советское государство не имело официальных представителей в Болгарии, между Народным комиссариатом внешней торговли РСФСР и Центральным Комитетом БКП была достигнута договоренность о том, что временно, до восстановления нормальных торговых отношений между двумя странами, торговые интересы РСФСР в Болгарии будет представлять болгарское кооперативное общество «Освобождение» [17]. В соглашении, подписанном 29 июля 1921 г., отмечалось, что общество «Освобождение» принимает на себя обязательство выполнять на территории Болгарии все поручения и задания Наркомвнешторга как по заготовке, покупке и перевозке всякого рода товаров в РСФСР, так и по продаже привозимых из РСФСР товаров. Общество «Освобождение» обещало приложить все старания и усилия к тому, чтобы возможно скорее организовать и наладить товарообмен между Болгарией и РСФСР с соблюдением интересов последней.

Это соглашение с советской стороны подписал Народный комиссар внешней торговли РСФСР Л. Б. Красин, а от имени Центрального Комитета БКП — В. П. Коларов [18].

В письме Центральному правлению общества «Освобождение», направленном через Т. Луканова, Л. Б. Красин просит «в срочном порядке выяснить возможности закупки хлеба в Болгарии как урожая последних годов, так и нового урожая, и не встретятся ли препятствия со стороны правительства к вывозу его в Россию» [19].

Как свидетельствует годовой отчет НКИД IX съезду Советов, кооперативное общество «Освобождение» закупило на средства, предоставленные Наркомвнешторгом РСФСР, 1200 вагонов зерна — 600 вагонов зерна на вольном рынке и 600 вагонов зерна с разрешения правительства Стамболийского из запасов ликвидированного консорциума [20]. 15 ноября 1921 г. от бургасского причала отошел корабль «Кавриолия», на котором находилось зерно, предназначенное для Советской России [21]. Вскоре в Бургас за купленным зерном прибыли советские суда «Альфа» и «Нимфа» [22].

Следует обратить внимание на тот факт, что правительство БЗНС приняло специальное постановление об оказании помощи России. Оно разре-

---

[15] Там же, т. IV, М., 1960, стр. 198.
[16] Там же, стр. 220—221.
[17] ЦГАОР, ф. 413, оп. 17, ед. хр. 126, л. 10.
[18] Там же.
[19] Там же, л. 11.
[20] «Годовой отчет НКИД IX съезду Советов (1920—1921)», М., 1921, стр. 81.
[21] «Работнически вестник», 24 XI 1921.
[22] См. «Работническо дело», 5 XI 1962.

шило, во-первых, беспошлинный вывоз зерна, закупленного для посылки в Россию, освобождало груз от транспортных расходов; во-вторых, позволило создавать комитеты, которые имели право по всей стране собирать добровольные пожертвования в деньгах, зерне и одежде[23]; в-третьих, местным органам власти предлагалось оказывать широкое содействие работе этих комитетов, а также представителям Красного Креста; в-четвертых, болгарское правительство согласилось приютить 20 тысяч детей из России[24]. О решении правительства Стамболийского Советское правительство уведомило чехословацкое министерство иностранных дел 30 августа 1921 г.[25] Г. В. Чичерин в письме к В. И. Ленину расценил эти меры как фактическое восстановление советско-болгарских торговых отношений[26].

Таким образом, в 1921 г. произошел заметный сдвиг во взаимоотношениях между Болгарией и Советской Россией, хотя они еще были далеки до нормализации.

В то же время правительство Стамболийского в некоторых случаях было вынуждено уступать давлению Антанты (переброска в Болгарию по настоянию стран Антанты солдат и офицеров бывшей врангелевской армии, отказ принять советскую торговую делегацию в октябре 1921 г.)[27].

В первой половине 1922 г. наметились новые сдвиги в болгаро-советских отношениях в сторону их улучшения. Во время работы Генуэзской конференции (апрель — май 1922 г.) глава болгарской делегации, премьер-министр А. Стамболийский, телеграфировал в Софию своему заместителю Р. Даскалову, что в связи с заключением в Рапалло соглашения между Советской Россией и Германией престиж «русского колосса» сильно вырос. Это укрепляет и позицию Болгарии на конференции[28]. В другой телеграмме Стамболийский отмечал, что в противоположность главе английской делегации Керзону, который неблагожелательно отозвался о политике Болгарии, «Россия (Чичерин) разоблачила лицемерие великих держав, заставивших Болгарию подписать чудовищный мирный договор, который Россия никогда не признает»[29].

Позже, выступая в Народном собрании 14 июня 1922 г., А. Стамболийский высоко оценил роль делегации Советской России в защите национальных интересов Болгарии: «Следует отметить, — говорил он, — что русские представители очень хорошо отнеслись к Болгарии. Там, где нужно было защищать Болгарию, болгарские интересы, они защищали с пылом. Мы благодарны им за это»[30].

В Генуе Чичерин несколько раз встречался со Стамболийским. Одним из вопросов, которые обсуждались в ходе бесед, было возобновление торговли между двумя странами. По некоторым данным в Генуе был подготовлен проект торгового договора между Болгарией и Советской Россией[31]. По другим сведениям, в частности по воспоминаниям А. Ф. Гудзенко, между Стамболийским и Чичериным была достигнута договоренность об установлении торговых связей между Болгарией и Советской Россией через англо-советское акционерное общество «Аркос». В сентябре 1922 г. А. Ф. Гуд-

---

[23] Болгарской коммунистической партии, Обществу Красного Креста и другим организациям официально разрешалось собирать пожертвования в помощь голодающим Поволжья.

[24] Архив внешней политики СССР (далее — АВП СССР), ф. 74, оп. 2, ед. хр. 1, л. 1.

[25] Там же.

[26] См. «Исторический архив», 1961, № 2, стр. 67.

[27] См. «Документы внешней политики СССР», т. IV, стр. 399, 791.

[28] См.: Й. Митев. Фашистският преврат на девети юни 1923 година и юнското антифашистко въстание. София, 1956, стр. 55—56.

[29] Там же, стр. 55.

[30] «Дневници (стенографски) на XIX-то ОНС», III и. с., София, 1926, стр. 331.

[31] «Международная политика РСФСР в 1922 году. Отчет Народного Комиссариата по иностранным делам», М., 1923, стр. 33.

зенко прибыл в Софию как официальный представитель общества «Аркос» при болгарском кооперативе «Освобождение» [32].

Наконец, здесь же, в Генуе, А. Стамболийский в беседе с корреспондентом парижской газеты «Тан» 15 апреля 1922 г. заявил, что Болгария готова открыть свои порты для советских кораблей и установить торговые связи с Советской Россией [33].

Немаловажное значение имело также обсуждение вопроса о деятельности белогвардейских формирований бывшей врангелевской армии. Г. В. Чичерин в одной из своих речей на Генуэзской конференции, 17 мая 1922 г., заявил, что «Российское правительство располагает документами, свидетельствующими о приготовлениях к нападению на Советские Республики, ведущихся в настоящее время в Юго-Восточной Европе бывшими врангелевскими войсками» [34].

Как уже указывалось выше, широкая политическая кампания, развернувшаяся в стране под руководством БКП за разоружение врангелевцев и изгнание из страны их штабов, а также серьезная опасность, которую таили они для самого Земледельческого союза, заставили правительство А. Стамболийского летом 1922 г. принять решение расформировать белогвардейские войска [35].

Основную часть врангелевских войск составляли трудящиеся крестьяне и казаки, мечтавшие вернуться на родину. Советское правительство, содействуя скорейшему возвращению их домой, предоставило амнистию рядовым, а также офицерам после личного заявления каждого из них. В октябре 1922 г. в Болгарию прибыла миссия Российского общества Красного Креста во главе с И. С. Корешковым, которая приступила к репатриации русских беженцев, солдат и офицеров бывших армий Деникина и Врангеля [36]. Болгарское правительство и правительственные органы оказывали значительную помощь в работе советской миссии [37]. Болгарское навигационное общество в Софии предложило суда для транспортировки русских военнопленных [38]. При помощи «Союза за возвращение на родину», созданного по инициативе БКП, до 9 июня 1923 г. свыше 10 тысяч человек отбыли на родину, в Советскую Россию [39].

Вспоминая о своих беседах с главой советской делегации Чичериным в Генуе, Стамболийский с трибуны Народного собрания говорил: «Встретились мы в Генуе на конференции с русскими, беседовали с ними, выясняли, что делить нам нечего, что нет никаких вопросов — больших или малых, которые бы сделали отношения между Россией и Болгарией натянутыми».

В той же речи, отвечая на резкие нападки со стороны политических деятелей западных держав, осуждавших болгаро-советское сближение, он заявил: «Придет день — да уже пришел — когда те, кто обвиняет нас за связи с Россией, будут соревноваться за право раньше других завязать отношения с этой же Россией» [40].

В свою очередь Г. В. Чичерин несколько лет спустя, в 1926 г., в беседе с болгарским посланником в Берлине М. Поповым отмечал: «Мы были на

---

[32] См. «Българо-съветска дружба», 1962, № 11, стр. 27.
[33] См. «Новая Болгария», София, июнь 1958, стр. 10.
[34] «Документы внешней политики СССР», т. V, М., 1961, стр. 389.
[35] См. «Дневници (стенографски) на XIX-то ОНС», III и. с., стр. 152.
[36] См.: «Документы внешней политики СССР», т. V, стр. 767.
[37] См.: П. Панайотов. Руските емигранти в България и движението сред тях за връщане в Съветска Русия (1920—1923 гг.).— «Исторически преглед», 1963, № 5, стр. 57—58.
[38] АВП СССР, ф. 74, оп. 2, ед. хр. 1, л. 21.
[39] См.: П. Панайотов. Там же, стр. 59.
[40] «Дневници (стенографски) на XIX-то ОНС», III р. с., кн. 1, стр. 134.

пути взаимопонимания со Стамболийским. Я имел с ним много удовлетворительных бесед в Генуе...» [41].

Приезд советской миссии в Болгарию, хотя она и представляла общество Красного Креста, явился важным шагом на пути нормализации отношений между обеими странами. Следует отметить, что Болгария была первой и тогда единственной страной на Балканах, которая приняла официальную советскую делегацию.

В ноябре 1922 г. болгарское правительство снова проявляет инициативу и через Ф. Нансена [42] стремится завязать контакты с Советским правительством. Представитель Нансена в Москве в письме в НКИД сообщает, что Нансен хотел бы послать в Россию представителя для изучения вопроса о репатриации рассеянных по России болгарских пленных, что таковым представителем мог бы быть Тодоров, член Болгарского Красного Креста, болгарский посланник в Белграде, и что ввиду принятия болгарским правительством Коренкова для аналогичных целей, и советские власти должны были бы немедленно согласиться на это предложение [43].

Наркоминдел, учитывая, что болгарских пленных в Советской России почти нет или весьма мало, расценил это предложение, как желание со стороны правительства Болгарии таким образом установить непосредственные связи с Советским правительством. Считаясь с затруднительным положением Болгарии из-за ее зависимости от стран Антанты, Советское правительство не связывало нормализацию советского-болгарских отношений с немедленным обменом дипломатических представителей. Оно считало, что Болгария, нисколько не осложняя своих отношений с Западом, могла бы обменяться с Советским Союзом торговыми представителями, или, в крайнем случае, официальными представителями Красного Креста.

Г. В. Чичерин в другой связи говорил: «Официальное признание для нас второстепенно. Нам надо фактическое, действительное признание, снятие с нас того запрета, который на нас лежит, вследствие которого мы не можем никуда проникнуть, кроме отдельных лиц с особого разрешения, которые каждую минуту находятся под угрозой высылки и возращения в Россию» [44]. Он считал, что было бы важно установить отношения не столько де-юре, сколько де-факто; не играло большой роли и то, будут ли они осуществляться по линии Центросоюза или Красного Креста. «Мы мало обращаем внимания, — говорил Г. В. Чичерин, — на внешние формальности, и можем поэтому обходиться без формального признания, если по существу положение будет такое же, как при таком признании» [45].

Поэтому Советское правительство обращало внимание на тот факт, что болгарская миссия Красного Креста должна быть направлена непосредственно болгарским правительством и носить официальный характер. В письме заместителя Народного комиссара иностранных дел РСФСР М. М. Литвинова советскому полпреду в Германии 10 ноября 1922 г. указывалось, что Советское правительство согласно принять болгарского представителя Тодорова «хотя бы даже в качестве члена Болгарского Красного Креста, но не под фирмой Нансена. Опека Нансена в подобных случаях создает лишь почву для ненужных трений и уменьшает официальный характер представительства» [46]. Во время встречи Чичерина со Стамболийским на конфе-

---

[41] См.: П. Панайотов. Там же, стр. 36.

[42] Ф. Нансен являлся главным уполномоченным представителей международных и национальных организаций Красного Креста по оказанию помощи голодающим России.

[43] «Документы внешней политики СССР», т. V, стр. 669.

[44] Г. В. Чичерин. Статьи и речи по вопросам международной политики. М., 1961, стр. 149.

[45] «Документы внешней политики СССР», т. II, М., 1958, стр. 561.

[46] Там же, т. V, стр. 669.

ренции в Лозанне в конце 1922 г. было решено обменяться официальными представительствами Красного Креста на более широкой основе, чем взаимная репатриация граждан. В частности, было решено через указанных представителей приступить к переговорам об установлении торговых отношений между обеими странами [47]. Присутствие самой болгарской делегации на Лозанской конференции стало возможным только после настоятельного требования Советской России. Советское правительство решительно выступило против дискриминации Болгарии. В ноте правительствам Англии, Франции и Италии 2 ноября 1922 г. оно обращало внимание на тот факт, что совершенно непонятно отсутствие «соседней с Турцией Болгарии при одновременном присутствии не только Югославии и Румынии, но и отдаленной Японии» [48].

В дни конференции Г. В. Чичерин направил официальное предложение болгарскому правительству заключить советско-болгарский политический и торговый договор, аналогичный соглашению между Советской Россией и Норвегией [49]. Как известно, советско-норвежское соглашение, подписанное 2 сентября 1921 г., предусматривало впредь до восстановления нормальных дипломатических отношений немедленное возобновление торговых и коммерческих сношений между обеими странами. Оно предусматривало обмен официальными представителями и означало фактическое признание Советской России Норвегией [50].

Имеются источники, свидетельствующие о том, что признание Советской России Болгарией, видимо, вступило даже в фазу практического осуществления. В частности, об этом свидетельствует личное письмо Чичерина Тодорову, посланное 1 апреля 1923 г., в котором говорится о предстоящем приезде Тодорова в Москву как официального представителя Болгарии. «Мы глубоко сожалеем,— пишет Чичерин, — что Ваш приезд к нам так долго затянулся и надеемся, что в ближайшем будущем препятствия будут устранены и мы Вас увидим в Москве» [51].

Таким образом, между Болгарией и Советским Союзом была достигнута договоренность о нормализации отношений, о признании Болгарией Советского Союза, и только фашистский переворот 9 июня 1923 г. помешал осуществлению этой договоренности.

---

[47] Там же, стр. 767.
[48] Там же, стр. 651.
[49] В. Хаджиниколов. Стопански отношения и връзки между България и Съветския съюз до Девети септември (1917—1944 гг.). София, 1956, стр. 85.
[50] См. «Документы внешней политики СССР», т. IV, стр. 298—305.
[51] АВП СССР, ф. 74, оп. 5, ед. хр. 1, л. 1.

ГЕНРИК МАРКЕВИЧ

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ НАУКИ О ПОЛЬСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Чтобы представить современное положение науки о польской литературе в соответствующей перспективе, нужно начать с 1955 года. Именно тогда в идеологической и культурной жизни начался процесс коренных изменений, преобразовавший и внутреннее состояние полонистики. Были устранены имевшиеся до того времени ограничения свободы научных суждений — ограничения, затруднявшие научную деятельность ряда исследо вателей и препятствовавшие обсуждению некоторых проблем. Благодаря этому расширилось поле научных исследований и увеличилось число активно занимающихся ими ученых. Как для сторонников марксизма, так и для немарксистов марксистский метод и теория перестали быть собранием догматических и квазидогматических положений; под квазидогматическими положениями я разумею тезисы и оценки, трактуемые самими марксистами как дискуссионные, предварительные, но тем не менее превращавшиеся, вопреки намерениям авторов, в положения бесспорные и обязательные, распространяемые в лекциях, учебниках, популярных работах, требуемые на экзаменах, часто понимаемые как мерило идейных позиций.

Польские исследователи порвали с упрощенной оценкой и иерархизацией литературных произведений на основе таких только критериев, как социальная тематика, степень приближения к революционной идеологии, соответствие жизненному правдоподобию в изображении мира, доступность художественных средств. Они перестали игнорировать реальные связи нашей литературы с европейской литературой. Не отказываясь от тезиса об идеологическом характере литературы, они больше стали интересоваться своеобразием способов выражения идеологии. При этом они подметили неидеологический и неклассовый характер некоторых элементов историко-литературного процесса и поняли их важность. Периоды, течения и индивидуальности, до той поры оцениваемые негативно, недооцененные либо окруженные молчанием, дождались обоснованной реабилитации; это касается прежде всего многих выдающихся явлений литературы XX века (достаточно вспомнить хотя бы Выспяньского, Бжозовского, Ижиковского, Лесьмяна, Шульца).

Отброшено также заблуждение, что посылки диалектического и исторического материализма однозначно детерминируют всю систему положений марксистской теории литературы, что эти положения в некотором смысле a priori должны быть противопоставлены положениям немарксистских теорий, что, наконец, проблемы, выдвинутые немарксистскими направлениями,— это преимущественно проблемы надуманные, либо решаемые неправильно.

Одновременно — в соответствии с довольно частой закономерностью — появилась некоторая сдержанность в отношении, так сказать, классичес-

кой проблематики марксистских исследований и, стало быть, таких вопросов, как генетические и познавательные связи между литературой и действительностью, а также в отношении ранее принятой системы оценок: как до этого превыше всего ценили социальную типичность и веристический (соответствующий обиходному жизненному опыту) способ изображения действительности, рационализм и идейный радикализм, так теперь стали подчас трактовать все это с известным предубеждением.

Это, конечно, не могло не отразиться и на перемещении интересов исследователей, и на иерархизации литературного прошлого. Можно сказать, что классицизм и веризм стали котироваться ниже, а экспрессионизм и креационизм выше. Такого рода колебания неизбежны: как наука о литературе, так и отдельные исследователи слишком связаны с литературной современностью, чтобы быть одинаково беспристрастными ко всему литературному прошлому; как и все читатели, они подвержены перемене вкусов.

Охарактеризованные здесь эстетические и теоретические пертурбации вызвали у некоторой части исследователей боязнь синтеза и оценок, поворот к «микрофилологии» и научным «заметкам по поводу...», увеличили притягательную силу документалистики и чистой фактографии, которая гарантирует бесспорность получаемых результатов. Впрочем, во многих случаях это был выбор, просто соответствующий действительным научным склонностям. В соответствии с этими склонностями те, которых привлекала «интерпретация», по-прежнему остались верны ей, хотя было время, когда это определение имело характер по меньшей мере иронический.

И здесь надо сказать, что именно для этих исследователей принципиальные указания марксизма: целостное понимание исторической действительности, поиски закономерностей развития, классовая дифференциация культуры, соединение историзма с современным взглядом на литературное прошлое — остались неизменными и руководящими элементами теоретического сознания. Это утверждение относится к значительно более широкому кругу, чем тот, который открыто декларирует свою марксистскую позицию.

Занятая марксистами открытая позиция по отношению к другим направлениям, перемены в культурной и научной политике, устраняющие преграды и трудности в использовании достижений зарубежного литературоведения, — все это пробудило, особенно среди молодых исследователей, живой интерес к немарксистским проблемам и методам, главным образом к формализму, русско-чешскому и американскому структурализму, а также к немецкому «искусству интерпретации». В некоторой мере сохранили также научную привлекательность работы Р. Ингардена.

Этот интерес направлен также на теоретические предложения других наук (теория информации, структурная лингвистика и попытки ее применения в этнологии, семиотика, теория архетипов). С пристальным вниманием следят у нас за достижениями советской науки о литературе (исследования Томашевского, Виноградова, Жирмунского, Шкловского, Реизова, Бахтина, структурно-типологические работы), а также за западными работами, имеющими более или менее явную марксистскую направленность (Хаузер, Гольдман, Паскаль, Гароди).

Однако следует сказать, что восприятие современной мировой гуманитарной науки происходило недостаточно критически: оно было направлено больше на информацию о том, что в ней есть ценного, поучительного или хотя бы интересного, чем на критический анализ всего этого.

Таким образом, в связи с названными выше теоретическими установками у нас наметилось несколько различных исследовательских тенденций

как в методологических высказываниях, так и в практике; выделяя их особенности, типизируя, можно было бы так систематизировать их по степени тематической широты:

1. Анализ литературного произведения как художественного объекта. Первая разновидность этого анализа находится в языковой плоскости и использует терминологический аппарат структурной лингвистики, дополненный некоторыми понятиями теории информации, усвоенными подчас довольно поверхностно; при этом иногда наблюдается тенденция к математизации исследовательского процесса. Вторая разновидность, более традиционная, является как бы несколько эстетствующей и субъективной, но зато более всесторонней и не отказывающейся от оценок.

2. «Генерализующие» исследования — реконструкция (полная или частичная) исторических поэтик, их структуры и эволюции (К. Будзык).

3. Продолжение исследования литературы как носительницы идеологического содержания, что, собственно говоря, находится на границе между историей литературы и историей идей.

4. Программа соединения анализа структуры литературного произведения (а также более обширных комплексов — творчества писателя, литературного течения) с его генетическим объяснением, восходящим прежде всего к «посредствующей сфере», к идеологии и общественной психологии с широким учетом литературного и биографического фона (М. Янион).

5. Программа интеграции лингвистической поэтики с историей литературы, а этой последней — с марксистской социологией и родственными дисциплинами, а также с семиотикой, т. е. трактовка науки о литературе как части «культурной антропологии», при решительном примате исследований историко-литературного процесса над монографическими работами и при особом интересе к идеологическому содержанию литературы (С. Жулкевский).

Вообще, степени универсальности этих тенденций соответствует степень их трудности, а в результате — и мера их реализации. Однако во всех этих направлениях есть уже серьезные достижения. Правда, нередко в них звучит «презентизм», проявляющийся, например, в виде зависимости от современных поэтических программ при построении теории литературы или в виде анализа литературных произведений прошлого посредством современных философских категорий, а в синтетических трудах — это приспособление материала к принятой теоретической или интерпретационной концепции, некоторая односторонность трактовки как результат погони за оригинальностью, чрезмерное акцентирование собственных наблюдений и пренебрежение к мнениям, высказанным ранее кем-то другим, и, наконец, излишняя и иногда претенциозная сложность изложения в соединении со стилистической небрежностью.

Однако эти недостатки перекрываются достоинствами, собственно противостоящими им, а именно тщательностью анализа, умением строить теоретические обобщения, богатством эрудиции и многосторонностью сопоставлений. Это достоинства, добавим мы, отнюдь не часто встречавшиеся в минувший период. Ныне мы находим их не только у опытных, старших исследователей, но и у представителей того поколения, о котором после войны говорили «молодое», а сейчас говорят уже «среднее».

Возможно, в результате всех этих изменений наука о литературе является менее чем прежде «наидеологизированной», хотя бы потому, что она широко занимается также неидеологическими аспектами литературы и откровенно избегает острых оценок ее идеологических аспектов. В значительной мере она стала также менее притягательной, а иногда и трудно доступной для широких кругов читателей, что является

неизбежным результатом роста научной строгости и прогрессирующей специализации.

Охарактеризовав различные исследовательские тенденции, рассмотрим далее формы нынешней полонистической научной деятельности. При этом мы не будем выделять работ Института литературных исследований ПАН и работ вузовских кафедр, ибо многие начинания являются совместными, а большинство ученых, работающих в институте, одновременно заняты преподавательской деятельностью на университетских кафедрах.

Уже традиционным стало мнение об огромном размахе и высоком качестве био- и библиографической документации, а также научно-издательской работы, теоретические аспекты которой освещены в текстологических трудах К. Гурского. Это подтверждается появлением в рассматриваемый период таких трудов, как критические издания сочинений великих писателей, «Словарь поэзии и прозы Мицкевича» или библиография польской литературы, так называемый «Новый Корбут».

В то же время часто отмечается, что ощущается недостаток в монографических работах о выдающихся художниках и произведениях. Это легко объяснить: как мы видели, для значительной части современных исследователей литературы не отдельные произведения и не творчество писателя, а историко-литературный процесс и его составные части — системы идей и художественных средств — являются оправданно выделенной или самой важной областью исследования. Здесь не место решать эту дилемму, которая, впрочем, по убеждению пишущего эти строки, является мнимой дилеммой, вроде тех, которые Бой-Желеньский определил вопросом: «чистить зубы или мыть руки?». К тому же эту дилемму решает историко-литературная практика: все чаще появляются, особенно из-под пера молодых исследователей, монографии о произведениях и писателях, и эти работы становятся ценными научными достижениями. Из работ последнего десятилетия в хронологическом порядке их публикации можно назвать следующие: А. Лэмпицкой — о «Свадьбе» Выспяньского, А. Бродской — о новеллистике Конопницкой, Ст. Гжещука — о «Сатирах» Опалиньского, З. Стефановской — о «Книгах польского народа и польского пилигримства», К. Выки — о «Пане Тадеуше», С. Треугутта — о «Бенёвском»; далее монографии о Сенкевиче, Бое и Галчиньском — А. Ставара, об Оркане — Ст. Пигоня, о Красиньском — М. Янион, о Скарбеке — К. Бартошиньского, об Ожешко — М. Жмигродзской, о Стаффе — Я. Квятковского, о Збигневе Морштыне — Я. Пельца, о Шаньском — Я. Блоньского.

Здесь приведены названия некоторых книг; однако, по существу, количество монографий или монографических очерков значительно более обширно, но они скрываются под скромными названиями вступительных статей к комментированным изданиям классиков.

Итак, в сущности следует жаловаться не столько на недостаток монографий о писателях и произведениях, сколько на малочисленность историко-проблемных работ: у нас нет, например, книги о романтическом историзме и народности или о восприятии символизма в Польше. Гораздо лучше обстоит дело с историей литературных жанров, которой занимаются прежде всего исследователи, вышедшие из школы С. Скварчиньской, К. Будзыка, Ч. Згожельского, а также история польского стиха, теоретический фундамент которой обновлен в работах М. Длуской и М. Р. Майоновой.

С точки зрения общественных потребностей существенным изъяном в развитии литературоведческой полонистики и вместе с тем ее важнейшей задачей является проблема университетского учебника истории литературы. Почему же он до сих пор не написан, в то время как такие учебники сумели подготовить польские историки или историки государства и права? Здесь можно назвать ряд причин. Во-первых, в польской научной лите-

ратуре, собственно, никогда не было такого учебника. Во-вторых, коллектив исследователей-марксистов в пятидесятых годах был немногочисленным и в значительной своей части не обладал подготовкой, необходимой для решения этой задачи. При относительно нормальном для тогдашних условий сотрудничестве с исследователями-немарксистами теоретические расхождения были настолько велики, что возможность соавторства была нереальной. В такой ситуации задержку в написании университетского учебника следует оценить как felix culpa.

С тех пор многое изменилось. Частично сгладились теоретические размежевания, созрели и выросли марксистские кадры. В этих новых условиях университетский учебник, а вернее серия самостоятельных учебников, посвященных различным эпохам, находится в стадии реализации в Институте литературных исследований ПАН — их выпуск предусмотрен на 1968—1970 гг.

Отсутствие университетского учебника в некоторой степени снижает эффективность обучения, ставит в трудное положение студентов, которые вынуждены готовиться к экзамену «мозаичным» методом, составляя, по указаниям преподавателя, как бы собственный учебник из многих частных работ, нередко различных между собой методологически. Несколько облегчает положение публикация многих комментированных хрестоматий и антологий. Широкое применение в практике обучения будет иметь также начатое уже издание «Картины польской литературы XIX и XX века» (под ред. К. Выки и Г. Маркевича), особенно потому, что наряду с характеристиками писателей, извлечениями из текстов и библиографий, отдельные серии снабжены также обобщающими статьями. Одновременно коллективные усилия «всеобщего ополчения» полонистов, участвующих в этом издании, от старейшин нашей дисциплины до самых молодых ее адептов, способствуют заполнению многих пробелов, корректированию прежних суждений, которые не проверялись иногда десятилетиями и которые невозможно проверить усилиями одного исследователя.

Названные здесь издания находятся на грани популяризации. В их обширном кругу следует различать: 1) научные работы, представляющие по теме или способу изложения интерес для более широких читательских кругов; 2) популярно-дидактические работы, в доступной форме дающие читателю, имеющему профессиональную гуманитарную подготовку (учителям, студентам и т. п.), историко-литературные сведения; 3) популяризаторские работы sensu stricto, предназначенные для непрофессионалов.

По причинам, о которых уже говорилось, становятся все более редки, но еще встречаются работы первого типа, преобладают книги второго типа, зато немногочисленны (хотя иногда замечательны, как, например, книга Е. Янковского об Ожешко) работы третьей разновидности. Мы опускаем здесь беллетризованные биографии, которые к сожалению, пишутся большей частью на низком уровне. Среди популярных особого внимания заслуживают работы, которые вводят в читательский обиход поэзию, особенно современную; кроме эссе М. Яструна, Ю. Пшибося, А. Мендзыжецкого и А. Каменьской здесь следует назвать работы М. Р. Майоновой и Л. Пщоловской о чтении стихов и обширный комментированный сборник под названием «Польская лирика» (под ред. Я. Прокопа и Я. Славиньского). В последнее время несколько лучше обстоит дело также в области энциклопедической популяризации: опубликован словарь литературы для детей и молодежи, словарь польского фольклора и малый словарь польских писателей.

В заключение этого обзора форм научно-литературной деятельности обратимся к нашей журналистике и серийным изданиям. Несмотря на трудности с финансами и бумагой, рядом с «Паментником литерацким» и «По-

лонистикой» в последние годы появились журналы, удачно их дополняющие, а в некоторых отношениях соперничающие с ними: «Пшеглёнд гуманистычны», «Рух литерацки», «Загадненя родзаюв литерацких», («Вопросы литературных жанров»), «Литература людова», имеющие содержание более широкое, чем об этом можно судить по названию, и привлекающие к сотрудничеству иностранных авторов. Проблематика теории и истории литературы освещается также на страницах «Паментника театрального», «Культуры и сполэченьства», «Твурчосци», «Нурта», «Диалога», а также — хотя и реже — в литературных еженедельниках. Неоценимой помощью в области информации стал «Бюлетынь полонистычны».

Быстро разрослась новая серия Института литературных исследований — «История и теория литературы», медленнее, и это естественно, — «Старопольские исследования», «Исследования эпохи просвещения», серия «Из истории художественных форм в польской литературе».

Издательства университетов и научных обществ дают возможность публиковать работы, рассчитанные на более широкий круг читателей; с этой точки зрения положение периферийных авторов более благоприятно, чем варшавских. Научный дебют молодым исследователям до некоторой степени облегчают университетские научные выпуски. Успешно развивается «Библиотека литературных исследований», в которой переиздаются давно распроданные или выходившие частями критические и историко-литературные работы.

Среди серийных изданий текстов на первое место выдвигается, конечно, монументальная «Библиотека польских писателей», а также «Литературный архив», выходящий, к сожалению, слишком редко. I серия «Национальной библиотеки», наряду с изданиями популярного характера, по-прежнему выпускает научно-дидактические издания некоторых произведений.

Рамки статьи не позволяют охарактеризовать состояние исследований отдельных периодов польской литературы. Эти исследования развивались неравномерно: до 1955 года они концентрировались главным образом на Возрождении, Просвещении, так называемом позитивизме и реалистическом течении позднейшей литературы. Сейчас, как об этом уже упоминалось, в центре внимания находится литература XVII века, романтизм и литература XX века, особенно ее модернистские течения (в самом широком значении этого термина).

Как отдельные периоды истории литературы, так и различные области теории литературы освещаются неравномерно. О главных методологических установках речь шла уже выше. Довольно живой интерес вызывает общая теория литературного произведения. Особое внимание при этом уделяется проблеме вымысла и квазисуждений (Ежи Пельц и др.). Генология (наука о литературных родах и жанрах) разрабатывается преимущественно в историко-литературной плоскости. В структуральном аспекте рассматривается, в частности, проблема рассказчика (М. Ясиньская, М. Жмигродзская), эпического времени (К. Бартошиньский), драмы как театрального произведения (С. Скварчиньская, И. Славиньская) и репортажа (Я. Мазярский). Проблема реализма в литературе освещена с марксистских позиций в исследованиях С. Жулкевского и А. Бродской. С. Жулкевский занялся также вопросами социологии литературы.

В последние годы появилось несколько более значительных теоретико-литературных работ синтетического характера: Ю. Кшижановский изложил свои взгляды в капитальном труде «Наука о литературе». С. Скварчиньская основательно рассмотрела общие проблемы генологии в III томе «Введения в науку о литературе». Главные проблемы литературоведения старался представить Г. Маркевич в книге, сочетающей задачи информации с попытками собственных теоретических построений. Здесь также следует

обратить внимание на возросший интерес к истории эстетико-литературного сознания (например, работа Я. Славиньского об авангардистской концепции поэтического языка).

В области науки о стихе, который все более успешно интерпретируется как своеобразная стилистическая структура, имеются очень серьезные достижения, хотя также дискуссионные, как показала это критика теоретических предпосылок энциклопедического издания «Поэтика», с которой выступил К. Будзык. М. Длуская представила новаторский «Опыт теории польского стиха», учитывающий современные версификационные эксперименты, которые интересуют и молодых исследователей (З. Сятковский, А. Славиньская). В применении статистических методов при анализе стиха ценных результатов добился Е. Ворончак.

Эти методы показали свою пригодность также и в области стилистики bensu stricto; между прочим были разработаны формулы, позволяющие вычислять лексическое богатство текста и в этом отношении сравнивать тексты разной величины (Курашкевич, Ворончак). Вообще же литературная стилистика, опирающаяся на предпосылки структурной лингвистики, имеет на нашей почве блестящие перспективы, которые обрисовываются, в частности, в работах исследователей самого младшего поколения, известных по общепольским теоретическим конференциям, происходящим ежегодно, начиная с 1961 года. В качестве примера здесь можно назвать работу А. Вежбицкой о синтаксисе польской прозы XVI века.

Настоящая характеристика является, конечно, выражением личного мнения автора, который, однако, опирался на мнения группы специалистов, и учел также научную критику последних лет, нашедшую отражение в печати. Предложенная статья не претендует на полноту и, несомненно, является дискуссионной со многих точек зрения.

Но не подлежит сомнению значительность научных событий, о которых шла речь. Во второе десятилетие Народной Польши наука о польской литературе вступила с обильными и научно ценными достижениями, обещающими большой урожай уже в недалеком будущем.

С. М. ТОЛСТАЯ

СОЧЕТАЕМОСТЬ СОГЛАСНЫХ В СВЯЗИ С ФОНОЛОГИЧЕСКОЙ СТРУКТУРОЙ СЛОВА В СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ

Понятие фонологической структуры слова предполагает установление состава и способа организации (упорядоченности) его компонентов. Дальнейшее уточнение этого понятия зависит от того, какие фонологические единицы признаются непосредственными компонентами слова — слоги или фонемы. Если, соблюдая иерархию фонологических единиц, считать, что этими компонентами являются слоги, а дистрибуция низших единиц — фонем — подчинена структуре слога, то фонологическая структура слова должна пониматься как его слоговая структура (состав и способ комбинации слогов). Слоговая структура слова, так же как и фонемная структура слога, двусоставна и включает центральный (обязательный) элемент и периферийные (факультативные) элементы. Центральным элементом слога служит слогообразующий гласный или сонант, центральным элементом слова — ударный слог; периферийные элементы в слоге представлены неслогообразующими (консонантными) фонемами, в слове — безударными слогами. Аналогия продолжается также и в том, что внутри каждой единицы (слова, слога) центральные элементы независимы, тогда как периферийные связаны определенной зависимостью друг с другом и с центральным элементом. Существенно далее то, что в слове, как единице высшего по отношению к слогу уровня, упорядочиваются только центральные элементы входящих в него слогов, а периферийные как бы механически включаются в слово.

Такое представление о фонологической структуре слова вполне оправдывает преимущественное внимание исследователей к просодической (ударение) и вокалической организации слова, особенно для той части славянских языков и диалектов, где упорядоченность гласных в слове относительно ударного гласного имеет фонологическое значение [1].

В то же время очевидно, что не все особенности дистрибуции периферийных элементов слога (согласных) могут быть объяснены на уровне слога. Так, в обычных замечаниях о расхождении в строении внутренних и маргинальных (начальных и конечных) слогов слова, в частности в отношении звучности [2], содержится, по нашему мнению, имплицитное указание на некоторую внеслоговую ориентацию фонологических последовательностей, начинающих и оканчивающих слово. Кроме того, одно из са-

---

[1] См., например, В. Н. Топоров. О некоторых фонетических особенностях славянских языков в связи со словообразованием.— «Prace Filologiczne», t. XVIII, cz. 2, Warszawa, 1964.

[2] Ср. Р. И. Аванесов. Фонетика современного русского литературного языка. М., 1956, стр. 42.

мых существенных правил, относящихся к комбинации слогов в слове, касается как раз периферийных элементов слога. Мы имеем в виду правило, запрещающее сочетание слога типа CVC (или VC) со слогом типа VC, где V — слогообразующий элемент, а C — неслогообразующий (согласный или группа согласных). Подобные факты дают возможность говорить о консонантной структуре слова в славянских языках, признавая ее второстепенную роль сравнительно с вокалической структурой слова [3].

Один из признаков консонантной структуры слова усматривается в специфической дистрибуции согласных в начале и на конце слова [4]. Примечательно уже то, что во всех славянских языках число консонантных групп, допустимых в начале слова, значительно превышает число возможных конечных консонантных групп.

В статье рассматриваются отношения между начальными и конечными группами согласных в четырех славянских языках: польском, русском, сербско-хорватском (в его экавском и екавском вариантах) и болгарском. Несмотря на то что начальные и конечные консонантные группы в слове являются одновременно эксплозивными и имплозивными [5] компонентами соответственно начального и конечного слогов, мы не считаем возможным распространять выводы этой статьи на соотношение эксплозивных и имплозивных элементов слога вообще, хотя бы потому, что многие консонантные группы, будучи тавтосиллабическими в маргинальных позициях (в начале и на конце слова), становятся гетеросиллабическими внутри слова. Кроме того, известные трудности слогоделения не позволяют вообще с уверенностью восстанавливать состав внутренних слогов слова.

Мы ограничиваемся разбором двух отношений — отношения симметрии и отношения сходства (подобия). Выбор этих двух отношений продиктован следующими соображениями. В фонологии достаточно прочно утвердилось представление о том, что начальные и конечные консонантные группы в слове по своей структуре обратны (противоположны) или зеркальны друг другу. Речь идет о том, что если в начальной позиции преобладают сочетания типа «шумный + сонорный», то в конечной системе преобладают сочетания типа «сонорный + шумный», причем эта противоположность должна распространяться на все существенные признаки начальных и конечных последовательностей. Нетрудно убедиться, что такого рода обратные или зеркальные отношения соответствуют логическому понятию симметрии ($xy \supset yx$).

Вслед за Дж. Гринбергом мы будем пользоваться терминами начальная и конечная система, обозначающими совокупность начальных (resp. конечных) консонантных последовательностей любой длины и правил, отражающих их свойства и зависимости в данном языке. В этой статье, однако, нас будут интересовать только последовательности, состоящие из двух элементов.

В абсолютном понимании симметричность начальной и конечной систем предполагает, что каждому сочетанию xy в начале слова соответствует yx на конце слова (т. е. $\forall\ xy \supset y_1x_1$, где индекс передает принадлежность

---

[3] Сошлемся на работу М. И. Лекомцевой «Типология фонологических структур слова в славянских языках» («Славянское языкознание. Доклады советской делегации на VI Международном съезде славистов» — в печати), где наряду с просодическими и вокалическими характеристиками слова учитываются и особенности его консонантной структуры.

[4] Ср. универсалии, сформулированные Дж. Гринбергом в статье «Некоторые обобщения, касающиеся возможных начальных и конечных последовательностей согласных» («Вопросы языкознания», 1964, № 4).

[5] Термины «эксплозивный» и «имплозивный» употребляются здесь в том же смысле, что и у Куриловича. См. его статью «Вопросы теории слога» в кн. Е. Куриловича. Очерки по лингвистике. М., 1962.

фонем к конечной системе). Но абсолютно симметричные системы могут быть одновременно и абсолютно тождественными, в случае если каждая из них в свою очередь характеризуется полной симметричностью, т. е. если $\forall\ xy \supset yx$ и $\forall\ x_1y_1 \supset y_1x_1$. Поэтому симметричность должна быть ограничена условием нетождественности начальной и конечной систем, которая в предельном случае означает, что в начале слова не существует ни одного сочетания xy, которое принадлежало бы также и конечной системе. При условии полной симметричности между начальной и конечной системами полная их нетождественность или специфичность достигается уже отсутствием в пределах каждой из них внутренней симметричности.

В реальных фонологических системах ни абсолютная симметричность, ни абсолютное отсутствие сходства начальных и конечных систем не выдерживается, поэтому практически задача сводится к установлению степени симметричности и степени сходства начальных и конечных систем, причем для более полного представления целесообразно рассматривать: 1) симметричность начальной системы, 2) симметричность конечной системы, 3) взаимную симметричность начальной и конечной систем относительно друг друга, 4) сходство начальной и конечной систем.

Для количественной оценки названных характеристик фонологической системы предлагаются следующие показатели, могущие служить критериями типологического сравнения языков:

1) коэффициент симметричности начальной системы, равный отношению числа симметричных начальных консонантных пар к общему числу начальных пар;

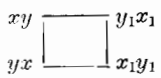
2) коэффициент симметричности конечной системы, равный отношению числа симметричных конечных консонантных пар к общему числу конечных пар;

3) коэффициент взаимной симметричности начальной и конечной систем, измеряемый отношением числа взаимно симметричных начальных и конечных пар к общему числу начальных и конечных пар;

4) степень сходства начальной и конечной систем, определяемая отношением удвоенного числа консонантных пар, общих для начальной и конечной систем, к сумме начальных и конечных пар.

Важно подчеркнуть, что первые два и четвертый показатели имеют отрицательное значение при решении вопроса о специфичности сравниваемых систем, т. е. чем выше эти показатели, тем менее специфична консонантная сочетаемость начала и конца слова. Действительно, консонантные элементы, способные к симметричной сочетаемости, менее тесно связаны между собой, чем элементы, комбинирующиеся только в одном определенном порядке, а именно такого рода ограничения на порядок следования фонологических элементов могут считаться наиболее ярким выражением специфики каждой системы. Понятно также, что сочетания, допустимые в обеих системах, нельзя признать специфическими для каждой из них. Что касается третьего показателя, то его значение тем выше, чем ниже значения остальных трех показателей.

Для фонологической системы в целом показательны также перечни и количественное соотношение консонантных пар, обладающих различной степенью симметричности. Абсолютно симметричными можно назвать консонантные пары, симметричные и в начальной и в конечной системах (и тем самым взаимно симметричные в начальной и конечной системах), т. е. удовлетворяющие отношению



Пары, не обладающие абсолютной симметричностью, могут удовлетворять отношениям следующих типов:

1) xy — y_1x_1, yx

т. е. пары, симметричные в начальной системе и симметричные конечным асимметричным парам;

2) xy — y_1x_1, x_1y_1

т. е. пары, симметричные в конечной системе и симметричные начальным асимметричным парам;

3) xy —— y_1x_1

т. е. пары, не симметричные в начале слова, но симметричные конечным асимметричным парам, равно как и пары, не симметричные на конце слова, но симметричные начальным асимметричным парам;

4) xy | yx

т. е. пары, симметричные только в начальной системе;

5) x_1y_1 | y_1x_1

т. е. пары, симметричные только в конечной системе.

Все прочие консонантные пары считаются полностью асимметричными.

Вероятно, степень симметричности может быть соотнесена со степенью связанности элементов консонантной пары, так что абсолютно симметричные пары являются наименее связанными, а абсолютно асимметричные, не допускающие инверсии ни в начале, ни на конце слова,— наиболее связанными.

Процедура установления отношений симметрии и сходства может быть формализована с помощью понятий α- и β-полей согласных фонем [6]. Поскольку в данном случае речь идет о двух различных системах, будем считать, что каждая фонема характеризуется не двумя, а следующими четырьмя показателями:

α-поле фонемы — множество фонем, способных предшествовать данной фонеме в начальной системе;

β-поле фонемы — множество фонем, способных следовать за данной фонемой в начальной системе;

α_1-поле фонемы — множество фонем, способных предшествовать данной фонеме в конечной системе;

β_1-поле фонемы — множество фонем, способных следовать за данной фонемой в конечной системе.

Для получения искомых данных о симметричности и сходстве начальной и конечной систем достаточно определить пересечение (математическое произведение) каждой пары множеств из перечисленных четырех по всем согласным фонемам языка:

$\alpha \cap \beta$ — математическое произведение α- и β-множеств, соответствующее множеству фонем, с которыми данная фонема образует симметричные па-

---

[6] F. Harary, H. Paper. Toward a general calculus of phonemic distribution.— «Language», vol. 33, 1957.

ры в начале слова, т. е. множеству фонем, которые могут как предшествовать данной фонеме, так и следовать за ней в начале слова;

$\alpha_1 \cap \beta_1$ — математическое произведение α_1- и β_1-множеств, сооответствующее множеству фонем, с которыми данная фонема образует симметричные пары на конце слова, т. е. множеству фонем, которые могут как предшествовать данной фонеме, так и следовать за ней на конце слова;

$\alpha \cap \alpha_1$ — математическое призведение α- и α_1-множеств, равное множеству фонем, которые могут предшествовать данной фонеме как в начальной, так и в конечной системе, т. е. множеству фонем, с которыми данная фонема образует консонантные пары, общие для начала и конца слова;

$\beta \cap \beta_1$ —математическое произведение β- и β_1-множеств, равное множеству фонем, которые могут следовать за данной фонемой как в начале, так и на конце слова, т. е. множеству фонем, с которыми данная фонема образует консонантные пары, общие для начальной и конечной систем;

$\alpha \cap \beta_1$ — математическое произведение α- и β_1-множеств, равное множеству фонем, с которыми данная фонема образует начальные пары, симметричные конечным, т. е. множеству фонем, которые в начальной системе предшествуют данной фонеме, а в конечной — следуют за ней;

$\alpha_1 \cap \beta$ — математическое произведение α_1- и β-множеств, равное множеству фонем, с которыми данная фонема образует конечные пары, симметричные начальным, т. е. множеству фонем, которые в конечной системе предшествуют данной фонеме, а в начальной — следуют за ней.

Очевидно, что содержательно показатели $\alpha \cap \alpha_1$ и $\beta \cap \beta_1$, вычисленные по всем фонемам, совпадают, так же как и $\alpha \cap \beta_1$ и $\alpha_1 \cap \beta$, поэтому можно было бы ограничиться определением одного показателя из каждой пары.

Абсолютно симметричные пары устанавливаются через пересечения $\alpha \cap \beta \cap \alpha_1 \cap \beta_1$; пары, не обладающие полной симметричностью — соответственно через пересечения $\alpha \cap \beta \cap \alpha_1$ $(\alpha \cap \beta \cap \beta_1)$, $\alpha_1 \cap \beta_1 \cap \alpha$ $(\alpha_1 \cap \beta_1 \cap \beta)$, $\alpha \cap \beta_1$ $(\beta \cap \alpha_1)$, $\alpha \cap \beta$, $\alpha_1 \cap \beta_1$. Полностью асимметричные и не тождественные в начальной и конечной системах пары имеют во всех случаях пустые пересечения множеств α, β, α_1 и β_1.

Прежде чем привести соответствующие данные по четырем названным славянским языкам, необходимо сказать, что рамки статьи не позволяют нам перечислить все начальные и конечные консонантные пары каждого языка и тем более — подробно охарактеризовать источники и способ извлечения материала [7].

---

[7] Ограничимся перечислением главных источников, на основании которых устанавливались инвентари начальных и конечных групп рассматриваемых языков. *Польский язык*: M. B a r g i e ł ó w n a. Grupy fonemów spółgłoskowych współczesnej polszczyzny kulturalnej.— «Biuletyn Polskiego Towarzystwa Językoznawczego», z. X, Kraków, 1950; «Słownik języka polskiego», t. I—VIII. Pod. red. W. Doroszewskiego. Warszawa, 1958—1966; «Index a tergo do Słownika języka polskiego S. B. Lindego». Pod. red. W. Doroszewskiego. Warszawa, 1965. *Русский язык*: Словарь русского языка в четырех томах, т. I—IV. М., 1957—1961; «Русское литературное произношение и ударение». Под ред. Р. И. Аванесова и С. И. Ожегова, М., 1955; H. H. B i e l f e l d t. Rückläufiges Wörterbuch der russischen Sprache der Gegenwart. Berlin, 1958. *Сербско-хорватский язык*: С. Р и с т и ћ, J. К а н г р г а. Речник српскохрватског и немачког језика. Београд, 1928; J. D a y r e, M. D e a n o v i ć, R. M a i x i n e r. Hrvatskosrpsko-francuski rječnik. Zagreb. 1956; И. И. Т о л с т о й. Сербско-хорватско-русский словарь. М., 1958; M. B y j a k л и ј a. Лексикон страних речи и израза. Београд, 1954; «Правопис српскохрватскога књижевног језика са правописним речником». Нови Сад — Загреб, 1960; J. M a t e š i ć. Rückläufiges Wörterbuch des Serbokroatischen. Bd. I, 1965; Bd. II, 1966; Bd. III, IV, 1967. *Болгарский язык*: «Речник на съвременния български книжовен език», т. I—III, София, 1955—1959; В. З. С а н н и к о в. Обратный словарь болгарского языка. М., 1967 (рукопись). Пользуемся случаем выразить глубокую признательность В. З. Санникову за любезное разрешение ознакомиться с картотекой словаря.

Поскольку консонантные сочетания как в начале, так и особенно на конце слова могут характеризовать косвенные формы слов, в отличие от исходных, словарных форм,—

Таблица 1

Польский язык

	$\alpha \cap \beta$	$\alpha_1 \cap \beta_1$	$\alpha \cap \alpha_1$	$\beta \cap \beta_1$	$\alpha \cap \beta_1$	$\alpha_1 \cap \beta$
j					*t*	
r	*v t d ž*	*m p f t*	*m p b f v t d*	*t*	*m p f t s ś š k x*	*v t d*
ł	*b z ž k g*	*p t k*	*p t d s z k g x*	*k*	*m p t š č k*	*z k g*
l	*v ś ž g*	*f k p*	*p f d ś k g*	*n'*	*m p f t s c š k x*	*ś g*
n			*m z*		*t s c š č k*	
n'		*p ś*	*l p ś*		*p ś*	
m	*d š ž k g x*	*r s ś č*	*d s z č g*	*r n ś š x*	*s š č x*	*r ł l d ś g*
m'		*r ł l n'*				
p	*s š*	*s ć š č*	*s ć š*	*r ł l n' t s š*	*s ć š*	*r ł l n' s ś š*
p'						
b	*ł z*			*r*		
b'						
f	*t s c š č k x*	*r l t*	*t s k x*	*r l t ć*	*t*	*r l t s ś k x*
f'						
v	*r l v d z ž g*			*r*	*r*	
v'						
t	*r f š k*	*r ł f š č*	*r p ł s š č k*	*r ł f š*	*r f š č*	*j r ł l n f ś k x*
d	*r m v*			*r ł l m*	*r m*	
s	*p f s k*	*m p k*	*p k*	*ł n m p f t c k*	*p f k*	*r l n m p k*
z	*ł b v z g*			*ł n m*	*ł*	
ʒ	*f*		*s*			*l n*
ʒ'						
ś	*l ś*	*n' m*	*m*	*l n' ć*	*l m p f*	*r n'*
ź	*ź*					
ć		*p*	*f ś*	*p*		*p*
ʒ́						
š	*m p f t k*	*p t x*	*m p t x*	*p t č*	*p t x*	*r ł l n m p t*
ž	*r ł l m b v g*					
č	*f č*	*m p t*	*š*	*m t*		*ł l m t k*
ǯ	*ǯ*					
k	*ł m f t s š*	*ł l s*	*ł s*	*ł l f t s*	*ł f t s*	*r ł l n s*
k'						
g	*ł l m v z ž*			*ł l m*	*ł l m*	
g'						
x	*m f*	*š*	*m*	*ł f š*	*f t*	*r l m š*
x'						

Из табл. 1 следует, что в начальной системе в польском языке симметричны следующие консонантные пары:
rv rt rd rž łb łz łž łk łg lv lś lž lg md mš mž mk mg mx ps pš bł bz ft fs fc fš fč fk fx vr vl vv vd vz vž vg tr tf tš tk dr dm dv sp sf ss sk zł zb zv zz zg cf śl śś źź šm šp šf št šk žr žł žl žm žb žv žg čf čč ǯǯ kł km kf kt ks kš gł gl gm gv gz gž xm xf (86).

На конце слова симметричны:
rm rp rf rt łp łt łk lp lf lk n'p n'ś mr ms mś mč pr płpl pn'ps pć pš pč fr fl ft tr tł tf tš tč sm sp sk śn'śm ćp šp št šx čm čp čt kł kl ks xš (48).

Консонантные пары, общие для начала и конца слова:
mr pr br fr vr tr dr pł tł dł sł zł kł gł xł pl fl dl śl kl gl mn zn ln' pn' śn' dm sm zm čm gm sp ćp šp tf sf kf xf rt pt ft st št čt kt ps ks sc fć ść mš mś pš tš xš šč łk sk mx (59).

Начальные пары, симметричные конечным:
tj mr pr fr tr sr śr šr kr xr mł pł tł šł čł kł ml pl fl tl sl cl šl kl xl tn sn cn šn

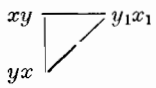
мы широко пользовались грамматическими описаниями, справочниками, помимо грамматического материала перечисленных словарей, с целью получить возможно более полную информацию о фонемной структуре косвенных форм. Перечень такого рода общих и частных работ занял бы слишком много места, и потому мы его опускаем.

čn kn pn' śn' sm šm čm xm sp ćp šp tf rv rt ft št čt rd md ps fs ks łz lś mś pś fś pš tš xš łk fk tk sk łg lg mg fx tx (68).

Конечные пары, симметричные начальным:
jt rm rp rf rt rs rś rš rk rx łm łp łt łš łč łk lm lp lf lt ls lc lš lk lx nt ns nc nš nč nk n'p n'ś ms mš mč mx ps pć pš ft vr tr tf tš tč dr dm sp sf sk zł śl śm śp śf šp št šx kł kf kt ks gł gl gm xt xf (68).

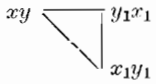
Абсолютно симметричными оказываются следующие консонантные пары: *rt łk ps pš ft tr tf tš sk sp šp št kł ks* (14).

Отношению



удовлетворяют: *rv rd łz łg lś md mg fs fk fx tk šm xm* (13).

Отношению



удовлетворяют: *mr pr fr pł tł pl fl kl sn pn' śn' sm čm ćp čt mś xš* (17).

Отношению xy — y_1x_1 удовлетворяют начальные пары: *tj mr sr śr šr kr xr mł tł šł čł ml pl tl sl cl šl xl tn cn šn čn kn čm pś fś tx* (27), равно как и конечные: *rm łm lm lp śp śf jt łt lt nt xt rs ls lc nc rś rš łš lš nš łč nč mč rk nk rx lx* (27).

Отношению

удовлятворяют: *vr žr bł zł žł vl žl gl žm km gm łb zb cf šf čf kf xf rv lv vv dv zv žv gv vd ss łz bz vz zz gz fc śś źź fš kš rž łž lž mž bž vž gž fč čč ʒʒ mk fk šk lg mg vg zg žg fx* (56).

Отношению

удовлетворяют: *čp pč* (2).

Все прочие консонантные пары в польском языке полностью асимметричны. В начальной системе это: *rv' rʒ łb'łź lj ln ln' lv' mn mn' mg' mx' pn px br bl bź bž fj fp fp' fć fk' vj vł vn vn' vm vm' vb vb' vv' vz vg' tn' tf' dj dł dl dn dn' dm' db dv' dž sł sp' sf' st sc sš sč sk' sx zj zr zl zn zn' zm zm' zb' zv' zd zʒ zž zʒ zg' cm ck ʒb ʒv śm śp' śf' ść źr źl źʒ ćm ćm' ćf' ʒv' šm' šp' šf' šč šk' žn žn' žm' žb' žv' čm' čp' čć čk ʒv' kn' km' kp kp' kf' kś kć gr gn gn' gm' gb gv' gd gź gʒ xj xł xm' xf' xc xć.*

В конечной системе: *jm jp js jc jś jš jk rl rł rn rn' rc rć rč łn łn' łć ln' lč nf nx n'ć mn mp mf pt br fć tm dł dl sł st sc zm ść źn' ʒm šč kč xł.*

Число симметричных пар, в которые может входить фонема, характеризует свободу (resp. связанность) ее дистрибутивных отношений. По этому показателю польские согласные распределяются следующим образом: *l* (14), *r m* (13), *ł f t š* (11), *p k* (10), *s č* (9), *ś* (8), *n v ž x* (7), *g* (6), *z* (5), *c* (4), *n'd* (3), *j b ć* (2), *ź ʒ* (1), *m'p'b'f'v'ʒ ʒ'k'g'x'* (0).

Высокий показатель симметричной сочетаемости у сонорных *r ł l m* отражает достаточно регулярную симметричность начальных групп типа «шумный + сонорный» конечным группам типа «сонорный + шумный», хотя и в каждой отдельной системе симметричность сонорных высока. Заслуживает внимания также полная неспособность к симметричной со-

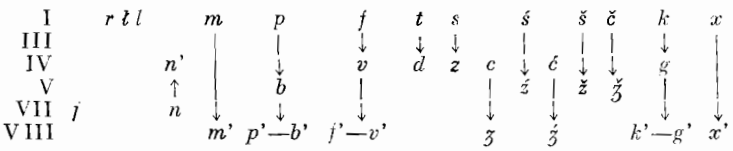
четаемости трех групп согласных: губных палатальных, заднеязычных палатальных и звонких аффрикат (кроме *ǯ*), присутствие которых делает любую консонантную последовательность асимметричной.

Уже из этих общих данных следует, что способность к симметричной сочетаемости согласных определенным образом связана с их парадигматическими свойствами. Еще более очевидной становится эта связь при дифференцированном рассмотрении симметричности в начальной системе, в конечной системе и в начальной и конечной системах относительно друг друга.

В зависимости от того, способна ли фонема образовывать симметричные пары в каждом из названных случаев, ее можно отнести к одному из следующих восьми типов:

	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII
Начальная	+	+	+	—	+	—	—	—
Конечная	+	+	—	+	—	+	—	—
Начальная—конечная	+	—	+	+	—	—	+	—

В польском языке нет ни одной согласной, которая относилась бы ко II или VI типу, т. е. ни одна согласная не может быть симметричной в начальной и конечной системах и не быть симметричной относительно начальной и конечной систем (тип. II), так же как ни одна согласная не может быть симметрична только в конечной системе (тип VI). По остальным шести типам согласные распределяются следующим образом:



Полученная группировка свидетельствует о том, что наименьшие ограничения в симметричной сочетаемости испытывают согласные, относящиеся к классу глухих непалатальных (исключение составляют *c*, с одной стороны, и *ś* — с другой), а также сонорные *r t l m*. Затем следует класс звонких непалатальных (исключение составляют шипящие, аффрикаты и *b*); абсолютно несимметричные фонемы, как уже указывалось, относятся к губным палатальным, заднеязычным палатальным и звонким аффрикатам (кроме *ǯ*). Для каждой пары фонем, противопоставленных по глухости — звонкости или по палатальности, верно, что звонкий или палатальный член противопоставления больше (или равно) ограничен в симметричной сочетаемости по сравнению с соответствующим глухим или непалатальным (ср. направление стрелок в схеме). Исключение составляет пара *n* — *n'*.

Общее число начальных консонантных пар, зафиксированных в польском языке,— 241, конечных — 131; следовательно, коэффициент симметричности начальной системы равен 0,36, конечной системы —0,37, коэффициент взаимной симметричности начальной и конечной систем — 0,37, степень сходства начальной и конечной систем — 0,32.

В табл. 2 приводятся аналогичные данные по русскому языку. Из-за недостатка места мы не будем полностью развертывать таблицу и перечислять все консонантные пары, симметричные в начальной и конечной системах, взаимно симметричные относительно начальной и конечной позиций и общие для обеих систем.

В начальной системе русского языка насчитывается 64 симметричных консонантных пары; коэффициент симметричности составляет 0,27. В ко-

Таблица 2

Русский язык

	$\alpha \cap \beta$	$\alpha_1 \cap \beta_1$	$\alpha \cap \alpha_1$	$\beta \cap \beta_1$	$\alpha \cap \beta_1$	$\alpha_1 \cap \beta$
j					*l' š*	
r	*v t ž*	*n m t p f k x*	*n m v t d p b f ž k g x*	*t t'*	*n m t s p f š k x*	*v t ž*
r'		*p*	*t p b x*		*p*	
l	*l b ž g*	*t s p k*	*d s z p b š k g x*		*m s p f k*	*b g*
l'	*v d g*	*m s' p š k*	*m v p b š k g*	*s'*	*m t s p f š k x*	*j v s' g*
n	*g*	*r n m*	*m v d z g g*	*r*	*m s š k x*	*r g*
n'						
m	*č š x*	*r l' n t s f š*	*v s š ž x d*	*r l' n š*	*s š*	*r l l' n z š g x*
m'						
v	*r l' v d z ž g*			*r l' m*	*r l'*	
v'	*v'*					
t	*r k*	*r l m f č š x*	*r s p f č š k*	*r r'*	*r f č š*	*r l' k*
t'	*f*		*r f š*		*p*	*f*
d	*l' v*			*r l n m'*		
d'						
s	*s p f k*	*l m p k*	*p k*	*l m t f k p*	*p f k*	*r l l' n m c p k*
s'	*s'*	*l'*	*l'*	*t'*	*l' p*	
z	*v d z b g*			*l n*	*m*	
z'						
c					*s*	
p	*s š*	*r r' l l' s*	*s š*	*r r' l l' t s*	*s f*	*r r' l l' t' s s' š*
p'						
b	*l z ž*			*r r' l l'*	*l*	
b'						
f	*t' s*	*r m t š k x*	*s*	*r t t' š k x*	*t'*	*r l l' t s p č š k x*
f'						
č	*m*	*t*		*t*	*f*	*t*
š	*m p š*	*l' m t j*	*m j*	*l l' m t t' p*	*m p f*	*j r l' n m t k*
š'						
ž	*r l v d b ž g*			*r m*	*r*	
ž'						
k	*t s*	*r l l' s j*	*s j*	*r l l' t s*	*t s j š*	*r l l' n s*
k'	*l l' n v z ž*			*r l l' n n'*	*l l' n m*	
g						
g'						
x	*m*	*r t f*	*f*	*r r' l m*	*m f*	*r l' n*
x'						

нечной системе симметричны 63 консонантных пары; коэффициент симметричности конечной системы значительно выше — 0,41. Взаимно симметричны 65 консонантных начальных и конечных пар; коэффициент взаимной симметричности составляет 0,32.

Перечислим консонантные пары, обладающие разной степенью симметричности.

Абсолютно симметричные пары: *rt mš tr sp sk ps šm ks* (8).

Консонатнтные пары, симметричные в начальной системе и симметричные конечным асимметричным парам: *rv rž lb lg l'g l'v ng mx tk t'f pš* (11).

Консонантные пары, симметричные в конечной системе и симметричные начальным асимметричным парам: *rn rm rp rf rk rx r'p ls lp lk l'm l'p l'š l'k nm ms tf tč tš s'l šf kf xf* (23).

Консонатные пары, не симметричные в начале слова, но симметричные конечным асимметричным парам: *sr šr ml fl tl' sl' fl' xl' sn šn kn xn pt' ps' mz sc fp fč šk mg fx l'j šj* (23).

Консонантные пары, не симметричные на конце слова, но симметричные начальным асимметричным парам: *jl' s'l' lm zm gm l't rs l's ns cs t'p s'p lf l'f pf čf jš rš nš kš nk l'x nx* (23).

Консонантные пары, симметричные только в начальной системе: *ll lž l'v l'd mč vv vd vz vž v'v' dl' dv ss s's' zv zd zz zb zg bz bž čm šš žl žv žd žb žg gv gz gž* (31).

Консонантные пары, симметричные только в конечной системе: *lt nn mt mf tl tm tx fm xt* (9).

В русском языке засвидетельствовано 65 консонантных пар, принадлежащих одновременно начальной и конечной системам. Таким образом, степень сходства обеих систем для русского языка определяется коэффициентом 0,32. Поскольку коэффициент взаимной симметричности равен также 0,32, эти два показателя полностью нейтрализуют друг друга и не могут подтвердить наблюдения о противоположных тенденциях в структуре начальных и конечных консонантных групп. Однако, если принять во внимание мощность консонантных групп (количество слов, включающих каждую группу), то для наиболее мощных начальных и конечных последовательностей тенденции такого рода, по-видимому, окажутся более заметными. Достаточно сослаться на то, что, например, последовательности типа «шумный + сонорный» в начале слова принадлежат к самым мощным, в то время как симметричные им последовательности типа «сонорный + + шумный» во всех случаях уникальны, т. е. принадлежат только одной лексеме.

Можно ожидать, что анализ свойств симметрии и сходства начальных и конечных консонантных групп в сербско-хорватском языке (см. табл. 3 и 4) подтвердит более определенно, учитывая минимальный характер инвентарей этих групп, те черты в организации начальных и конечных систем, которые проявляются в более развитых системах других славянских языков. В частности, можно a priori предположить, что внутренняя симметричность начальной и конечной систем будет выражена здесь

Таблица 3

Сербско-хорватский язык (экавский вариант)

	$\alpha \cap \beta$	$\alpha_1 \cap \beta_1$	$\alpha \cap \alpha_1$	$\beta \cap \beta_1$	$\alpha \cap \beta_1$	$\alpha_1 \cap \beta$
j					*f s z*	
r		*n*			*m b v t d s c š ž k g x*	
l		*p d k*	*p b v d k g*		*m p f t d s š k*	
l'			*m*			
n		*r*			*d s z š k g*	
n'						
m				*l'*	*s*	*r l*
p	*s š č*	*l*		*l t s*	*s*	*l*
b	*z*			*l*		*r*
f						*j l*
v				*l*	*s*	*r*
t	*k*		*p s š k x*			*r l k*
d		*l*	*z ž g*	*l*		*r l n*
s	*p k*	*k*	*p k*	*t k*	*k*	*j r l n m p v k*
z	*b*			*d*		*j n*
c						*r*
š	*p*			*t*		*r n l*
ž				*d*		*r*
č	*p*					
ć						
đ						
ǵ						
k	*t s*	*s l*	*s*	*l t s*	*t s*	*r l n s*
g				*l d*		*r n*
x				*t*		*r*

Таблица 4

Сербско-хорватский язык (екавский вариант)

	$\alpha \cap \beta$	$\alpha_1 \cap \beta_1$	$\alpha \cap \alpha_1$	$\beta \cap \beta_1$	$\alpha \cap \beta_1$	$\alpha_1 \cap \beta$
j					*m f d s z c*	
r		*n*			*m b v t d s c š ž k g x*	
l		*p d k*	*p b v d k g*		*m p f t d s š k*	
l'			*m*			
n		*r*			*d s z š k g*	
n'						
m				*l'*	*s*	*j r l*
p	*s š č*	*l*		*l t s*	*s*	*l*
b	*z*			*l*		*r*
f						*j ľ*
v				*l*	*s*	*r*
t	*k*		*p s š k x*			*r l k*
d		*l*	*z ž g*	*l*		*j r l n*
s	*p k*	*k*	*p k*	*t k*	*k*	*j r l n m p v k*
z	*b*			*d*		*j n*
c						*j r*
š	*p*			*t*		*r n l*
ž				*d*		*r*
č	*p*					
ć						
ǵ						
ǰ						
k	*t s*	*s l*	*s*	*l t s*	*t s*	*r l n s*
g				*l d*		*r n*
x				*t*		*r*

слабее, а их взаимная симметричность — отчетливее, чем в других языках.

В сербско-хорватском языке зафиксировано 114 начальных консонантных пар для экавского варианта и 125 — для екавского; в единой для обоих вариантов конечной системе насчитывается 72 консонантные пары. В начальных системах представлено по 12 симметричных пар; следовательно, коэффициент симметричности экавской начальной системы составляет 0,10, екавской — 0,09. В конечной системе отмечено 10 симметричных пар, а коэффициент симметричности равен 0,14.

В экавской системе насчитывается по 35 начальных и конечных консонантных пар, симметричных друг другу, в екавской — по 38; коэффициент взаимной симметричности в обоих вариантах равен 0,38.

Из всех консонантных пар только две абсолютно симметричны: *sk ks*.

Консонантные пары, симметричные в начальной системе и симметричные конечным асимметричным парам: *sp tk*.

Консонантные пары, симметричные в конечной системе и симметричные начальным асимметричным парам: *lp ld lk*.

Консонантные пары, не симметричные ни в начальной, ни в конечной системах, но взаимно симметричные относительно начальной и конечной систем: начальные — *fj sj zj mr br fr vr tr dr sr cr šr žr čr kr gr xr ml pl fl tl sl šl dn sn zn šn kn gn sm sv* (31); конечные — *rm lm lp rb jf rf lf rv rt lt rd nd js rs ls ns ms vs jz nz rc rš lš nš rž rč rk nk rg ng rx* (31).

Консонантные пары, симметричные только в начальной системе: *pš pč bz zb šp čp* (6).

Консонантные пары, симметричные только в конечной системе: *rn nr*.

Приведенные выше перечни относятся к экавскому варианту. Что касается екавского, то он отличается от экавского только в одном пункте: к списку взаимно симметричных пар добавляются начальные *mj dj sj zj* и конечные *jm jd js jz*.

Как уже отмечалось, разные фонемы в различной степени обладают способностью к симметричной сочетаемости. В пределах начальных систем сербско-хорватского языка ни одна фонема не образует симметричных пар более чем с тремя другими фонемами, причем большая часть фонем (17 из 25) вообще не образует симметричных пар в начале слова. В конечной системе только *l* и *k* образуют симметричные пары более чем с одной фонемой. Совершенно иначе выглядит взаимно симметричная (для начала и конца слова) сочетаемость фонем: *r* образует взаимно симметричные пары с 12 другими фонемами, *l* и *s* — с восьмью, причем *r* и *l* выступают в качестве предшествующего элемента в конечных сочетаниях и последующего — в начальных, а *s*, наоборот, в качестве последующего элемента в конечных и предшествующего — в начальных.

Относительно высокий показатель взаимной симметричности начальной и конечной систем при незначительной в общем внутренней симметричности каждой из них имеет тем большее значение для подтверждения противоположных тенденций в организации этих систем, чем меньшее число консонантных групп принадлежит одновременно начальной и конечной системам. Сравнительно с другими славянскими языками, число таких общих для начала и конца слова сочетаний в сербско-хорватском языке действительно невелико (18), а коэффициент сходства для экавского варианта равен 0,19, для екавского — 0,18.

Болгарский язык (см. табл. 5) интересен прежде всего в том отношении, что при весьма распространенном консонантном инвентаре (38 фонем) он располагает очень ограниченным набором допустимых начальных и конечных консонантных парных сочетаний (соответственно 133 и 56) и по интересующим нас показателям (симметрии и сходства) приближается к сербско-хорватскому языку — языку с минимальным консонантизмом (25 фонем).

В начальной системе болгарского языка симметричны 18 консонантных пар; следовательно, коэффициент симметричности начальной системы составляет 0,14. В конечной системе насчитывается всего 6 симметричных пар, что составляет 0,11 от общего числа конечных пар (коэффициент симметричности конечной системы). Взаимно симметричны в начале и на конце слова 27 консонантных пар; коэффициент взаимной симметричности — 0,28.

В болгарском языке нет ни одной пары абсолютно симметричных фонем. Консонантных пар, симметричных в начальной системе и симметричных конечным парам, насчитывается всего три: *fs sp tk*. Столько же зафиксировано пар, симметричных в конечной системе и симметричных начальным асимметричным парам: *rn nm ks*. Консонантные пары, симметричные только в начальной системе: *rv ps pš vr vd vz vž vg dv sf zv šp žv kt gv*. Пары, симметричные только в конечной системе: *nr mn sk*. 19 консонантных пар принадлежат одновременно начальной и конечной системам, что составляет 0,14 от общего числа начальных и конечных пар (коэффициент сходства).

Значительное превосхождение коэффициента взаимной симметричности над коэффициентом сходства при малых показателях внутренней симметричности каждой системы указывает на достаточно яркие специфические черты сочетаемости согласных в начале и на конце слова в болгарском языке.

Приведем в заключение сводную таблицу количественных показателей, характеризующих отношения симметрии и сходства начальных и конечных систем сравниваемых языков (табл. 6).

Таблица 5

Болгарский язык

	$\alpha \cap \beta$	$\alpha_1 \cap \beta_1$	$\alpha \cap \alpha_1$	$\beta \cap \beta_1$	$\alpha \cap \beta_1$	$\alpha_1 \cap \beta$
j						
r	*v*	*n*	*n*		*n m p f t s c š č k x*	
r'						
l					*m p f t s š k*	
l'						
n		*r m*	*m v*	*r*	*m s š k*	*r*
n'						
m		*n*		*n*	*k*	*r l n*
m'						
p	*s š*			*t s*	*s*	*r l*
p'						
b						
b'						
f	*s*		*s*	*t š*		*r l s*
f'						
v	*r d z ž g*			*n*		
v'						
t	*k*		*p f s š k*			*r l k*
t'						
d	*v*					
d'						
s	*p f*	*k*	*p*	*f t k*	*f*	*r l n p k*
s'						
z	*v*					
z'						
c						*r*
c'						
ʒ						
š	*p*		*f*	*t k*		*r l n*
ž	*v*					
č						*r*
ǰ						
k	*t*	*s*	*s š*	*t*	*t s*	*r l n m*
k'						
g	*v*					
g'						
x						*r*
x'						

Во всех языках, кроме болгарского, коэффициент внутренней симметричности начальной системы уступает соответствующему показателю конечной системы; расхождение этих показателей особенно значительно в русском языке. Это, очевидно, указывает на то, что начальная позиция слова в большей мере, чем конечная, подвержена ограничениям на порядок следования фонологических элементов. Что касается остальных двух по-

Таблица 6

	$\alpha \cap \beta$	$\alpha_1 \cap \beta_1$	$\alpha \cap \alpha_1$ ($\beta \cap \beta_1$)	$\alpha_1 \cap \beta$ ($\alpha \cap \beta_1$)
Польский	0,36	0,37	0,32	0,37
Русский	0,27	0,41	0,32	0,32
Сербско-хорв. (экавск.)	0,10	0,14	0,19	0,38
Сербско-хорв. (екавск.)	0,09	0,14	0,18	0,38
Болгарский	0,14	0,11	0,14	0,28

казателей, то первый из них, характеризующий степень тождественности начальных и конечных инвентарей консонантных групп, во всех языках, кроме русского, уступает коэффициенту взаимной симметричности. Для обоих вариантов сербско-хорватского языка и для болгарского различие между этими коэффициентами очень велико, что свидетельствует о достаточно резко выраженной специфике начальной и конечной сочетаемости согласных в этих фонологических системах.

Отметим, наконец, примечательную с типологической точки зрения зависимость показателей симметрии и сходства от численности консонантного инвентаря, с одной стороны, и распространенности инвентарей консонантных сочетаний — с другой. Для более полного представления учтем также показатели, характеризующие чешский язык, который подробно здесь не рассматривался: $\alpha \cap \beta$ — 0,35; $\alpha_1 \cap \beta_1$ — 0,13; $\alpha \cap \alpha_1 (\beta \cap \beta_1)$ — 0,19; $\alpha_1 \cap \beta (\alpha \cap \beta_1)$ — 0,23. Тогда могут быть выделены следующие типы:

Тип	Максимальный консонантный инвентарь	Максимальное развитие консонантных сочетаний	Языки
I	+	+	Польский, русский
II	—	—	Сербско-хорв. (зк.)
			Сербско-хорв. (ек.)
III	+	—	Болгарский
IV	—	+	Чешский

Языки первого типа имеют самые высокие значения первых трех коэффициентов и незначительные расхождения между последними двумя. Оба варианта сербско-хорватского языка, относящиеся ко II типу, характеризуются низкими значениями первых трех показателей и значительным превосходством коэффициента взаимной симметричности над коэффициентом сходства. Два других типа (болгарский и чешский языки), которым свойственна диспропорция между развитостью консонантного инвентаря и консонантной сочетаемостью, отличаются прежде всего более высоким показателем внутренней симметричности начальной системы по сравнению с конечной. Различие между ними состоит в том, что болгарский язык по двум последним коэффициентам приближается к сербско-хорватскому, а чешский — к польскому и русскому языкам; кроме того, чешский обнаруживает высокий коэффициент внутренней симметричности начальной системы, подобно польскому языку.

СООБЩЕНИЯ И ПУБЛИКАЦИИ

А. И. НЕДОРЕЗОВ

РЕШАЮЩАЯ ПОБЕДА ЧЕХОСЛОВАЦКОГО НАРОДА В ФЕВРАЛЕ 1948 г.

Февральские события 1948 г. в Чехословакии давно являются объектом острой политической полемики. Вскоре после февраля реакционные деятели, оказавшиеся за бортом чехословацкого государства, такие, как Г. Рипка, Ф. Пероутка, Л. Сихрава, Б. Лаушман, П. Зенкл и другие участники февральских событий, стали писать политические памфлеты с целью оправдать линию своих партий и свою личную позицию во время февральских событий [1].

Не без их участия в западной буржуазной историографии получили широкое распространение ложные взгляды на революционные события в Чехословакии и в других странах народной демократии как на результат вмешательства внешних сил, экспортирующих революцию [2].

Марксистская литература о феврале еще не велика. Нет пока фундаментальных исследований, хотя и сделано уже многое для выяснения сущности событий [3].

Значительно продвинулась публикация документов и воспоминаний [4].

Уже сам факт появления разнообразной литературы о феврале 1948 г. свидетельствует о важности совершившихся событий.

Что же произошло в феврале 1948 г. в Чехословакии?

После освобождения страны и победы национально-демократической революции перед чехословацким народом открылась перспектива социалистического развития. К власти пришел рабочий клас в союзе с крестьянством, прогрессивной интеллигенцией и патриотически настроенными слоями буржуазии. Это обстоятельство явилось следствием сложившегося в годы войны единства всех патриотических сил, выступавших против поработившего Чехословакию германского фашизма, политической формой которого был Национальный фронт чехов и словаков. Наличие Националь-

---

[1] H. Ripka. Le coup de Prague. Paris, 1949; F. Peroutka. Byl E. Beneš vinen? Paris, 1949; P. Zenkl. Historie komunistického puče v Československu. Mnichov, 1958; B. Laušman. Kdo byl vinen? Vídeň, 1953; L. Sychrava. Svědectvi a úvahy o pražském převratu v únoru 1948. Londýn, 1958.

[2] См. H. Seton-Watson. The East-European Revolution. London, 1951; J. Korbel. The Communist subversion of Cechoslovakia 1938—1948. Princeton, 1959; «Die Sowjetisierung Ost — Mitteleuropas 1945—1957». Hrsg. E. Birke, R. Neumann, unter Mitwirkung von E. Lemberg. Frankfurt am Main, 1959.

[3] Непосредственно февральским событиям посвящены: M. Bouček. Praha v únoru 1948. Praha, 1963; M. Vartiková — A. Lantay. Februar rozhodol. Bratislava, 1963; J. Veselý. Kronika únorových dnů 1948. Praha, 1958; G. Spurný. Únor 1948. Praha, 1959.

[4] «Únor 1948». Sborník dokumentů. Praha, 1958; «Vitezný únor 1948». Vzpominky. Praha, 1959; V. Král. Cestou k únoru. Dokumenty. Praha, 1963; «Pražske milice v únoru». Vzpominky. Praha, 1964.

ного фронта с его программой коренных социально-политических преобразований позволило решить ряд важных социально-экономических и политических проблем: демократизировать общественную жизнь страны, осуществить национализацию основных отраслей промышленности, банков и страховой системы, приступить к проведению земельной реформы. Проводившаяся национализация была в первую очередь направлена против крупной монополистической буржуазии. При этом рабочий класс умело использовал противоречия внутри класса капиталистов. Средняя и мелкая буржуазия, в особенности, связанная с обрабатывающими отраслями промышленности, рассчитывала, что национализация энергетических и сырьевых ресурсов, а равно металлургии и банковского дела, поможет ей получить сырье по более низким ценам, так как национализированный сектор будет пользоваться поддержкой государства. Надеялась она также и на то, что национализация банков позволит ей получать кредит по более низкой учетной ставке. И хотя не все надежды этих слоев буржуазии сбылись, несомненно, однако, что в их руки теперь попадала по крайней мере часть той огромной прибыли, которая широкой рекой текла раньше в сейфы монополий и банков. Об этом свидетельствуют цифры, приводимые в официальных чехословацких публикациях [5].

Рабочий класс и крестьянство рассматривали национализацию лишь как начало преобразования производственных отношений, как важный шаг на пути решения основного противоречия чехословацкого общества — противоречия между трудом и капиталом. В то время как буржуазия стремилась остановить дальнейший ход революционного процесса, рабочий класс и крестьянство были заинтересованы в развитии революции, в особенности — в наиболее полном осуществлении национализации и завершении земельной реформы. Эта противоречивость интересов основных социальных сил чехословацкого общества и вызвала в конечном счете их столкновение в феврале 1948 г.

С первых же дней народно-демократический строй доказал свою полную жизнеспособность. Он обеспечил активное участие в общественной жизни широких масс народа, их эффективное воздействие на политику государственных органов.

Главной движущей силой революционного процесса выступал рабочий класс. Коммунистической партии в 1944—1945 гг. удалось создать единое революционное профсоюзное движение, которое сыграло огромную роль в проведении революционных преобразований.

Помимо создания Национального фронта, по инициативе КПЧ была предпринята попытка объединить действия тех партий, в которых значительную часть составляли рабочие, в рамках единого социалистического блока. Соглашение об его образовании на базе правительственной программы в 1945 г. подписали представители Коммунистической, социал-демократической и национально-социалистической партий Чехословакии, что еще больше усилило руководящую роль рабочего класса в государстве.

Поскольку рабочий класс выступал как ведущая сила всей нации (наряду с политической дискредитацией крупной буржуазии в годы оккупации), создавалась благоприятная обстановка для осуществления глубоких социальных преобразований мирным путем, появилась возможность мирного перехода к социалистической революции.

В соответствии с этим выработанным Коммунистической партией курсом революционные преобразования проводились постепенно, а такие из них, как национализация промышленности и земельная реформа, затрагивавшие сферу буржуазной собственности,— по этапам.

---

[5] См. «Černá kniha kapitalistického hospodáření před únorem 1948». Praha, 1948.

Тем не менее революционные преобразования, особенно тогда, когда развитие революции стало затрагивать социальные слои более многочисленной средней буржуазии, не могли не вызвать с их стороны враждебного отношения. Они стали оказывать сопротивление дальнейшему развитию революции, используя при этом консервативно настроенных руководителей некоммунистических партий, которые находились в правительстве и других органах власти и, следовательно, могли оказывать известное влияние на государственную политику. Основным прибежищем и рупором буржуазных кругов сделалась национально-социалистическая партия. Среди ее членов было лишь 15% рабочих. Основной состав партии был мелкобуржуазный. Буржуазия оказывала этой партии широкую материальную поддержку. Так, в декабре 1945 г. сбор средств в ее пользу принес партии 50 млн. крон [6].

В своем стремлении остановить революционный процесс и повернуть вспять развитие страны буржуазные деятели рассчитывали использовать наряду с остававшимися в их руках экономическими и политическими рычагами также определенную приверженность интеллигенции и средних слоев к идеям буржуазных свобод, социального реформизма, классового мира и т. п.

В связи с этим особо важное значение приобретало политическое и идеологическое воспитание народа. Коммунистическая партия — организатор и руководитель народной революции — воодушевляла массы на созидательную работу в новой республике: восстановление народного хозяйства и обеспечение его дальнейшего планомерного развития. Она боролась за укрепление дружбы с СССР и народно-демократическими странами Центральной и Юго-Восточной Европы, являвшейся основным условием безопасности страны. КПЧ решительно разоблачала действия антинародных элементов — саботажников и спекулянтов, требовала решительного изгнания коллаборационалистов из государственных учреждений и общественных организаций.

Большие и очевидные успехи, достигнутые при народно-демократическом строе, снискали КПЧ огромный авторитет в массах, что убедительно показали выборы в Национальное собрание в мае 1946 г. [7]

Летом 1947 г. положение в стране было осложнено засухой. Одновременно на международной арене империалистические силы выступили с планами подавления революционного движения. Чехословацкая реакция сочла обстановку благоприятной для того, чтобы развернуть контрнаступление. Главной целью реакции был срыв дальнейших революционных преобразований, экономического восстановления страны, выполнения 2-летнего плана. Участились нападки на Советский Союз, началась кампания за принятие Чехословакией «плана Маршалла», усилилась организационная подготовка к захвату власти и вытеснению коммунистов с важнейших государственных постов. Характерными в этом отношении были планы реакции, которую все более определенно возглавляло руководство национально-социалистической партии, использовать в своих целях армию. Летом 1947 г. руководство этой партии встретилось с антикоммунистически настроенными высшими офицерами. На совещании было решено добиваться устранения коммунистов с руководящих постов в армии. Планы национальных социалистов и реакционного офицерства были поддержаны президентом Бенешем [8].

---

[6] V. K r á l. Cestou k únoru. Dokumenty. Praha, 1963, s. 30.

[7] На выборах в Учредительное Национальное собрание КПЧ получила 40% голосов, национально-социалистическая партия — 23,7%, народная 20%, социал-демократическая — 15,6%.

[8] V. K r á l. Ibid., s. 206.

В это же время состоялось и другое важное совещание. Руководство национально-социалистической партии, собравшись в Карловых Варах, обсудило вопрос о создании антикоммунистического блока с другими партиями. Речь шла фактически о подрыве Национального фронта изнутри, об удалении из правительства коммунистов, которые были названы «врагом номер один».

По свидетельству Г. Рипки, национально-социалистическая партия в дальнейшем руководствовалась принципами, которые были выработаны на этом секретном совещании. Вскоре попытки создания антикоммунистического блока были предприняты непосредственно на местах — областными и районными органами партии.

Однако внутри складывающейся антикоммунистической коалиции существовали и свои собственные противоречия; в частности, имели место разногласия по национальному вопросу между лидерами чешских буржуазных партий и демократической партией Словакии, отражавшие наличие существенных противоречий между чешской и словацкой буржуазией. В самих буржуазных партиях антикоммунистическая политика руководства наталкивалась на серьезную оппозицию рядовых членов. Особенно наглядно это проявлялось в массовом переходе рядовых членов буржуазных партий в КПЧ. Большое недовольство среди крестьян вызывала аграрная политика буржуазных партий, их попытка сорвать предложенные КПЧ меры по борьбе с продовольственными трудностями за счет кулаков и помещиков.

Для ликвидации того серьезного ущерба, который был нанесен крестьянам засухой, коммунисты предложили обложить дополнительным налогом тех, чье состояние превышало 1 млн. крон. Представители буржуазных партий в правительстве провалили это предложение; было принято решение оказать помощь крестьянам по линии государственного бюджета, что грозило серьезным расстройством финансов страны. Тогда КПЧ апеллировала к массам, и народ заставил правительство изменить свое решение и обложить миллионеров чрезвычайным налогом. Своевременная помощь Советского Союза чехословацкому народу продовольствием и мобилизация внутренних ресурсов помогли стране преодолеть экономические затруднения.

С этого момента национальные социалисты стали практически проводить в жизнь свою оппозиционную тактику. В сентябре 1947 г. они взяли под защиту контрреволюционных заговорщиков в Словакии, видных руководителей словацкой демократической партии, связанных с фашистским людацким подпольем, так как демократической партии, являющейся опорой реакции в Словакии, грозила серьезная политическая компрометация.

После этих очевидных поражений реакционеры не оставили своих намерений изменить ход событий. В этом отношении особенно показательно очередное заседание руководства национально-социалистической партии, на котором выступил представитель банковских кругов, политический советник Бенеша Энглиш. Подчеркнув, что Бенеш находится на стороне партии и что коммунисты хорошо руководят хозяйством даже в особо тяжелых условиях, вызванных засухой, Энглиш заявил: «Потому что коммунисты работают хорошо и у нас нет надежды, что политическая и экономическая ситуация будет развиваться в нашу пользу, мы должны стремиться немедленно предпринять необходимые меры» [9].

В конце 1947 г. руководство некоммунистических партий продолжало свои действия по сколачиванию контрреволюционного блока. Победа в ноябре 1947 г. на съезде социал-демократии в Брно правого крыла партии была использована национальными социалистами для заключения соглаше-

[9] V. Král. Ibid., s. 57.

ния с ней о совместных действиях в правительстве и в парламенте. Подобная же договоренность была достигнута руководством национально-социалистической партии со Словацкой демократической и народной партиями. Реакция рассчитывала, что создание антикоммунистического блока обеспечит успех антинародного заговора. Оставалось выбрать момент и предлог для свержения правительства. Предлогом послужили персональные изменения в корпусе национальной безопасности, осуществленные министром внутренних дел коммунистом Носеком, причем этот факт демагогически изображался как покушение на демократию. Режиссеры политической игры надеялись, что с ними заодно выступят все министры-некоммунисты, включая и социал-демократов, и это приведет к полной изоляции коммунистов и падению всего правительства Национального фронта.

20 февраля министры—члены национально-социалистической, народной и Словацкой демократической партий официально подали в отставку, рассчитывая свалить все правительство Национального фронта и, пользуясь поддержкой Бенеша, создать угодное им правительство без коммунистов.

Однако расчеты контрреволюционеров строились без реального учета соотношения классовых сил в стране и политического положения. Компартия верно оценила сложившуюся обстановку и подготовилась к решающей битве с реакцией за судьбы страны. Президиум партии призвал всех трудящихся города и деревни — рабочих, крестьян, мелких предпринимателей, интеллигенцию сплотиться в прочном Национальном фронте, который призван обеспечить осуществление всех требований, соответствующих интересам республики, создать условия для дальнейшего нормального развития страны и сохранить братские и союзные связи с СССР и другими странами народной демократии.

На многолюдных митингах народ полностью поддержал компартию. Более тысячи предприятий направили в адрес правительства и президента республики резолюции, в которых содержалось требование немедленно принять отставку реакционных министров. Председатель правительства Готвальд также посоветовал президенту Бенешу принять отставку министров от национально-социалистической и других буржуазных партий и пополнить правительство лояльными представителями партий Национального фронта. Это полностью соответствовало конституционному праву и традициям политической жизни страны.

Единодушную поддержку действиям КПЧ выразил проходивший 22 февраля съезд заводских советов. Для демонстрации единодушия рабочего класса страны съезд решил объявить 24 февраля всеобщую одночасовую забастовку. Чтобы парализовать возможность авантюристических вооруженных выступлений буржуазных элементов, в дни февраля была создана народная милиция. По призыву КПЧ были созданы комитеты действия Национального фронта. Они парализовали подрывные действия реакционеров, провели чистку предприятий и учреждений от реакционных элементов. Оказавшись без вооруженной поддержки извне и без серьезной политической армии внутри страны, заговорщики были быстро разгромлены.

25 февраля, после внушительной всеобщей забастовки рабочего класса, Бенеш был вынужден принять отставку министров-реакционеров и поручить формирование нового правительства Готвальду.

Историческое значение февральских событий заключается в том, что буржуазии было нанесено решающее поражение. Победа социалистической революции окончательно решила вопрос о власти в стране и о социалистическом развитии Чехословакии в будущем.

Было бы не совсем верно оценивать февральские события только как попытку контрреволюционных сил повернуть вспять революционный

процесс. Главным, предопределяющим фактором послевоенного развития чехословацкого общества было повсеместное, постоянное наступление революционных сил, победоносное шествие социалистической революции. Февраль был лишь одним из наиболее важных этапов этого процесса. Именно съезды заводских советов и крестьянских комиссий, намеченные на февральские дни, должны были определить новые рубежи революции. Следовательно не буржуазия выбрала момент решающей битвы; она была вынуждена принять вызов в неблагоприятной для себя обстановке. Единство революционных сил страны и их наступательный дух, прочный союз рабочего класса с трудящимся крестьянством, а также руководящая роль Коммунистической партии Чехословакии, наряду с экономической и политической помощью Чехословакии со стороны Советского Союза, дали возможность народным массам быстро ликвидировать замыслы контрреволюции и одержать полную и безусловную победу. Тем самым, вслед за осуществлением национальной и демократической революции в мае 1945 г. рабочий класс нанес решающее поражение своему извечному врагу — буржуазии, против которой он вел неустанную борьбу в течение многих десятилетий.

В условиях народной демократии буржуазия оказалась не в состоянии остановить революционный процесс. Коренное же изменение внешнеполитической обстановки после второй мировой войны лишило ее возможности в борьбе с революционными массами опереться на внешние контрреволюционные силы.

Победа социалистической революции в Чехословакии была триумфом политики Коммунистической партии, творчески применившей ленинское учение в новых условиях изменения соотношения сил между коммунизмом и социализмом во всемирном масштабе. Коммунистическая партия сумела обеспечить мирное развитие революционного процесса и подобное же мирное преобразование режима народной демократии в диктатуру пролетариата.

Победа чехословацкой социалистической революции была вместе с тем составным элементом общего мирового революционного процесса, в частности, нового этапа социалистических революций в Европе, начавшегося в благоприятных условиях, возникших в результате сокрушительного поражения германского и итальянского фашизма, поражения, решающую роль в котором сыграло советское социалистическое государство. Попытка международной реакции и в первую очередь американского империализма воспрепятствовать переходу Чехословакии на социалистический путь развития окончилась неудачей. В этом плане события февраля 1948 года знаменательны поражением всей мировой реакции и победой складывающегося лагеря социализма.

В. К. ЗАЙЦЕВ

СЛАВЯНСКИЙ ПОДВИГ В ХОТИНСКОЙ БИТВЕ 1621 ГОДА И ЕГО ОТРАЖЕНИЕ В ЭПИЧЕСКОЙ ПОЭМЕ ГУНДУЛИЧА «ОСМАН»

Хотинская битва 1621 года и ее результаты вселили в славян надежду на близкое окончание турецкого господства на Балканах. Вся Европа следила за Хотинской битвой и ее исходом, поскольку турецкая угроза оставалась для нее еще реальным фактом [1], несмотря на то, что на протяжении XVI—XVII вв. произошли события, открывшие глаза славянскому и европейскому миру на непрочность казавшейся ранее непоколебимой твердыни; этими событиями были разгром турецкого флота при Лепанто в 1571 г. и поражение османской армии в 1683 г. под Веной.

Если битва под Веной и успех войск Яна Собеского означали фактический конец турецкой экспансии в европейских землях, то Лепанто и Хотинская битва были прологом в длительном процессе ослабления турецкого могущества и распада Оттоманской империи.

Певцом грядущего освобождения славян и неизбежного конца господства турок на европейском континенте был великий дубровницкий поэт Иван Гундулич (1589—1638), автор знаменитой эпической поэмы «Осман» [2], являющейся своеобразной поэтической «энциклопедией» жизни, борьбы и надежд южных славян в XVII в. Поэма «Осман» — вершина в творчестве поэта и, более того, в развитии всей далматинской литературы XV—XVIII вв.

В произведении своем Гундулич предсказывает конец турецкого владычества. В XX песне поэмы звучит прямое пророчество, обращенное к Магомету:

Я предвижу: сгинет к счастью
Твой закон, как наважденье... [3]
(XX, 429)

---

[1] Великий итальянский поэт Торквато Тассо, в 1575 г. завершивший написание эпической поэмы «Освобожденный Иерусалим», считал главным смыслом своего произведения призыв к феодальным князьям Италии объединить усилия народа в борьбе против турецкой экспансии. Во времена Тассо турецкая угроза была еще очень сильной, Европа трепетала при одной мысли о возможности нового наступления Турции на запад.

[2] В нашем распоряжении последнее загребское издание поэмы: I. Gundulić. Osman s dupunom Ivana Mažuranića, za štampu priredio te predgovor i tumač napisao Milan Ratković.— «Zora», Zagreb, 1955. Все цитаты приводим по этому изданию, в нашем переводе. Римской цифрой указывается номер песни, арабской — стиха поэмы.

[3] Это пророчество не противоречило широко распространенной в XVI—XVII вв. среди южных славян убежденности в том, что в 1632 г., т. е. ровно через тысячу лет после смерти Магомета (ум. в 632 г.), произойдет крушение Оттоманской империи и славяне освободятся от турецкого ига. 1621 год и Хотинская битва многим казались предвестником грядущей свободы.

Или далее:

...твоя померкла слава,
Ибо люди все видали,
Как пред войском Владислава
Все войска твои бежали.
(XX, 493)

Для подобных пророчеств у Гундулича были многочисленные реальные исторические основания. Как известно, в XVII в., когда жил поэт, Турция, миновав зенит своего развития, клонилась к упадку. Уменьшилось ее значение в международной торговле в связи с великими географическими открытиями и появлением морского пути в Индию: Турция утратила былую роль посредника в европейско-азиатской торговле. Феодальная система, обнажившая в XVII в. все свои противоречия, была главным тормозом дальнейшего развития империи. Застойный характер экономики, упадок финансов и военного дела, утрата боеспособности феодальной конницы, разложение янычарского войска, непрерывные крестьянские бунты, дворцовые перевороты и убийства султанов — все эти явления видел и Гундулич, превосходно осведомленный в исторических событиях своей эпохи [4].

В XVII в. возросло стремление южнославянских народов к консолидации усилий в борьбе против иноземцев. Наиболее отчетливым показателем этих надежд и стремлений была Хотинская битва, в которой, говоря строго в соответствии с историческими событиями, не было победителей в буквальном смысле слова, но сам факт, что турецкое войско после длительной осады стен Хотина отступило ни с чем, вдохновлял славян и казался многообещающим [5].

Одной из плодотворных идей, прозвучавших в поэме «Осман», является утверждение необходимости единства славян перед лицом иноземного владычества. Напомним, что надежды славян на помощь европейских держав: Испании, Франции, Австрии, тогдашней Германии — не оправдывались. Гундулич писал по этому поводу, что в борьбе против Турции Польша могла бы надеяться на обещанную помощь «двух христианских тронов»: кесаря германского и испанского короля (XI, 681—682). Но их «помощь» обошлась бы дорого для самого Сигизмунда III, короля Польши: «за собою государство смог бы он сдержать едва ли» (XI, 693). Если, считает Гундулич, иностранные «освободители» придут в Польшу, то они позаботятся в первую очередь о замене ига турецкого игом германским или французским. Польское войско будет пущено в первую же губительную битву и погибнет в ней, поскольку «нужда ль чужим юнакам соблюдать твою (Сигизмунда.— *В. З.*) державу? Нужно ль им в сраженье всяком за чужую гибнуть славу?» (XI, 697—704). Обращение за помощью к чужой силе принесло бы славянам «только одни беды» (XI, 728). Автор предупреждает: «бойся силы иностранной, что войдет в страну и грады» (XI, 731), потому что пришествие иноземцев связано с разграблением державы (XI, 735). Точка зрения Гундулича по данному вопросу отчетливо сформулирована в словах: «Человек разумный знает, что́ с державой приключится, если он в страну сзывает, ей на помощь, сильных биться» (XI, 737). Подобное воззрение противоречило намерениям аристократических кругов некоторых славянских стран, кругов, инспирируемых

[4] См. об этом S. Musulin. Poljaci u Gundulićevu «Osmanu». Rad JAŽU, knj. 281, Zagreb, 1950, s. 102 и далее.

[5] Правда, еще в эпоху Гундулича у многих оставалось представление, что «...где вознесется в небе месяц царский (султанский.— *В. З.*),— чуда в целом мире не найдется, чтобы снять его оттуда», что «где копытом раз турецкий конь ступает — в месте том, конем изрытом, век трава не вырастает» (XI, 705—712). Это представление сохранялось от предыдущих веков турецкого господства на Балканах.

римскими католическими властями, заинтересованными в том, чтобы отвратить симпатии и надежды славян от поляков и русских как возможных объединителей славянских народов для борьбы с иноземным владычеством.

Гундулич стремится быть объективным. В эпосе «Осман» он указывает на участие в Хотинской битве и неславян. Проследим описание польского войска в том порядке, в каком его приводит автор поэмы в XI песне. Необходимо объяснить, что дело происходит в 1622 г. в королевском дворце, в Варшаве. У огромного гобелена, «тканой картины», стоит посол Османа II Али-паша, разглядывая изображенные на ней перипетии Хотинского боя и «цвет воинственный, избранный» — славянские отряды. Князь Зборовский, выделенный сеймом для «бесед» с послом, «называет» «пред картиной всех поляков поименно». Вначале следуют «три рати» Радзивилла «из далеких... держав, где вечно бьется вал немецких вод», т. е. Балтийского моря (XI, 200—212): пруссаки, поморавцы, ливонцы. Альберт Станислав Радзивилл (у Гундулича Радовильский) действительно был участником Хотинской битвы, хотя роль его в ней не совсем ясна. Автор же в ходе изложения событий не раз возвращается к нему (XI, 197; X, 177; II, 415).

За войском Радзивилла следуют бойцы «из земель Литвы» (XI, 214) под руководством Пац-Степана (в поэме пан-Степан), литовского вице-канцлера, отпрыска старинного флорентийского рода Пацци [6]. Пац-Степан, участник битвы, позднее, в 1624 г., состоял в свите королевича Владислава в его путешествии по Италии [7]. Согласно Гундуличу, под предводительством вице-канцлера под Хотином участвовали конные литовцы, вооруженные копьями и другим оружием (XI, 215) [8].

Упоминается также отряд князя Альтганнского. В поэме «Осман» князь «с отрядом... строй геройский заключает; с ним избранцы сильной стати, франки, немцы выступают» (XI, 425).

И. Цинкайзен в своей «Истории османского царства в Европе» утверждает, что военачальник Альтганн выступил на помощь полякам, возглавив отряд в 8000 пеших воинов, якобы посланных Сигизмунду III Фердинандом II Габсбургом, императором «Священной Римской империи», королем чешским и венгерским [9]. Югославский историк С. Мусулин высказал правдоподобное предположение, что князь Альтганнский вообще в битве не участвовал, а «франки, немцы» — просто наемники, каких было много в польском войске того времени [10]. С последним можно согласиться, если учесть, что у Фердинанда в эти годы было достаточно своих дел [11], чтобы не отвлекаться делами польскими. Сам Гундулич отмечал «занятость» императора своими «домашними» делами (XI, 681—688). Таким образом, Сигизмунд III не мог «понадеяться в несчастье» «на две короны», «на два христианских трона» (Германию и Испанию), которые бы «проявили» к Польше «участье» в трудных делах с турками,— как об этом спра-

---

[6] О нем см. O. M a k o w e j. Beiträge zu den Quellen des Gundulićschen «Osmans».— «Archiv für Slawische Philologie», Bd. 26, S. 74—76.

[7] См. S. K o b i e r z y c k i. Historia Vladislai Poloniae et Sueciae principis ad excessum Sigismundi. Dantisci, 1655, p. 728.

[8] Под предводительством Пац-Степана было всего 150 конников, входивших в полк Ходкевича (S. M u s u l i n. Ibid., s. 165). О литовском легионе см. упоминание в Commentariorum Chotinensis Belli libri tres. Auctore Jacobo Sobieski, Dantisci, MDCXXXXVI, p. 145 и далее.

[9] I. W. Z i n k e i s e n. Geschichte des Osmanischen Reiches in Europa, Bd. III. Gotha, 1855, S. 739.

[10] S. M u s u l i n. Ibid., s. 120, 170; T. M o r a w s k i. Dzieje narodu polskiego, t. III. Poznań, 1871, s. 274.

[11] Об этом см. «Всемирная история», т. IV. М., 1958, стр. 382—384, 393—394.

ведливо говорил Гундулич устами турецкого паши перед троном польского короля (XI, 677—692).

Польское войско под Хотином составляли преимущественно отряды из различных славянских краев. Кроме поляков, Гундулич указывает полоцкий отряд, воинов Смоленска, Рогозьна, Подляшья, замостцев, волынцев, киевлян, подольцев, белорусов, мазовцев, отряда из Гнезна и Кракова, казачье войско.

«Славный от рождения» Томаш Замойский (1594—1638), с 1619 г. воевода киевский, в будущем великий канцлер Польши, возглавил под Хотином замостцев, волынцев, киевлян. Согласно поэме это был активный борец против турок, неоднократно участвовавший в боях против татар [12]. Устами Зборовского Гундулич говорит:

За собой бойцов три рода
Он привел и возглавляет.
Глянь же, это ль не порода!
Как оружье их сверкает!

Вон они, замостцы [13] смелы,
Над главой — крыла подняты,
Их оружье лук и стрелы,
Кони тоже их крылаты.

Все они себя с конями
Облачают в волчьи шкуры:
Люди кажутся волками,
Кони — тоже волки буры.

А за этими рядами
В ряд волынцы выступают,
Едут с длинными мечами,
Копья острые сжимают.

Дальше — киевские роты [14]
(Вон кольгучи их стальные),
У бойцов щиты и дроты
И секиры боевые.
(XI, 249—268)

Наиболее многочисленным был отряд Миклеуша Сенявского, составивший ударную силу под Хотином. Из двух Миклеушей Сенявских, известных военачальников, Гундулич имеет в виду старшего. Выразительно описание его облика: «... шлем, чернея, в белых перьях утопает... конь его, снегов белее, словно ввысь лететь желает...» (XI, 269). Он привел под Хотин подольцев, белорусов, отряды мазовцев, воинов из Гнезна и Кракова. Даже Али-паша в поэме говорит о нем Зборовскому: «В бой вступил он первым, знаю» (XI, 276). Имея под своим началом 1200 человек, он обратил турок в бегство [15].

Поэт считает, что именно Сенявскому надлежит продолжить боевую славу победителей и водрузить победный стяг славян в Никополе (X, 185). В поэме посол Османа II, глядя на ту же картину, говорит о нем:

На коне своем он белом,
Взором все испепеляет.
Столько сил в герое смелом —
Что картина страх вселяет.
(XI, 277)

За Сенявским следуют отряды:

В клобуках идут верблюжьих,
От границ, где земли руссов,
Роты с саблями, при ружьях,
Из подольцев, белорусов.

А затем, в строю согласном
Воеводы скачут следом:
Легче звезды в небе ясном
Сосчитать — им счет неведом
. . . . . .
(XI, 285—292)

---

[12] Между тем, как пишет С. Мусулин, никакого Замойского под Хотином не было. Отряд Т. Замойского в двести конников участвовал в битве, но сам Замойский в это время был в Тернополе, собирая войско в помощь Владиславу (S. Musulin. Ibid., s. 167).

[13] О замостцах см. «Joannis Innocentii Petricii rerum in Polonia ac praecipuè Belli cum Osmano Turcarum Imperatore gesti finitique Historia anno MDCXX et MDCXXI». Cracoviae, MDCXXXVII, p. 31.

[14] Об участии киевлян под Хотином см. «Joannis Innocentii Petricii rerum in Polonia...», p. 12—13.

[15] I. Tretiak. Historia wojny chocimskiej 1621 r. Lwów, 1889, s. 114, 146—147.

Там — идут мазовцев чёты (роты.— *В. З.*),
Их одежды украшают;
Сабли к поясу придеты,
Самопалы с плеч свисают
. . . . . (XI, 305)

Вон видны поляки снова,—
Юность скачет бодрым махом.
Шлет их град гнезда орлова,
Град, Гнездом названный Ляхом.
(XI, 313)

Зборовский говорит Али-паше:

И еще, смотри, дружинный
Строй идет младых поляков.
Их прислал тот град старинный,
Что от Крака назван — Краков.
(XI, 317)

Осведомленность Гундулича в польской истории и во всех перипетиях Хотинской битвы и предшествующих ей событиях позволила ему отметить в своей поэме ряд особенностей польской военной системы. Он изобразил ход мобилизации в Польше перед походом Османа II. В XI песне рассказывается, как Сигизмунд III собирает войско «на врага своей державы» (XI, 28):

Всюду мчат гонцы с указом,
Призывая к обороне,
Чтобы люди спешно, разом
Шли служить своей короне.

И летят по всей державе
Те указы, чтоб спешили
Все с оружием к Варшаве,
Чтоб к войне готовы были.

Подчиняясь силе зова,
Вся держава поднималась,
Рать геройская без слова
Под оружье собиралась.
(XI, 29—40).

Поэт отметил, что

...в польских землях славных
Грады, каждая краина
Воевод имеют главных
И вельможу — властелина.

И (того велят законы)
Как король в войну вступает,—
В интересах обороны
Он их в войско призывает.
(XI, 293—300)

Польскому королю было известно о намерениях Османа II выступить против Польши. Еще в ноябре 1620 г. Сигизмунд собрал сейм, решивший создать армию в 60 000 человек для отпора османлисам. Королевские указы действительно были разосланы по всем городам польского королевства. Сигизмунд обратился с тщетным призывом за помощью и к ряду иноземных правителей.

Таким образом, события исторические и события в поэме в основном совпадают. Об этом достаточно писалось в научной литературе, посвященной анализу поэмы «Осман». Королевский указ о «посполитом рушении» — общей мобилизации — касался всех городов и княжеств, входивших в состав Речи Посполитой и обязанных в случае войны выступать со своим войском. Вот почему мы видим в составе польского войска под Хотином отряды подольцев, белорусов наряду с мазовцами, жителями Кракова, Гнезна и др.

Значительное место в поэме Гундулича отведено казачьему войску, принимавшему непосредственное участие в Хотинском сражении. Несмотря на запоздание, появление казаков под Хотином сыграло большую роль, а их успешные набеги на турок наносили последним большой урон.

Читаем в «Османе» рассказ князя Зборовского о диспозиции казаков на поле боя и их боевых качествах:

А вон там — казачье войско
Встало, сила боевая.
Сможет силе их геройской
Рать противиться какая!

Пятьдесят их тысяч счетом,
Все отборны, дело знают.
Страх вселяют вражьим ротам,
Словно вихрь и гром летают.

Сагайдачный перед ними
С огневым ружьем опасным,
Шапка с перьями витыми,
Как у венгра; весь он в красном.
(XI, 429—440)

Гундулич на протяжении поэмы неоднократно писал о казаках, вспоминая их походы на Варну, против татар и турок. Казачьи набеги он считал одной из причин польского похода Османа II (XX, 137—140).

Гундулич проявлял большую озабоченность по поводу отсутствия единства, «несогласия» (nesloge) в славянском мире, сознавая губительные последствия их перед лицом турецкой опасности. В ряду причин утраты южными славянами своей национальной свободы и независимости отсутствие единства, феодальные распри, по оценке Гундулича, занимают первое, важнейшее место. Вот почему поэт торжествовал в каждом случае проявления славянской солидарности. Результаты Хотинской битвы в его понимании были превосходным наглядным образцом претворения идеи славянской взаимопомощи в действие. В XVII песне назиданием звучат слова:

Дело в мире и согласьи
Даже малое взрастает;
В ссорах, смутье, разногласьи —
И большое погибает.
(377) [16]

И в другом месте:

Будь же проклят, кто отнимет
У родных покой, согласье,
В граде собственном поднимет
Споры, ссоры, разногласья.
(VII, 385)

Вспоминая о жизненном подвиге выдающегося поэта, выразившемся в создании им монументального поэтического памятника целой эпохи славянской истории, мы можем вспомнить и о том, что в 1621 г. славянский мир принял на себя, как это случалось не однажды, удар огромной чужеземной силы, пришедшей из-за Дарданелл, задержав ее на самом пороге Европы. А когда настал час, славянские народы — поляки, белорусы, украинцы, забыв о своих внутриславянских неурядицах, первыми выступили с ответным ударом, развеяв в прах многовековую легенду о непобедимости Оттоманской империи и освободив Европу от длительного страха перед турецкой экспансией.

---

[16] В этой строфе Гундулич использует слова Сигизмунда III из манифеста 29 мая 1596 г.: «ясно для всех, что от единства и согласия даже малые вещи возрастают и делаются великими, а от несогласия и величайшие вещи гибнут и упадают».

К 90-ЛЕТИЮ СО ДНЯ ОСВОБОЖДЕНИЯ БОЛГАРИИ ОТ ТУРЕЦКОГО ИГА

3 марта 1968 г. исполняется 90 лет с момента подписания Сан-Стефанского мирного договора между Россией и Турцией. Договором признавалось, что «Болгария образует самоуправляющееся, платящее дань Княжество, с христианским правительством и земским войском». Это важное событие произошло после поражения Апрельского восстания 1876 г. — одного из самых крупных народных восстаний в Болгарии. Подавление его сказалось на дальнейшем ходе освободительной борьбы: была уничтожена разветвленная сеть революционных комитетов, активные деятели их подверглись арестам, ссылкам, казням. Освобождение страны могло быть отодвинуто на долгое время. Однако случилось не так.

Русское правительство, внимательно следившее за событиями на Балканском полуострове с самого начала осложнений, происходивших там еще с 1875 г., сочло невозможным игнорировать развернувшиеся события. Царские дипломаты понимали, что речь идет о влиянии России на Балканском полуострове. С точки зрения русских правящих кругов дипломатическая комбинация, известная под именем «союза трех императоров», казалась более всего пригодной для совместного разрешения вопросов, выдвинутых событиями на Балканах. Однако в силу внутренних противоречий эта комбинация оказалась бесполезной, и царская Россия объявила войну Турции и тем самым оказала прямую поддержку освободительному движению южных славян.

Русская армия на болгарской земле была встречена как армия-освободительница. Русских солдат радостно приветствовали, русским воинским частям помогали продовольствием и фуражом, сообщали сведения о силах и передвижениях противника. Добровольческие дружины болгарского ополчения приняли активное участие в военных действиях, сражаясь бок о бок с русскими воинами. Успешные действия болгарских добровольческих дружин не раз отмечались и в донесениях и в приказах русских командиров, говоривших об их стойкости и доблести.

В советских архивах хранится много документов, в которых отмечается стремление русских людей помочь угнетенным братьям и освободить их. Такие настроения были характерны для прогрессивных слоев русского общества. Сочувствие болгарскому народу проявлялось в пожертвованиях деньгами и натурой, в помощи раненым, в добровольческом движении. В предлагаемой вниманию читателей публикации содержится ряд документов, свидетельствующих об этом.

Русско-турецкая война оказалась нелегкой. Она унесла 200 тыс. жизней русских солдат и офицеров. Война закончилась Сан-Стефанским мирным договором. Освободительные результаты войны были бы еще существенней, если бы не противодействие Англии, Австро-Венгрии и поддерживавшей их Германии, которые добились пересмотра Сан-Стефанского договора на конгрессе в Берлине.

Русские власти еще в период войны закладывали на освобождаемой территории основы государственного управления, суда, системы образо-

вания. На территориях Болгарского княжества и Восточной Румелии они создавали однотипное управление и способствовали укреплению связей между ними и в дальнейшем воссоединению Восточной Румелии с Болгарией (1885 г.). Были приняты меры и к созданию болгарских вооруженных сил. Дружины ополчения стали основой, на которой сложилось земское войско Болгарии, вооруженное русским оружием и снабженное необходимым техническим имуществом. Такое же назначение имели сформированные в Восточной Румелии добровольные отряды (гимнастические и др.). Эта сторона деятельности русской администрации также находит отражение в публикуемых документах.

России приходилось осуществлять свои планы в борьбе против западных держав, стремившихся ограничить, урезать права и свободу болгарского народа. Но это им не удалось. Новое болгарское княжество сложилось как буржуазно-демократическое государство с наследственным конституционным князем. Принятая на основе русского проекта Тырновская конституция для своего времени являлась наиболее демократичной в Европе.

Кровь, пролитая русским народом, принесла свои плоды, она скрепила вековые связи русского и болгарского народов: «Существовал и воздействовал с невероятной силой,— говорил Т. Живков,— тот факт, что русские войска освободили болгарский народ от пятивекового османского ига. Существовало глубокое всенародное убеждение, что, как выразился поэт, «русские ведь наши братья, наша плоть и наша кровь» [1].

С. А. Никитин

№ 1

1877 г. апреля 26.—Решение собрания нижегородских ремесленников

1877 года апреля 26 дня нижегородские цеховые ремесленники, быв в общем собрании в ремесленной управе и выслушав словесное предложение г. ремесленного головы Михаила Васильевича Селезнева о том, что не благоугодно ли будет обществу принять участие и иметь сочувствие, по возможности своих средств, к нашим российским воинам, ушедшим в турецкие владения на защиту собратий наших славян, на их санитарные нужды пожертвовать из суммы ремесленной казны, которой в настоящее время состоит налицо совершенно свободной одна тысяча рублей серебром, и эти деньги предлагает уделить на это благое дело, и затем открыть по сему предмету чрез управных старшин подписку по ремесленному обществу на добровольное пожертвование, приговорили: принимая с благодарностью это предложение г. ремесленного головы и имея полное сердечное сочувствие к этому святому делу, мы совершенно согласны уделить из свободных сумм ремесленной казны одну тысячу рублей серебром на санитарные нужды русских воинов и затем поручаем управе открыть немедленно подписку, чрез управных старшин, на добровольное пожертвование и предоставляем г. ремесленному голове деньги все отсылать по принадлежности, куда найдет в этом случае более удобным.

ЦГИА, ф. 1282, оп. 1, д. 913, л. 15—15 об. Копия.

№ 2

1877 г. мая 23.— Донесение могилевского губернатора А. С. Дембовецкого министру внутренних дел А. Е. Тимашеву
№ 1976

Крестьяне-собственники Могилевской губернии, Горецкого уезда, Холбнянской и Баевской волостей, вследствие воспоследовавшего высочайшего его императорского величества манифеста о вступлении российских войск в Турцию для облегчения участи угнетенного христианского населения Балканского полуострова между прочим постановили: крестьяне первой волости приговором, составленным 1-го сего мая:

[1] Т. Живков. Октябрьская революция и историческая судьба Болгарии.— «Правда», 1967, 30 сентября.

1) семействам нижних воинских чинов, призванных и имеющих быть призванными на действительную военную службу, отпускать впредь до дальнейших распоряжений из их общественного хлебного магазина по одному четверику в месяц ржи, безвозвратно с их стороны, но с возвратом обществами осенью выданного хлеба; 2) тем семействам, у которых имеется пахотная земля, обработать таковую обществами, засеять и снять посев, а равно убрать луга; 3) назначить ежегодно до окончания войны в пользу раненых и больных воинов по 2 коп. с души, всего 39 руб. 28 коп.; 4) ввиду того, что их волость находится в 12 верстах от станции Красное Московско-Брестской железной дороги поместить, если будет надобность, в здании их волостного правления девять человек больных нижних чинов; 5) поставлять бесплатно подводы под извоз больных и раненых; 6) принять на их счет уплату выкупных платежей за земли нижних чинов, призванных и могущих быть призванными на действительную службу»;

и крестьяне второй волости приговором, составленным 30 минувшего апреля: «по случаю призыва на действительную службу нижних воинских чинов, а также могущих быть впредь призванными, оставшимся их женам и детям, живущим отдельными семействами, отпускать из общественных запасных магазинов по одному четверику ржи на каждую душу в месяц, без возврата с их стороны, но с пополнением этого расхода ими осенью; тем из семейств нижних чинов, у которых есть хозяйства и пахотная земля, обработать таковую обществом, под наблюдением сельских старост, засеять и снять посев, а равно убрать луга; в случае надобности поместить в здании их волостного правления отстоящего в 22 верстах от станции Красное Московско-Брестской железной дороги 6 кроватей со всеми к ним принадлежностями: постелями и бельем; пожертвовать единовременно в пользу раненых и больных воинов по 2 коп. с каждого надела, всего 44 руб. 48 коп.; поставлять бесплатно подводы при провозе больных и раненых воинов».

О чем имею честь довести до сведения вашего высокопревосходительства, присовокупляя при этом, что означенные приговоры припечатаны в № 38 «Могилевских губернских ведомостей».

Губернатор Дембовецкий

ЦГИА, ф. 1282, оп. 1, д. 826, л. 7—8 об. Подлинник.

№ 3

1877 г. мая 25.— Письмо управляющего Черепетским чугунно-плавильным заводом И. Загореина И. С. Аксакову

Лихвин

Милостивый государь Иван Сергеевич!

То живое содействие, которое оказываете вы к облегчению участи бедствующих христиан Востока, обязывает меня сообщить вам приговор работающих у меня на заводе крестьян и вместе с тем уведомить, что сбор уже начат и собираемая сумма будет мною доставляема к вам ежемесячно*.

Хорошо бы было, мне кажется, если бы прилагаемый при сем приговор и сказанная речь, его вызвавшая, были бы чрез какой-нибудь печатный орган сообщен к всеобщему сведению, ибо нет сомнения, что случай этот вызовет подражание **.

С совершенным почтением и преданностью имею честь быть вашим, милостивого государя, покорнейшим слугою Иван Загореин.

Резолюция И. С. Аксакова: Усердно прошу Никиту Петровича *** исполнить просьбу г. Загореина и напечатать прилагаемое при сем заявление его. И. А.

Помета: Писано Н. П. Гил[ярову]-Плат[онову] 2 июня и послана копия с приговора.

ОР ГПБС-Щ, ф. 14, оп. 1, д. 138, л. 1—1 об. Подлинник.

---

* Аналогичные пожертвования поступали от рабочих других заводов. Рабочие лесопильных заводов Новгородской губернии сделали денежное пожертвование «в пользу русских раненых воинов, сражающихся за освобождение христиан Балканского полуострова...» (см. ЦГИА, ф. 1282, оп. 1, д. 914, л. 46—48). Рабочие Александровского чугунного завода Николаевской железной дороги принимали участие в приготовлении белья и лазаретных принадлежностей для госпиталей (ГИАЛО, ф. 253, оп. 1, д. 979, л. 11) и др.

** Рабочие Черепетского чугунно-плавильного завода решили: «во время войны с Турциею отчислять еженедельно копейку с рубля из всех получаемых на Черепетском чугунно-плавильном заводе заработков и собираемую сумму отсылать ежемесячно в Московское славянское благотворительное общество».

Сообщение об этом приговоре и текст речи были напечатаны в газ. «Современные известия» от 5 июня 1877 г.

*** Н. П. Гиляров-Платонов, редактор-издатель газ. «Современные известия».

№ 4

1877 г. июня 8.— Донесение киевского, подольского и волынского генерал-губернатора А. М. Дондукова-Корсакова А. Е. Тимашеву

№ 1460 *Киев*

Мною получены сведения, что по случаю прохода войск чрез вверенные мне губернии на театр военных действий местными жителями оказан был следующий прием и содействие к безостановочному следованию.

1. При проходе 25 апреля чрез Сквирский уезд Моршанского пехотного полка крестьяне Ходорковской волости дали бесплатно 182 подводы для перевозки войск и оставшихся в Ходоркове 800 пудов и для улучшения пищи деньгами 15 руб., печеного хлеба и несколько пудов сала, а крестьянские общества Соболевской волости поставили для того же полка 61 подводу, Корнинской и Сокольчанской — печеный хлеб и сало. Этим усердием крестьян предоставлено в распоряжение означенного полка 5000 печеных хлебов и 10 пудов сала. Кроме того, местным еврейским населением для улучшения пищи нижних чинов во время двухдневного их пребывания в Сквирском уезде пожертвовано три откормленных вола; из ходорковского сахарного завода отпущены бесплатно дрова, служащими же на заводе при участии экономии землевладельца Левандовского устроен был 23 и 24 апреля обед для штаб- и обер-офицеров Моршанского полка.

и 2. Во время дневки в м. Михамполе войск 2 и 4 батарей 17 бригады и 11 Донской батареи в прошлом апреле месяце старшиной Михампольской волости Кругляком устроен был на свои средства обед для нижних чинов, а при проходе 3 батареи той же бригады чрез м. Зиньков крестьянин с. Адамовки Трофим Бацула угостил нижних чинов на свой счет порциями водки, хлебом и огурцами.

Имею честь донести об этом до сведения вашего высокопревосходительства

Генерал-адъютант князь Дондуков-Корсаков

ЦГИА, ф. 1282, оп. 1, д. 902, л. 4—4 об. Подлинник.

№ 5

1877 г. августа 13.— Письмо Г. Д. Начовича начальнику разведывательной части русской армии Н. Д. Артамонову

Ternovo

Aujourd'hui je n'ai reçu aucune nouvelle qui mérite de vous être communiquée.

Je travaille depuis hier à l'organisation des četas; c'est-à-dire, que j'ai envoyé plusieurs voïvodas d'aller voir combien d'hommes ils pourront rassembler, afin de savoir au juste combien de fusils ils doivent recevoir; je leur ai lu le règlement que j'avais fait et dans lequel je leur fais un des principaux devoirs de savoir toujours les forces des Turcs et les positions qu'ils occupent, et de n'en instruire plusieurs fois par semaine en m'envoyant exprès des soldats de la četa avec un rapport écrit. Comme Mr. Kabaktchief voulait aller faire une excursion vers Elena et Haïnboaz, où il y a déjà des četas formées, je lui ai donné une espèce d'instructions pour les voïvodas, comme étant de votre part, et j'insiste dedans sur leur devoir d'épier les mouvements des Turcs et d'en tenir au courant le Quartier général. J'ai usurpé un peu de votre pouvoir, mais j'ai du le faire pour que le principal mobile qui a présidé à l'organisation des četas ne se perde pas. Je tâcherai de les obliger à être en correspondance régulière avec moi ou avec n'importe quel autre du Quartier général.

J'ai déjà en vue quatre voïvodas, dont deux iront dans la direction de Troïan, Teteven etc. Pour cela je vous prie de m'envoyer le plus tôt possible des permis de la part du Quartier général pour les personnes suivantes:

Дядо Желю от Ямбол
Христо Иванов от Ловиц
Димитр Х. Стою от Плаковица,

J'ignore encore le nom du quatrième, que l'on m'a beaucoup loué.

Dans une heure je pars pour Gabrovo et St. Nicolas et j'en reviendrai demain soir. Présumant que vous n'avez pas reçu encore des détails, j'irai en chercher pour vous les communiquer.

Votre tout dévoué G. D. Natschovits

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 7425, л. 23—23 об. Подлинник.

Перевод * *Тырново*

Сегодня я не получил никаких известий, которые бы заслуживали вашего внимания.

Со вчерашнего дня я занят организацией чет **, то есть, я отправил несколько воевод, с тем, чтобы они выяснили, сколько человек они смогут собрать и чтобы узнать точно, сколько ружей они должны получить. Я им прочитал составленное мною распоряжение, в котором вменяю им *в первостепенную обязанность* всегда знать о турецких силах и занимаемых врагом позициях, сообщать мне эти сведения несколько раз в неделю, посылая нарочным солдатов из четы с письменным донесением. Так как г. Кабакчиев собирался совершить поездку в Елену и Хаинбуез, где уже имеются сформированные четы, то я ему дал своего рода инструкцию для воевод, *якобы от вашего имени*. В ней я подчеркивал необходимость для них следить за продвижениями турок и ставить в известность обо всем Главную квартиру. Я отчасти присвоил себе вашу власть, но я вынужден был к этому, дабы не был утрачен основной стимул организации чет.

Я попытаюсь обязать их держать регулярную связь со мной или с кем-либо еще из Главной квартиры.

У меня уже есть на примете четыре воеводы: двое из них пойдут в направлении Трояна, Тетевена и т. д. Поэтому я прошу Вас прислать как можно скорее *пропуска* от имени Главной квартиры для следующих лиц:

Дядо Желю из Ямбола,
Христо Иванов из Лович,
Димитр Х. Стою из Плаковицы

Мне еще не известно имя четвертого, которого мне весьма хвалили.

Через час я уезжаю в Габрово и к горе св. Николая и вернусь завтра вечером. Полагая, что вы еще не получили подробных сведений, я попытаюсь их выяснить, чтобы сообщить вам.

Всецело преданный вам

Г. Д. Начович

№ 6

1878 г. мая 22.— Докладная записка начальника Главного штаба Ф. Л. Гейдена
№ 394

Его императорское высочество, главнокомандовавший Действующею армиею изволил ходатайствовать о награждении болгарских уроженцев, старост: села Ям-Абланова Теодора Лучева и его помощника Ивана Будилко, села Кара-Каджали Ивана Шопец и села Обертеника Петко Петкова медалями с надписью «за усердие» для ношения на груди на анненской ленте, за усердное и полезное содействие нашим войскам, способствуя снабжением их фуражем и провиантом.

Так как из настоящего представления его высочества не видно, чтобы упомянутые болгарские уроженцы имели уже знаки отличия, то полагалось бы в порядке постепенности назначить им серебряные медали с надписью «за усердие» для ношения на груди, на станиславской ленте.

Испрашивается разрешение:

Благоугодно ли будет вашему императорскому величеству всемилостивейше пожаловать болгарским уроженцам Лучеву, Будилко, Шопец и Петкову серебряные медали с надписью «за усердие» для ношения на груди на станиславской ленте.

Генерал-адъютант граф Гейден

Резолюция Д. А. Милютина: Высочайше повелено исполнить, как испрашивается. Ген[ерал]-ад[ъютант] Милютин 23 мая.

ЦГВИА, ф. 400, оп. 132/754, отд. VI, 1878 г., д. 139, л. 7. Подлинник.

---

* Перевод Е. М. Заблудовской.

** Одной из важных, но недостаточно изученных форм вооруженной борьбы болгарского народа были добровольческие четы (отряды), формировавшиеся из крестьян, ремесленников, интеллигенции, духовенства. Организаторами чет выступали участники национально-освободительного движения в Болгарии. Как видно из документа, командование Действующей армии осуществляло руководство партизанскими отрядами, действовавшими в южном направлении, через начальника разведывательной службы Дунайской армии Н. Д. Артамонова и болгарского политического деятеля Г. Д. Начовича, а на западном направлении через заведующего дипломатической канцелярией при главнокомандующем М. А. Хитрово и болгарина Ст. Везенкова. ОР ИРЛИ (Пушкинский дом), ф. 325, оп. 1, д. 88, 89.

№ 7

1878 г. августа 10. — Донесение товарища генерал-фельдцейхмейстера А. А. Баранцова военному министру Д. А. Милютину
№ 32348 *С.-Петербург*

Начальник артиллерии Действующей армии уведомил, что для снабжения оружием и боевыми припасами формируемого ныне Болгарского земского войска главнокомандующий приказал передать из артиллерийских запасов армии, в распоряжение императорского российского комиссара в Болгарии нижеследующие предметы:

Пехотных винтовок Крынка	27 тыс.
Драгунских	900
Револьверов Смита и Вессона	2 тыс.
Патронов к винтовкам Крынка	7700 тыс.
Патронов к револьверам	100 тыс.
Укороченных драгунских шашек	1750
Драгунских шашек с гнездами для штыковых ножен	900

В счет поименованных предметов, в запасах армии недостает 500 револьверов, 885 укороченных драгунских шашек и 750 драгунских шашек с гнездами, вследствие чего начальник артиллерии Действующей армии просил по телеграфу о высылке этого оружия в Рущук.

О высылке означенного оружия распоряжение сделано.

Испрашивается: Угодно ли будет вашему высокопревосходительству на утверждение распоряжения о доставлении в Рущук 500 револьверов Смита и Вессона, 885 укороченных драгунских шашек и 750 драгунских шашек с гнездами для штыковых ножен для Болгарского земского войска испросить высочайшее государя императора соизволение.

Товарищ генерал-фельдцейхмейстера генерал-адъютант Баранцов

За начальника отделения подполковник Борисенко

Помета Д. А. Милютина: Сделанное распоряжение высочайше утверждено.

Ген[ерал]-ад[ъютант] Милютин.
12 августа

ЦГВИА, ф. 504, оп. 7, д. 209, л. 13—14. Подлинник.

№ 8

1878 г. августа 25.— Отношение заведующего отделом народного просвещения Управления российского комиссара в Болгарии М. С. Дринова в финансовый отдел
№ 2048

На ходатайстве его блаженства болгарского экзарха о пособии на восстановление болгарских школ в г. Адрианополе его сиятельство императорский комиссар написал следующую резолюцию: «сообразить, чтобы из доходов, ныне собираемых в Адрианополе, выдать на возобновление разоренных болгарских школ в местностях, имеющих отойти к Турции, около 3000 рублей. Обсудить, каким образом через экзархат употребить эти деньги правильно и для достижения предполагаемой цели». Обсудив дело согласно вышеприведенной резолюции, я нахожу необходимым выдать ныне же из доходов Адрианопольского санджака болгарскому экзарху на восстановление Адрианопольских болгарских школ три тысячи рублей звонкою монетою, о чем уведомляю ваше высокородие для зависящих распоряжений.

Заведующий отделом
Дринов

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 32854, л. 34—34 об. Подлинник.

Документы подготовлены к печати
Н. В. Зуевой и Е. М. Шатохиной

ГЕНРИК ПИСАРЭК

НЕИЗВЕСТНЫЕ ПИСЬМА З. СЕРАКОВСКОГО, Н. П. ОГАРЕВА и А. И. ГЕРЦЕНА К ЛЮБОМИРУ ГАДОНУ

В отделе рукописей Библиотеки Чарторыских в Кракове в корреспонденции Л. Гадона (XVII/3074) находятся неизвестные до сих пор автографы писем З. Сераковского, Н. П. Огарева и А. И. Герцена.

Адресат писем Любомир Гадон (1831—1908), польский политический шляхетский деятель, публицист и историк, родился в Шкудах Тельшевского уезда в Литве (ныне Скуодас, Тельшяйского района). Он учился в школах в Митаве, а затем в Дерптском университете, который окончил в 1856 г. со степенью кандидата дипломатических наук. С 1858 г. он работает в Ковно в судебной палате. Там Гадон был связан с шляхетской организацией «белых». В ходе восстания 1863 г. он назначается повстанческими властями начальником города Ковно. Опасаясь ареста, Гадон в августе 1863 г. бежал во Францию. В Париже он тесно сошелся с князем Владиславом Чарторыским, руководителем польской аристократической партии в эмиграции, представителем Временного национального правительства за границей. В ноябре 1863 г. Л. Гадон был послан Чарторыским на работу в лондонское представительство Национального правительства. Ему было поручено наладить связь с руководителями лондонского русского революционного центра А. И. Герценом и Н. П. Огаревым. Гадон пробыл в Лондоне до марта 1864 г., а затем поселился в Германии. Весной 1865 г. он переехал в Париж, а с 1867 г. стал личным секретарем Владислава Чарторыского. Гадон публиковал свои статьи во многих польских, французских, английских и немецких газетах, а также вместе с Генриком Вызиньским редактировал «Correspondence du Nord — Est». Затем был директором Библиотеки Чарторыских в Париже, вместе с которой в 1894 г. переехал в Краков. Здесь он публиковал свои исторические сочинения, важнейшее из которых — трехтомный труд «Польская эмиграция» (Emigracja polska), вышедший в 1901—1902 гг. в Кракове.

Среди найденных нами писем к Гадону хронологически первым является письмо Зыгмунта Сераковского (1826—1863), видного деятеля польского, русского и литовского революционного движения. Письмо написано 25 июня, год не указан, во время одной из командировок Сераковского за границу. Известно, что Сераковский бывал за границей дважды, в 1860 и 1862 гг. Данное письмо безусловно относится к первой его поездке, о чем свидетельствует дата письма и маршрут, указанный в нем. Это письмо не может относиться ко второй поездке Сераковского, так как известно, что во второй раз он выехал из Петербурга 2 июля 1862 г. по маршруту Варшава, Краков, Вена и т. д.

До сих пор в литературе о Сераковском было известно, что в свою первую заграничную командировку он выехал из Петербурга 2 июня 1860 г.

для участия в Лондонском статистическом конгрессе и для ознакомления с западноевропейским военно-уголовным законодательством, в связи с предполагаемыми изменениями законодательства русской армии. Однако не был известен маршрут данной поездки, и существовали предположения, что Сераковский отправился в Лондон морским путем. Приводимое письмо окончательно решает этот вопрос, указывая те города, через которые проезжал Сераковский. По пути в Лондон он посетил некоторые центры революционной деятельности поляков, чтобы укрепить с ними связь петербургской организации. Он побывал в Ковно и Познани. Можно предположить, что он останавливался также и в Вильно, хотя в письме об этом не сказано.

В Ковно в доме своего петербургского знакомого Яна Савицкого, начальника штаба 1-й кавалерийской дивизии, Сераковский встретился с Л. Гадоном. По-видимому, это была их первая встреча. К сожалению, нам не удалось найти никаких сведений об упомянутом в письме Станиславе Румбовиче, который составил для Сераковского какую-то важную записку неизвестного для нас содержания. Может быть, это был родственник виленского учителя математики Румбовича. Неизвестно также, кем был упомянутый в письме Адам, с которым встретился Сераковский у Савицкого, и кто такой г. Юстин из Парижа.

Письмо написано по-польски.

Stołupin. 25 cz[erwca 1860]. Piątek 10 godz.

Kochany Lubomirze i Wy wszyscy Moi Drodzy!

W tej chwili wyjeżdżamy do Królewca— jutro o wschodzie słońca pociąg będzie w Poznaniu!

Szczęśliwie i prędko zajechaliśmy do Stolupian — na granicy zatrzymano nas tylko 5 minut, żeby zapisać paszporta.

Najpierw do Ciebie prośba Lubomirze! W gabinecie Jana Saw[ickiego] dałem Tobie do czytania kartkę pisaną ręką Stasia Rumbowicza — czytałeś ją, kiedy mi powiedziano, że Adam w drugim pokoju. Poszedłem powitać Adama—a kartka Stasia została u Ciebie, albo musiałeś ją położyć na stole lub na sofie w gabinecie.

Proszęż Ciebie Bracie przyślij mi ją koniecznie przez pierwszą okazję — albo wprost do Londynu, albo pod adresem P. Justin do Paryża. Bardzo żałuję, że ją zapomniałem — źle zapominać papiery, ale Ty również jesteś winien jak i ja, może i więcej.

Poslij tę kartkę Mojej Siostrze do Wilna, na znak, że już szczęśliwie stanąłem w Prusiech.

Adres mojej siostry: Maryi Sierak[owskiej] — Wilno na Wielkiej Ulicy, Dom Dąbrowskiego, kwatera Kolesińskich.

Całuję Was i ściskam

Wasz Zygmunt [1]

---

[1] Столупяны. 25 и[юня 1860]. Пятница 10 часов.

Дорогой Любомир и Вы все мои дорогие!

Сию минуту мы выезжаем в Кенигсберг — завтра с восходом солнца поезд будет в Познани!

Счастливо и быстро мы доехали до Столупян — на границе задержали нас всего на 5 минут, чтобы проверить паспорта.

Прежде всего просьба к Тебе, Любомир! В кабинете Яна Сав[ицкого] я дал Тебе прочесть листок, написанный рукой Стася Румбовича — Ты читал его, когда мне сказали, что Адам в другой комнате. Я пошел поздороваться с Адамом, а листок Стася остался у Тебя, а может Ты положил его на столе или на софе в кабинете.

Я прошу Тебя, Брат, пришли мне его обязательно при первом удобном случае или прямо в Лондон, или на адрес г. Юстин в Париж. Я очень жалею, что забыл его — плохо забывать бумаги, но Ты виноват так же, как и я, может, и больше.

Перешли эту записку моей сестре в Вильно как знак, что я счастливо уже нахожусь в Пруссии.

Адрес моей сестры: Марии Серак[овской] — Вильно на Велькой улице. дом Домбровского, квартира Колесиньских.

Целую Вас и обнимаю

Ваш Зыгмунт.

Далее публикуется письмо Н. П. Огарева к Л. Гадону от 24 ноября 1863 года. Год написания письма обозначен карандашом, по-видимому рукой Гадона, и это уточнение отвечает действительности, так как Гадон пребывал в Лондоне с ноября 1863 г. по март 1864 года. Письмо Огарева является ответом на письмо Гадона, отправленное им сразу по приезде в Лондон, с сообщением, что у него имеется для Огарева письмо от Бакунина.

24 Novembre (1863).

Cher Monsieur,

Je suis tellement occupé pour le moment par la rédaction de Kolokol qui doit être imprimé dans trois jours, que ne saurais trouver un instant pour passer chez vous avant la semaine prochaine. Si vous aviez la bonté de m'envoyer la lettre de Bak[unin] registred, il n'y a aucun doute qu'elle ne me parvienne. Quant'à moi j'aurai le plaisir d'aller vous voir la semaine suivante.

Agréez mes salutations les plus empressées.

N. Ogareff.

Elmfield House, Teddington. [2]

Наиболее интересным и ценным по содержанию является письмо А. И. Герцена к Пораю (лондонский псевдоним Л. Гадона). Герцен дает в письме резкообличительную характеристику политической деятельности М. Н. Каткова (1818—1887), известного реакционного публициста, защитника самодержавия, ярого противника русских и польских революционеров-демократов. В 1863 г. в связи с польским восстанием Катков своими статьями разжигал антипольские настроения среди русских, осуждал всех русских революционеров, поддерживавших национально-освободительные стремления поляков. В связи с антипольской и реакционной деятельностью Каткова, Порай обратился к Герцену с просьбой предоставить информацию о нем. В ответ Герцен пишет данное письмо:

25 фев. 1864. Elmfield House.

Cher Monsieur Poray,

J'ai promis de Vous écrire ce que c'est Katkoff — la chose est difficile vu la nullité de sa carrière pré-policière. C'est un homme de 46—48 ans. Il est né dans la lie du monde des petits employés [3] — его мать до конца жизни была смотрительницей за арестантами женского пола — в Московском остроге, известный Катков с нею жил там. Потом он был в Москов[ском] Университете студентом, кончил курс и тогда познакомился с Огар[евым] и со мной. Огарев тогда держал богатый дом — и Катков бывал у него часто. Он занимался тогда немец[кой] философией, переводил Гейне и сблизился с лучшим и самым энергическим критиком Белинским. Потом он уехал в Берлин — воротился оттуда тяжелым педантом и был совершенно забыт. Правительство дало ему кафедру логики. Он был казенным редактором Моск[овских] Ведом[остей] и потом стал

---

[2] 24 ноября (1863).

Милостивый государь,

Я пока так занят редактированием «Колокола», который должен выйти из печати через три дня, что не смог бы найти ни минуты, чтобы посетить вас ранее, чем на следующей неделе. Если бы вы были любезны переслать мне письмо Бак[унина] как заказное, то нет никакого сомнения, что оно дойдет до меня. Что касается меня, то я буду рад зайти к вам на следующей неделе.

Примите мои уверения в моих наилучших к вам чувствах

Элмфилд Хауз, Теддингтон. Н. Огарев.

[3] Милостивый государь Порай,

Я обещал Вам написать, кто такой Катков — дело трудное ввиду ничтожества его предполицейской карьеры. Это человек 46—48 лет. Он происходит из низов чиновничьего мира.

издавать с Леонтьевым (его alter ego [4] и теперь) — Русский Вестник. Сначала он издавал его с Коршем — потом рассорился. Журнал не шел. Как вдруг смерть Николая развязала немного язык — и Катков стал помещать очень либеральные обозрения происшествий, они даже были делаемы с талантом. Катков их переводил tout bonnement [5] из Edinburgh review. Вот начало его известности — от 1856 до 62 года он держался на точке зрения английского парламентаризма, проповедывал английские законы.

—Пожар в Петербурге был пробным камнем для ложных либералов. Министр Головнин с помощью Мин[истра] Валуева — ввели подкуп журналов — на колоссальных размерах. Им продался Павлов — издат[ель] «Нашего времени» — в разных нюансах им принадлежали Северная пчела, Инвалид, Голос — (но не Спетерб[ургские] ведомости. Завидно что ли стало Каткову — но он в два, три месяца обогнал всю официозную прессу. Англию и ее законы он отбросил—он явился опорой деспотизма, начал доносить на тенденцию, указывать лица — и довел до такого разврата свой журнал — что Сам Государь публично благодарил его в Москве. Тогда он явился в польском деле — товарищем Муравьева, хуже его — если возможно. Подкуплен ли он деньгами или ждет места —этого я не знаю, но считаю его самой вредной и самой безнравственной личностью — de toutes les Russies [6].

Вот всё.

Усердно кланяюсь Вам

А. Герцен.

Поскольку целью пребывания Порая в Лондоне было установление связей и с редактором «Колокола», то можно предположить, что встречи Гадона с Герценом и Огаревым были довольно часты. Известно, что Герцен и Огарев пользовались посредничеством Порая и окружавших его поляков, чтобы наладить корреспонденцию с Осипом Семеновичем Гончаровым, одним из представителей старообрядческой верхушки в Тульче [7]. Встреча Герцена с Владиславом Чарторыским, имевшая место в Лондоне 1 марта 1864 г., по-видимому, также была устроена Пораем.

Приведенные письма Огарева и Герцена расширяют наши сведения о контактах польского аристократического лагеря в эмиграции с редакторами «Колокола».

---

[4] Второе я.
[5] Просто напросто.
[6] Всея Руси.
[7] См. А. И. Герцен. Сочинения, т. 27, кн. 2. М., 1963, стр. 435.

ЛЮДИ, СОБЫТИЯ, ФАКТЫ

А. ГУНДОРОВ

ПАМЯТИ БОЛЬШОГО ДРУГА СОВЕТСКОГО СОЮЗА

10 февраля 1968 года чехословацкий народ отмечает 90-летие со дня рождения Зденека Неедлы. Трудно в короткой журнальной статье охарактеризовать жизнь и деятельность этого замечательного и разностороннего ученого, крупнейшего общественного и государственного деятеля, великого патриота своей родины и большого друга Советского Союза. Трудно не только в силу его многогранности, но и потому, что он жил в период, ознаменовавший начало новой эпохи в истории человечества, и сам являлся ярким представителем этой эпохи. Мы не ошибемся, если скажем, что Октябрьская революция была главным событием и узловым пунктом в жизни и деятельности Неедлы: к ней он готовился во время первой половины своей жизни; пропаганде идей и завоеваний этой революции в Чехословакии он посвятил вторую ее половину.Зденек Неедлы много сил вложил в то, чтобы Чехословакия стала активным членом великой семьи стран социализма.

В юности Зденек Неедлы проявил незаурядные способности к музыке и вел серьезную подготовку к деятельности в этой области. И именно в музыке, особенно при изучении творчества великого чехословацкого композитора Сметаны, ему стали открываться глубины героического характера и души его народа, все еще находившегося под национальным гнетом в составе лоскутной Австро-Венгерской империи.

Изучая в дальнейшем историю родного народа, Зденек Неедлы научился различать его друзей и врагов. Изучение истории, особенно ее героических периодов начиная с народных движений, связанных с именами Гуса и Жижки, привели Неедлы к марксизму как единственному учению, дающему людям ключ к пониманию настоящего и путей к будущему. Имя этого будущего — коммунизм.

Тогда же ему открылась огромная роль в национальном возрождении. своего народа идей славянской взаимности, стало ясно, что будущее чешского народа тесно связано с судьбами народов России. Вот почему Зденек Неедлы стал другом русского народа и так горячо приветствовал революцию 1905 года, радуясь тому огромному отклику, который она нашла в славянских странах и у чешских трудящихся.Он с торжеством указывал, что эта революция заставила перетрусившее австро-венгерское правительство пойти на уступки входившим в состав империи славянским народам.

Великая Октябрьская революция в России, как и ожидал Зденек Неедлы, подняла на борьбу трудящихся Австро-Венгрии, и под их ударами рухнула лоскутная империя. Осуществилось вековое чаяние его народа: Чехословакия обрела свою государственность. Но власть над народом, получившим национальное освобождение, оказалась в руках буржуазии, которая сразу же развернула антисоветскую деятельность.

В числе немногих чехословацких интеллигентов Зденек Неедлы выступал как верный друг Советской России. Он стал ярким пропагандистом ленинизма, смело выступая против политики правительства и поддерживавшего это правительство руководства социал-демократической партии. Будучи человеком дела, он свои взгляды и убеждения обращал в действия. Зденек Неедлы был организатором «Общества экономического и культурного сближения с новой Россией» (потом переименованного в «Общество экономических и культурных связей с СССР»), которое знакомило чехословацкий народ с СССР и призывало помогать ему в строительстве социализма. Надо было не только иметь симпатии к СССР и веру в его будущее, но и большое мужество, чтобы выступать против Масарика и Бенеша, бывших тогда кумирами так называемого чехословацкого «общества» и пользовавшихся поддержкой Западной Европы. Надо было хорошо владеть марксизмом-ленинизмом, чтобы уже тогда предвидеть, что политика этих «кумиров» ведет Чехословакию к «Мюнхену» и выдаче страны на растерзание Гитлеру.

Когда мюнхенское предательство совершилось, советские люди не дали своему чехословацкому другу погибнуть в фашистских застенках: с большим риском Зденек Неедлы был вывезен из захваченной Гитлером Праги в Москву. Потом тайно перешли границу и присоединились к нему жена и сын, талантливый композитор.

Лично мне пришлось встретиться с Зденеком Неедлы в Москве в конце 1941 года, после Первого всеславянского митинга. Подробно я уже писал о встречах с ним и о совместной работе во Всеславянском комитете. Сейчас я скажу о том, что он изумлял нас своей работоспособностью, трезвостью и глубиной суждений, разносторонними знаниями, высоким патриотизмом, соединенным с приверженностью дружбе с СССР, и наконец непоколебимой верой в победу Советской Армии и убежденностью во всепобеждающие силы социализма.

Зденек Романович, как мы его называли, внешне казался слабым, малозаметным и несколько замкнутым человеком, но в действительности мог работать день и ночь, стоически перенося трудности и лишения военного времени, которые тогда переживала Москва. Временно проживавший в Куйбышеве, он, после успешного сражения под Москвой, вернулся в столицу, хотя фронт находился менее чем в 170 километрах и в городе постоянно чувствовалась его близость.

Зденек Неедлы был непременным участником всех митингов и собраний, устраиваемых Всеславянским комитетом. Он был членом редколлегии журнала «Славяне» и автором статей, появлявшихся почти в каждом номере этого издания. Он любил выступать по радио, дававшее ему возможность беседовать непосредственно со своим народом. Часто выступал и для чехословацкой эмиграции, находившейся в странах Европы и Америки.

Его выступления были полны жгучей ненависти к фашистским поработителям его родины и к их чехословацким пособникам. Они содержали призывы к борьбе против оккупантов, партизанской борьбе и содействию

На снимке (справа налево): З. Р. Неедлы, Л. Свобода и А. С. Гундоров в дни формирования чехословацкого корпуса в СССР (1943 г.)

Советской Армии. Нам было известно, что его выступления находили широкий отклик среди чехословацких трудящихся и подымали их на борьбу против фашистских оккупантов.

Зденек Романович был инициатором многих мероприятий и форм работы, которые успешно проводились Всеславянским комитетом. Он не отказывался ни от какой деятельности, лишь бы она была направлена на помощь Советской Армии и борющимся против фашистских захватчиков народам. Когда я находился на фронте, то на это время с легким сердцем поручал оставаться за председателя Комитета именно ему, так как был уверен, что все вопросы, включая и хозяйственные, будут успешно разрешены.

Мы сначала считали, что Зденек Романович в основном занят профессорской работой в Московском университете, академическими исследованиями и деятельностью во Всеславянском комитете.

Но каково же было наше удивление, когда мы узнали, что он является частым гостем воинских частей Московского гарнизона, гражданских и молодежных организаций, знакомя их с историей и культурой народов Чехословакии. Кроме того, и Посольство Чехословацкой Республики в Москве поручало ему множество дел, вплоть до занятий с детьми проживавших в Москве чехословацких граждан. Поистине, он имел неиссякаемую работоспособность.

В период формирования чехословацких воинских частей на советской территории, для героической борьбы совместно с Советской Армией, работа Зденека Неедлы в Комитете еще более усилилась, приняв новые

Митинг славян-воинов 23 февраля 1944 г. На снимке (слева направо): Герой Советского Союза подполковник Г. Половченя, генерал-полковник К. С. Назаров, З. Р. Неедлы, полковник Л. Свобода, ответств. секретарь Всеславянского комитета В. Осьминин

формы. Он часто бывал в местах формирования чехословацких частей и даже выезжал на фронт, когда они готовились к боям на Дукельском перевале. Судьбе было угодно, чтобы здесь, на чехословацком братском кладбище, был похоронен единственный сын Зденека Неедлы, талантливый музыкант и композитор, гордость отца. Зденек Романович полностью испытал горе войны, но оно его не сломило. Он весь отдался подготовке к государственной деятельности, которая его ожидала в освобождающейся Чехословакии.

Мне не раз приходилось встречаться со Зденеком Неедлы в освобожденной и восстанавливавшейся от страшного фашистского опустошения Чехословакии и после победы в ней социалистической революции. Меня не удивляло, что при встречах он нам показывал не роскошь пражского барокко и даже не Злату улочку, а грубые голые стены восстановленной его стараниями Вифлеемской часовни и тесные помещения при ней, которые служили жилищем великому чеху Яну Гусу. Потом он пригласил нас в Народный театр и вместе с нами слушал «Проданную невесту».

Особенно мне запомнился Зденек Романович во время выступления перед грозными массами народа, заполнившими Вроцлавскую площадь в один из февральских дней 1948 г. Перед этим мы наблюдали демонстрацию вооруженных рабочих Праги и потому были, как и он, взволнованы ожиданием грозных событий. Люди ждали, с какими вестями приедет Готвальд, уехавший со списком состава нового правительства к президенту. Готвальд приехал с положительным ответом. Произошла мирная и бескровная социалистическая революция в Чехословакии! По мере того, как замершая в абсолютной тишине площадь слушала сообщение Готвальда, светлели суровые лица людей. Улыбался и Зденек Романович. Мы поздравили его.

Как известно, официальными кругами западных стран и США была развернута бешеная клеветническая кампания вокруг событий в Чехословакии в связи с неудачей реакционного путча и победой социалистической революции. Но Зденека Романовича это только подбадривало.

Он как бы помолодел и с новой энергией приступил к работе, к которой всю жизнь готовился: только сейчас перед чехословацким народом открылась перспектива культурной революции. Надо иметь в виду, что во время 6-летней фашистской оккупации подверглись разрушению все центры и очаги национальной чешской и словацкой культуры, погибли многие прогрессивные деятели культуры. Огромна была работа только по восполнению потерь и восстановлению разрушенного. Кроме того, Зденек Романович ни на минуту не прекращал политической и общественной работы: он являлся членом руководства компартии Чехословакии, председателем Общества чехословацко-советской дружбы и председателем Славянского комитета Чехословакии.

Зденек Неедлы был ученый-борец, ученый нового типа, яркий представитель эпохи, которая открылась победой Великой Октябрьской социалистической революции в России.

В. Д. КОРОЛЮК

РУССКАЯ ТЕМА В КНИЖНЫХ ИЛЛЮСТРАЦИЯХ ВАЦЛАВА ФИАЛЫ

Содержание творчества чешского художника Вацлава Фиалы, мастера станковой иллюстрации и книжной гравюры, определили три основные темы: тема родной Чехии, тема Востока (художник совершил увлекательное путешествие в Океанию) [1] и тема России. Все остальные мотивы, появлявшиеся в его творчестве в связи с многочисленными путешествиями по странам Центральной и Западной Европы, в сущности говоря, не заняли в его напряженной творческой деятельности большого и самостоятельного места.

Русская тема отнюдь не случайно вошла в творчество Вацлава, или, как он сам любит представляться русским людям, Вацлава Вячеславовича Фиалы. С Россией, с Советским Союзом, с развитием русского и советского изобразительного искусства тесно связана вся жизнь художника. Русская, особенно классическая, и советская литература оказала огромное влияние на его мировоззрение. Среди русских книг он вырос и работал всю жизнь. Они давали ему сюжеты и импульсы для вдохновенного творческого поиска.

Вацлав Фиала родился 15 июля 1896 г. Его отец был инженером-электротехником, мать — учительницей. Свои детские и юношеские годы художник провел в России, куда в 1899 г. переехал его отец. Здесь же, в России, он получил и первоначальное художественное образование. Окончив в 1915 г. Харьковское художественное училище (до того он некоторое время учился в Вене), В. Фиала в том же году поступил в Петербургскую художественную академию, где проучился, правда, всего один год. Дальнейшие занятия прервала начавшаяся первая мировая война. Призванный в русскую армию, В. Фиала после революции не вступил, однако (что он любит подчеркивать), в чехословацкий корпус, хотя и принял решение вернуться на родину через Дальний Восток и Японию. В Японии в 1920 г. он женился на русской — Марианне Бурлюк, сестре известного художника и поэта Давида Бурлюка, чьи импрессионистические пейзажи и реалистические портреты оказали определенное влияние на творчество чешского художника.

Возвращение на родину, в рожденную Октябрем и революционным подъемом в Австро-Венгрии Чехословакию (1922 г.), не прервало связей, не ослабило интереса художника к России. В семье В. Фиалы русский язык остался родным, русская книга и русская культура занимали почти такое же место, как и чешская литература и искусство. Литографированный портрет В. И. Ленина, выполненный еще в 1920 г., может быть, лучше всего свидетельствует о том, что, покидая советскую страну, В. Фиала не уносил в себе неприязни к российской революции. В том же, 1920 году, он работает над оформлением «Мистерии-Буфф» В. Маяковского. В 1921 г. его как художника книги интересуют произведения Д. Бурлюка, в 1926 г.— Л. Сейфуллиной.

---

[1] Восточные мотивы в творчестве В. Фиалы проанализированы в кн.: V l a d i m í r F i a l a. Orientální motiv v ilustrační tvorbě Václava Fialy. Praha, 1965; V á c l a v F i a l a. Ogasavara. Praha, 1928; V á c l a v F i a l a. Zahrada Ueno. Praha, 1931; V á c l a v F i a l a. Pont na Fuži-jamu. Praha, 1934.

Рис. 1

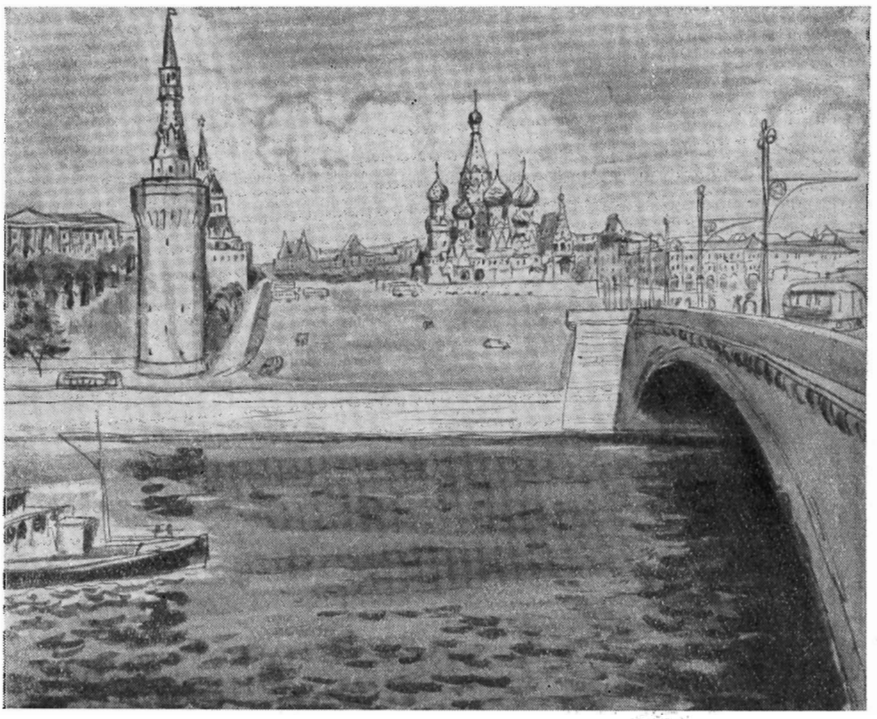


Рис. 2

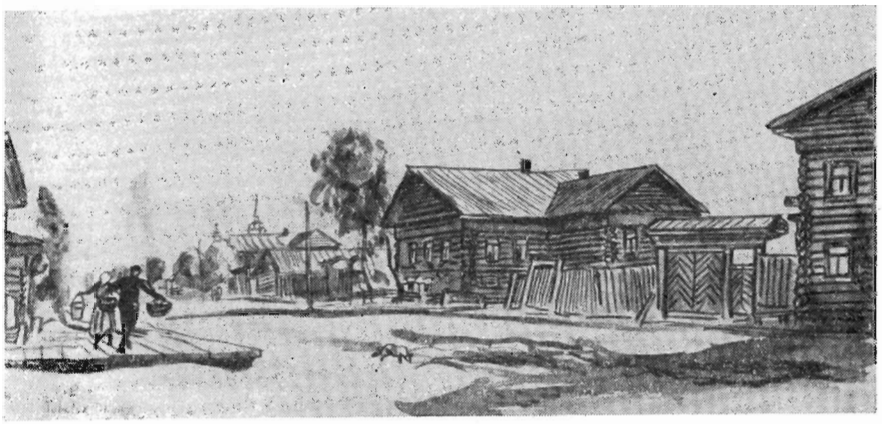


Рис. 3

Между тем в Праге в 1923—1926 гг. ему удается завершить свое художественное образование. Окончив Пражскую академию художеств, где он учился у знаменитого Макса Швабинского, мастера высокого реалистического искусства, оказавшего огромное влияние на целые поколения чешских художников, В. Фиала получил годовую командировку в Париж. Нужно сказать, что торжествующее на Западе свою победу беспредметное искусство не оказало на молодого художника сколько-нибудь заметного воздействия, хотя знакомство с опытом классиков постимпрессионизма, как и изучение японского искусства, помогли ему в поисках наиболее лаконичной и выразительной формы трактовки образа, оказали влияние на его скупую и прозрачно-нежную гамму красок. Воспитанный на строгом русском и чешском реалистическом искусстве, Вацлав Фиала всегда оставался последовательным реалистом. И это в полной мере относится как к его станковой, так и к книжной графике, в которой он всегда стремился в предельно обобщенном, синтезированном виде, порой прибегая к помощи символов, отразить самое существенное в изучаемой им действительности. Может быть, именно поэтому впоследствии на его художественную манеру особенно сильно повли-

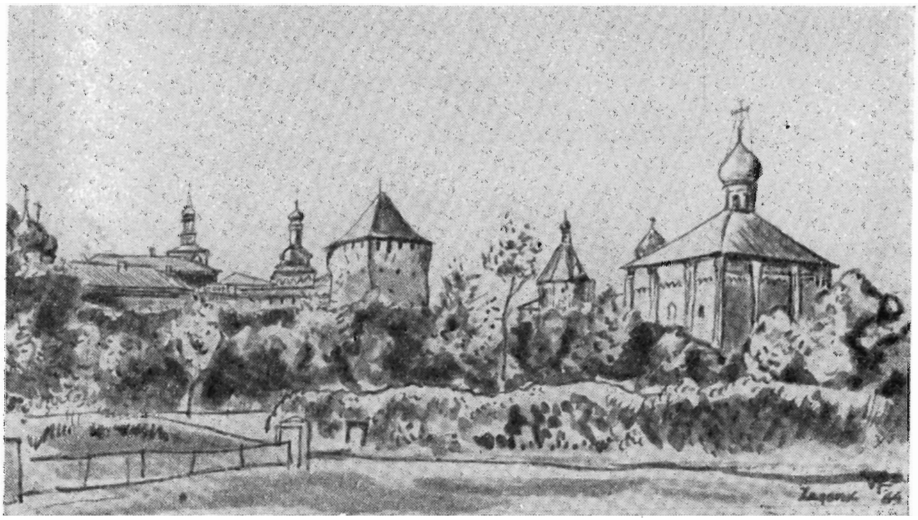


Рис. 4

яло знакомство с народным творчеством Закарпатской Украины и Словакии. Он увлекся им в 30-е годы, побывав в 1931, 1936 и 1938 гг. в Словакии, а в 1931 и 1937 гг. совершив большое путешествие по затерянным в горах закарпатским деревням [2].

В результате поездок в Закарпатскую Украину появился большой цикл (около 200) полотен, рисунков и акварелей, посвященных закарпатской природе, жизни и быту полюбившейся ему страны, ярким типам ее пестрого и многоязычного населения (рис. 1) [3]. Вскоре затем художником была создана и сюита литографий на закарпато-украинские темы. Поездки в Словакию и Закарпатскую Украину еще более укрепили его славянские симпатии. Они (особенно знакомство с патриархальным укладом закарпатской деревни) побудили художника обратиться к славянской археологии, в результате чего в 1944 г. появилась первая графическая серия его «Старославянского цикла». В то же время он продолжает работу над иллюстрированием и оформлением русской книги. Внимание его привлекают русские народные сказки, собранные М. Булатовым (1939 г.). Он иллюстрирует книги знаменитого русского артиста цирка В. Л. Дурова (1932 г.) и замечательного путешественника и писателя В. К. Арсеньева (1934 г.). Но самой его крупной работой в области русской книги в годы перед второй мировой войной была «Капитанская дочка» А. С. Пушкина, для которой он выполнил двадцать пять ксилографий (1937 г.). А в годы второй мировой войны он задумывает и серию иллюстраций к гоголевскому «Тарасу Бульбе».

Рис. 5

После разгрома гитлеровской Германии и освобождения Чехословакии русская тема, естественно, заняла еще более важное место в творчестве В. Фиалы, а связи художника с его второй родиной значительно окрепли. Он получил возможность посещать Советский Союз, в котором он побывал пять раз (в 1956, 1958, 1960, 1961 и 1964 гг.). В 1958 г. его произведения демонстрировались на выставке в Ленинграде, в 1959 и 1964 гг.— в Свердловске, в 1961 г.— в Тамбове. В его рисунках и акварелях этих лет возникают не только величественные картины старой Руси. Его вдохновляют и советские новостройки. Москва, Ленинград, Украина и Прибалтика, Крым и Кавказ, Урал и Сибирь — их природа и жизнь, их история и люди — одинаково волнуют художника. Свои наблюдения он торопится запечатлеть в мастерски выполненных, производящих впечатление мгновенных рисунках пером и кистью (рис. 2—4). Сепия и акварель, гравюра и литография с равным успехом используются им для передачи увиденного и прочувствованного в Советском Союзе. После возвращения В. Фиалы в Чехословакию Союз чехословацко-советской дружбы организует в Праге большую выставку его работ, посвященных Советскому Союзу. В каталоге выставки фигурируют сто рисунков и акварелей художника [4]. Автор предисловия, В. Дивиш, сравнивая ряд произведений В. Фиалы на мотивы Ближнего и Дальнего Востока с его новым циклом работ, подчеркивает в советском цикле особую остроту и новизну его художественного ви́дения [5].

---

[2] Вступ. статья Й. Лориша к каталогу: «Václav Fiala. Souborná výstava původní grafiky». Praha, 1946, s. 6; E. B u ž g o v á. Václav Fiala. Soupis grafického díla. Praha, 1961, s. 4.

[3] См. V. H a s a l o v á. Studie Václava Fialy k ethnografii bojků v Zapadní Ukrajině.— «Československá Ethnografie». 1954, № 4.

[4] «Václav Fiala. Kresby a akvarely ze Sovětského Svazu». Praha, 1965.

[5] Ibid., s. 2.

Рис. 6

Большое место в послевоенном творчестве чешского художника продолжает занимать книжная графика. Из советской литературы его внимание привлекают произведения М. Пришвина (1948 г.), П. Бажова (1960 г.). Но все же основным направлением в разработке русской темы остается русская народная сказка и русская классика XIX в. В. Фиала создает в эти годы цикл превосходных иллюстраций к «Тарасу Бульбе» (1947 г.), дважды возвращается к пушкинской «Капитанской дочке» (1950, 1961 гг.) и иллюстрирует пушкинские сказки (1949 г.).

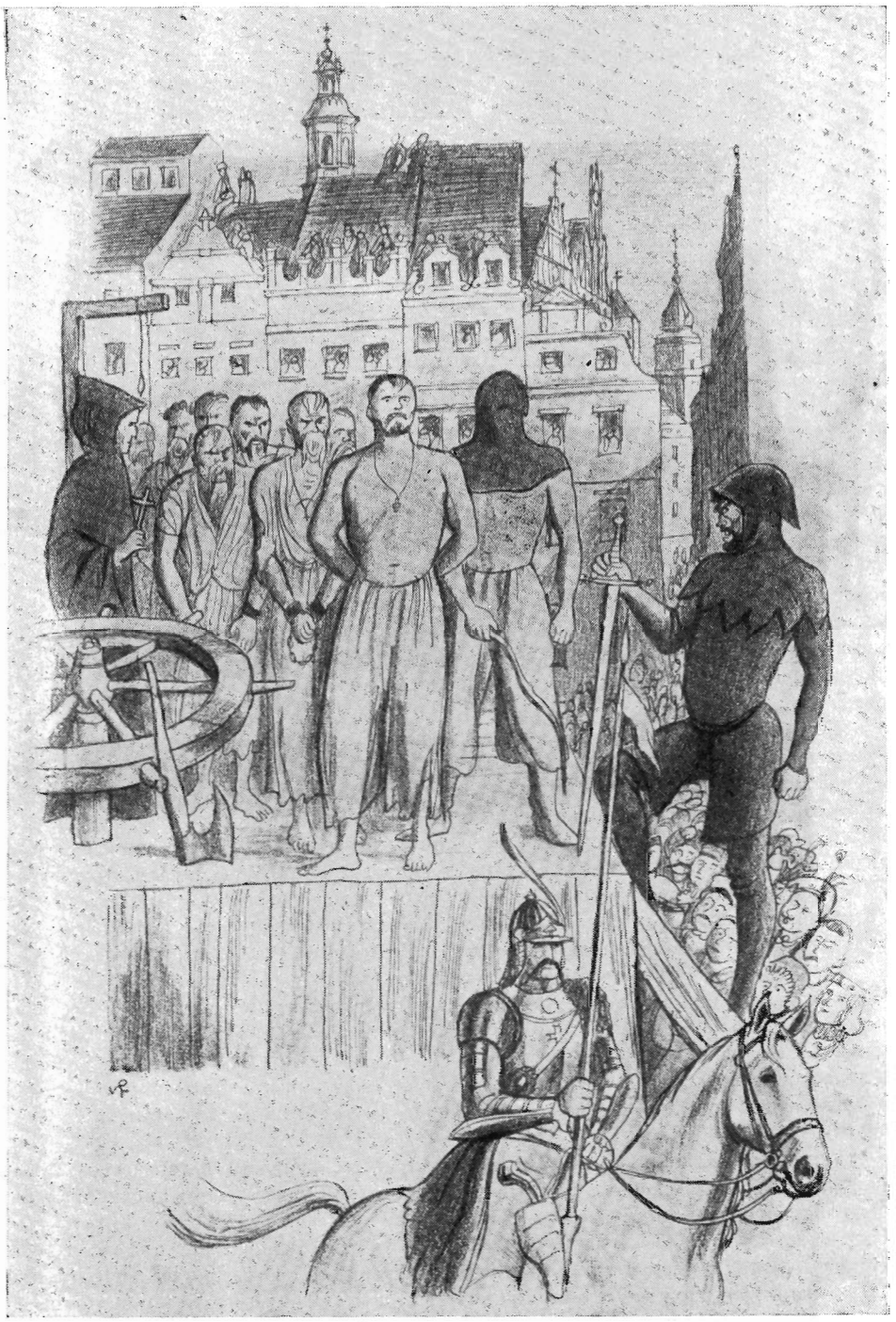


Рис. 7

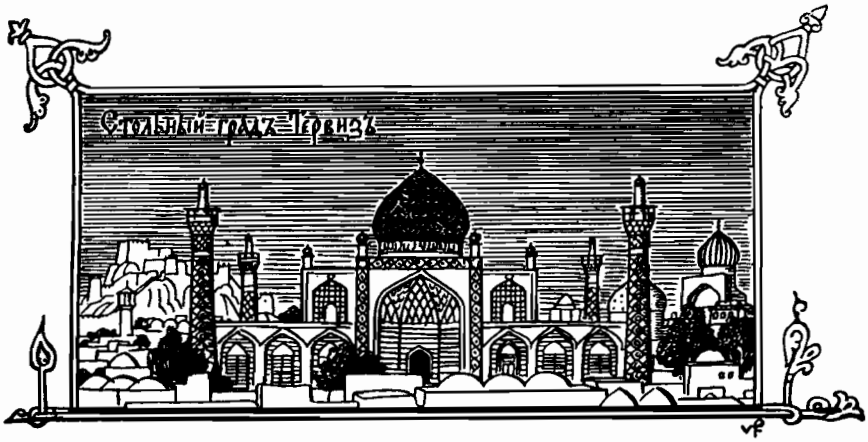


Рис. 8

Русские мотивы начинают проникать и в фиаловскую графику малых форм: новогодние поздравления, экслибрисы. Несколько очень удачных экслибрисов было исполнено в технике цветной литографии и ксилографии для знакомых художнику искусствоведов и коллекционеров из Советского Союза. Превосходный портрет-экслибрис был подарен В. Фиалой Людмиле Кузнецовой-Бурлюк, тоже художнице, вдове известного советского скульптора В. В. Кузнецова и сестре жены Фиалы, Марианны Давыдовны (рис. 5). О многом говорит экслибрис, посвященный сыну художника Владимиру Фиале. Вацлав Фиала избирает в нем в качестве символа образ русского князя Владимира Святославича, подчеркивая этим не только русское имя сына, но и связи своей семьи с Россией.

Для Вацлава Фиалы как художника книги характерен постоянный творческий поиск новых художественных средств для оформления и иллюстрирования художественной литературы. Художник не терпит шаблонов. Для каждой новой книги он стремится найти новые художественные средства, используя свой богатейший запас жизненных и творческих наблюдений для воссоздания литературных образов и ситуаций. Не менее важна для него и эпоха, описываемая писателем. Вацлав Фиала, приступая к работе над книгой, на некоторое время фактически превращается в ученого-исследователя, вникающего во все частности быта, психологию и традиции изображенного в художественном произведении общества.

Эта особенность художественного метода В. Фиалы бросается в глаза и при анализе его работы над русской книгой. Рассматривая его красочные и нарядные иллюстрации к русским народным сказкам (рис. 6), невольно ловишь себя на мысли, что иллюстрации эти выполнены не иностранным, а глубоко русским по духу художником. Вацлав Фиала сумел органически ввести в свое творчество и праздничность народного лубка и характерную русскую графическую национальную традицию в трактовке народной сказки.

Полное впечатление строгой документальности, верности исторической правде оставляют его превосходные иллюстрации к «Тарасу Бульбе». Здесь продумана и изучена каждая деталь — от казацкого костюма и прически до барочной архитектуры. Каждая сцена, будь то эпизод местечковой жизни или страшная картина казни, отработана тщательно, с документальной точностью, в полном соответствии с историческими источниками. Впечатление подлинных документов времени создается и при внимательном изучении иллюстраций к «Капитанской дочке».

Выполненные в строго реалистическом духе, исполненные большого внутреннего напряжения, иллюстрации В. Фиалы к произведениям А. С. Пушкина и Н. В. Гоголя очень тесно, буквально органически увязаны с их основной сюжетной линией. Художник не разделяет убеждения, что иллюстрация должна играть роль рисунка на полях книги, отражающего как бы раздумья читателя-художника, и избегать ха-

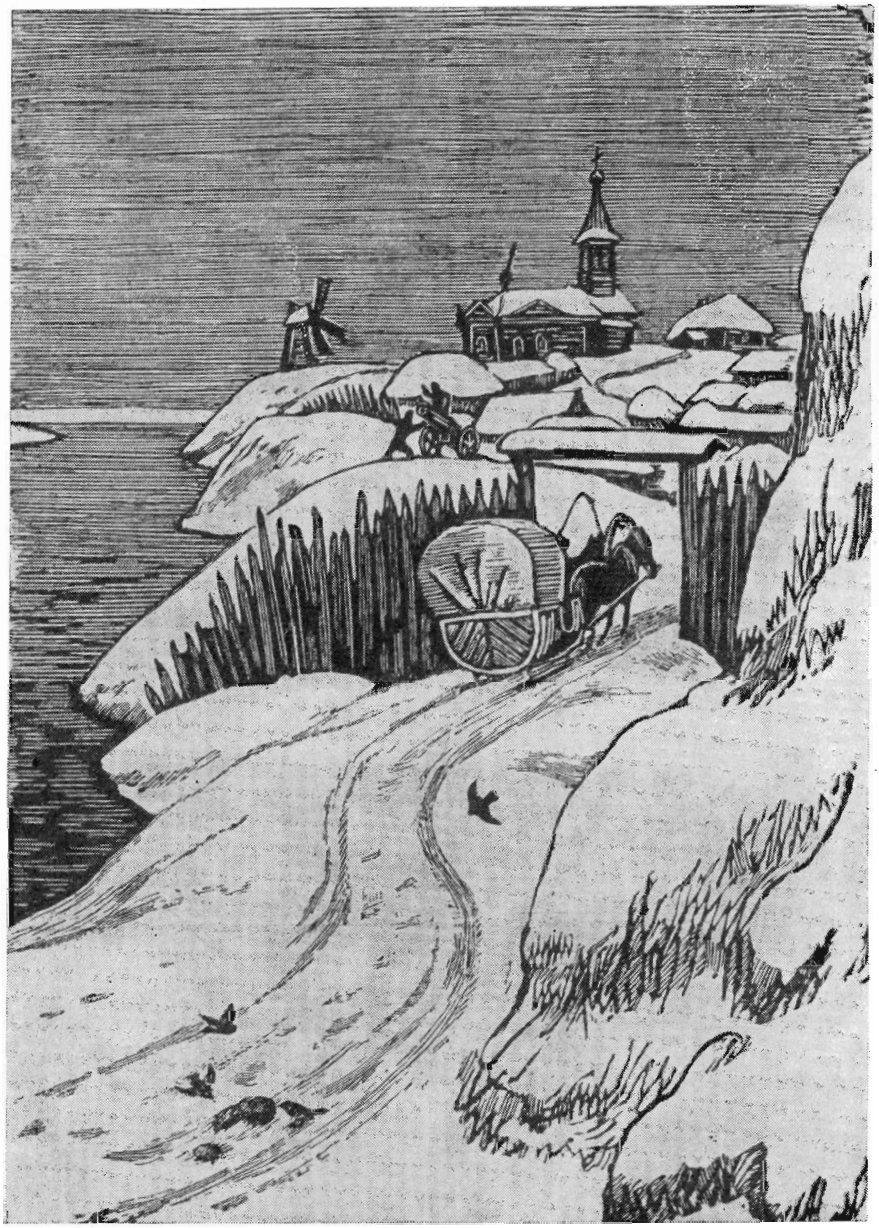


Рис. 9

рактеристики основного сюжета, главных сцен, изображаемых писателем [6]. В этом отношении В. Фиала твердо придерживается традиционной манеры иллюстрирования классической литературы. Характеризуя его книжную графику, известный чешский писатель и друг художника К. Новый писал в 1955 г., что В. Фиала является продолжателем традиций Й. Манеса и М. Алеша, что в своем книжном творчестве «он опирался на лучшие чешские и славянские традиции» [7]. Здесь, пожалуй, важно было бы под-

[6] Подробнее об этом см. Н. Кузьмин. Штрих и слово. Л., 1967, стр. 19—42.
[7] «Václav Fiala. Souborná výstava ilustračního díla». Praha, 1955, s. 5 (предисловие К. Нового).

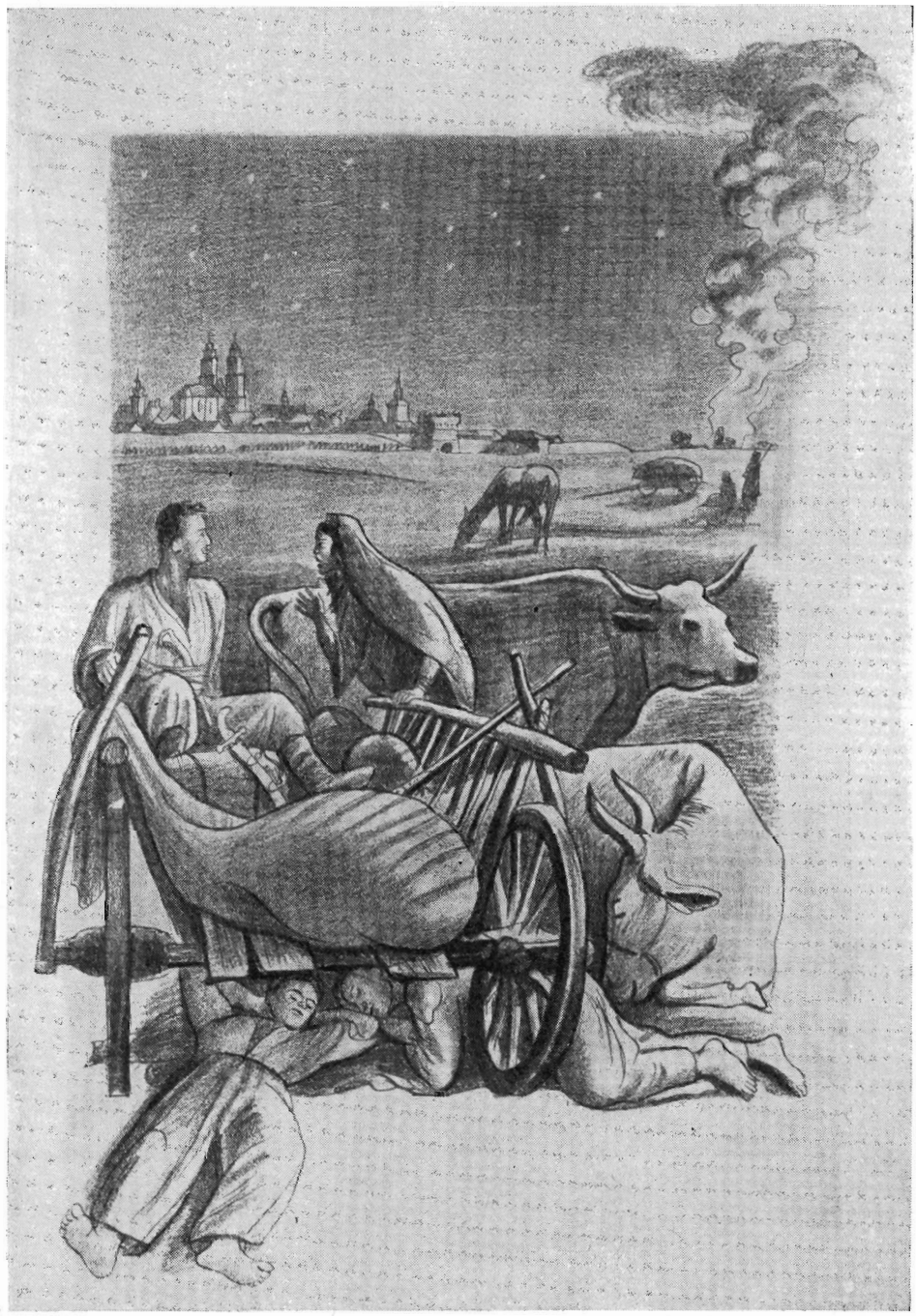


Рис. 10

черкнуть глубокое изучение В. Фиалой традиций русской и советской книжной графики.

Располагая свои иллюстрации в строгом соответствии с развитием действия, подчиняя их основному ритму художественного произведения, В. Фиала создает такую систему образов и ситуаций, которая не только не заслоняет автора, но в полном смысле слова помогает в зрительных образах понять основной замысел и идейную нагрузку иллюстрируемой книги. При этом нельзя не отметить, что художник стремится подчеркнуть социальное звучание художественного произведения. Именно поэтому в «Капитанской дочке» одна из самых выразительных иллюстраций посвящена расправе над пугачевцами, а в «Тарасе Бульбе» роль художественной кульминации грают и картины казни Остапа (рис. 7) и Тараса. Социальный акцент в книжной графике В. Фиалы подчеркивает ее несомненную близость к классической русской и советской книжной иллюстрации.

Но не только глубокое изучение эпохи и поиск адекватных авторскому замыслу зрительных образов определяют успех книжной графики В. Фиалы. Стремясь для каждой книги найти новый художественный язык, Фиала большое внимание обращает и на выбор чисто графических средств иллюстрации. Так «Хожению за три моря» Афанасия Никитина, по-видимому, действительно лучше всего соответствует стилизованный под старину линейный рисунок (рис. 8) [8]. Обращаясь к «Капитанской дочке», художник пользуется гравюрой на дереве, правильно полагая, что лаконичному стилю пушкинской прозы будет особенно близок четкий язык ксилографии (рис. 9). Только не всегда оправданными кажутся несколько жесткий, даже нарочито утолщенный штрих и подчеркнутая чернота гравюр В. Фиалы. Эти особенности его ксилографий не всегда вяжутся с простотой и точностью пушкинского стиля. (Впрочем, в издании 1961 г. впечатление ослабляется и полиграфическими недостатками книги. Некоторые гравюры в ней явно завалены.) Зато музыкальной, эмоционально насыщенной и интонационно напряженной прозе Н. В. Гоголя вполне созвучна избранная художником техника литографии, благодаря своим особым пластическим свойствам позволяющая свободней, чем в гравюре, создавать живые, подвижные образы и ситуации (рис. 10).

Цикл литографированных иллюстраций к «Тарасу Бульбе» является безусловно одной из самых больших удач художника в области книжной графики.

Творчество Вацлава Фиалы, так тесно связанного с нашей культурой и искусством, отдавшего столько сил и вдохновенья нашей истории и нашей действительности, художника глубоких славянских симпатий и искреннего друга нашей страны, заслуживает благодарного внимания советской общественности.

---

[8] О том, с каким вниманием отнесся художник к оформлению замечательного старорусского памятника, свидетельствует и превосходно составленная им подробная карта путешествия Афанасия Никитина.

ДРАГОЙ КОДЖЕЙКОВ

ВОСПОМИНАНИЯ

Летом 1903 г. из Борисовграда (ныне Первомай), где я работал телеграфистом, меня перевели в Харманли. Местные товарищи — Атанас Гогов, Никола Господинов и Тодор Бакалов — были подписчиками газеты «Искра». И я подписался на эту газету, так как хотел ближе познакомиться с жизнью Российской социал-демократической рабочей партии.

К сожалению, все мы недостаточно знали русский язык и некоторые статьи переводили с трудом. Помню, мы никак не могли точно перевести выражение: «Врозь итти — вместе бить».

Через год, летом 1904 г., меня перевели в Каяджик (ныне Димитровград). 10 января 1905 г. из газет я узнал о расстреле мирной демонстрации петербургских рабочих. Это известие глубоко взволновало меня, заставило еще пристальнее следить за событиями в России.

К сожалению, в небольшом городишке не с кем было поделиться своими мыслями. Исключение составляли местные учителя Делчо Манолов и Райна Михайлова.

Материалы о событиях в России печатались и в газете «Работнически вестник», органе Болгарской социал-демократической рабочей партии (тесных социалистов). Они помогли мне лучше понять, чем жил тогда русский пролетариат.

Летом 1905 г. я переехал на место своей новой работы в г. Стара Загора. Я радовался, что в большом городе, где много рабочих, и в том числе работников почты и телеграфа, где есть партийная организация, я смогу более активно участвовать в партийной и профсоюзной работе.

Меня продолжали волновать события в России и особенно восстание на броненосце «Потемкин». Работа на телеграфе была тяжелой. Чтобы облегчить ее, мы позволяли себе сокращать тексты многих телеграмм, но если приходили телеграммы, в которых говорилось что-либо о восставшем «Потемкине», мы с восторгом передавали ее до последнего слова.

Я продолжал получать «Искру», а Иван Георгиев давал мне читать и большевистскую газету «Пролетарий». При встречах с товарищами в клубе, в сквере, на улице мы чаще всего разговаривали о революции. Осенью я и еще два телеграфиста-тесняка были уволены с работы за то, что мы отправили поздравительную телеграмму съезду БРСДП. Это заставило меня в ожидании нового назначения провести зиму и весну в Софии. Здесь я имел возможность часто слушать Д. Благоева, который рассказывал много интересного о своей деятельности в России, высказывал свои взгляды на революцию, говорил о том, что путь к победе очень труден, но победа обязательно придет, что революция, может быть, вначале произойдет в развитых европейских странах.

Чтобы лучше следить за ходом революции в России, я подписался на газету «Пролетарий» и на журналы «Правда» и «Образование», частично сохранившиеся у меня и поныне, и вообще стал читать больше русской литературы.

1 апреля 1906 г. я получил назначение на телеграф г. Варны. К сожалению, организация в городе оказалось слабой; из-за сильного влияния либералов она была даже переименована в группу. Секретарем этой партийной группы избрали меня, и им я оставался в течение двух лет. Делал, что мог. Продолжал следить за ходом русской ре-

волюции по сведениям из печати и непосредственно от товарищей. Усиление реакции в России беспокоило нас; было ясно, что для пролетарской революции еще нет благоприятных условий.

Однажды, во время праздника по поводу открытия порта, я разговорился с боцманом одного русского парохода. Когда я упомянул о «Потемкине», он оглянулся по сторонам, не слышит ли нас кто-нибудь, и тут же ушел. Очевидно, это имело к нему какое-то отношение, но он не хотел говорить. Бежавший из России рабочий Тесленко систематически знакомил нас с событиями в России.

В 1907 г. начались работы по прокладке кабеля по дну Черного моря до Севастополя. Это очень радовало нас, сознательных телеграфистов: ведь мы будем иметь прямую телеграфную связь с нашей освободительницей, в которой еще бушевала революция. Хотя по многим признакам становилось ясно, что революция на этот раз должна будет отступить, мы были горды тем, что русский пролетариат дал урок пролетариату развитых капиталистических стран, показал, как надо бороться с реакцией.

На протяжении 1908—1916 гг. я жил в Софии и продолжал следить за событиями в России по русской социал-демократической печати. Многое черпал я и из бесед с Д. Благоевым, Г. Кирковым и другими революционерами.

Февральская революция 1917 г. застала меня в Кюстендиле, где я работал радиотелеграфистом при штаб-квартире болгарской армии. Свержение реакционного царского режима было крупнейшим событием.

В условиях военной цензуры редакции газеты «Работнически вестник» все же удавалось печатать материалы о событиях в России и, главным образом, в Петрограде.

В майском приложении к газете были опубликованы статьи руководящих деятелей партии. Очень интересной была статья Г. Киркова. Он писал: «Нам кажется, что в настоящий момент в России назревает большой конфликт между рабочим классом и буржуазией. Правительство и буржуазия прилагают старания к тому, чтобы не допустить этого конфликта, разумеется, лишь до того момента, пока они не будут готовы избавиться от принудительно навязанных им контролеров. Однако, по-видимому, и рабочие понимают положение и готовятся к этому моменту. Не исключена возможность, что рабочие выступят первыми и свергнут правительство. Приход к власти правительста рабочих будет иметь колоссальное значение; это будет сигналом для пролетариата всего мира. Может быть, это самый близкий путь к миру между народами, но тогда борьба за власть разгорится с невиданной до сих пор силой».

Вскоре я был переведен в Софию, где стал работать в узле связи при военном министерстве. Это давало мне возможность поддерживать регулярную связь с телеграфными отделениями при штаб-квартире и при IV армии в Ксанти и быть полезным партии.

8 ноября 1917 г. пришла первая телеграмма, в которой сообщалось о том, что большевики взяли Зимний дворец, свергли правительство и установили свою власть. Я сразу же бросил работу и поспешил к Народному дому. На перекрестке улицы Леге и бульвара Дондукова догнал Г. Киркова. Мы поздравили друг друга с радостной вестью и вместе отправились к Народному дому, что на площади Львиный мост. Г. Кирков говорил с энтузиазмом. Я напомнил ему об его статье в майском приложении к газете «Работнически вестник», в которой он писал о том, что, возможно, большевики скоро победят и установят власть рабочих, что это положительно скажется на борьбе пролетариата в других странах.

В Народном доме, где помещалась и редакция журнала «Ново време», мы нашли склонившегося над рабочим столом Д. Благоева. Сообщили ему радостную весть. «Дядо» встретил наши слова с глубоким волнением, со слезами на глазах. Одобрительно покачивая головой, он заговорил о величии той борьбы, которую русский пролетариат ведет в продолжение стольких лет. Он вспомнил и о времени своего пребывания в Петербурге, о создании первой рабочей социал-демократической группы, об издании газеты «Рабочий».

С площади Львиный мост мы отправились в Рабочий дом на ул. Кирилла и Мефодия, чтобы порадовать полученной вестью находившихся там Г. Димитрова и других товарищей. Наше сообщение было встречено ими с восторгом и энтузиазмом.

В марте 1918 г. за профсоюзную работу и посещение Народного дома меня снова перевели в Кюстендил и предупредили, что, если я буду продолжать какую бы то ни было агитацию, меня пошлют на фронт.

Покушение на Ленина в Петрограде. Смятение среди товарищей: что будет с революцией, если Ленин не выздоровеет... Однажды ночью слышу: «Говорит Москва, говорит Москва... Бюллетень о состоянии здоровья председателя Совета народных комиссаров Владимира Ильича Ленина... Температура... пульс... дыхание... Врачи.... Секретарь Совета народных комиссаров Бонч-Бруевич». Успокоение наступило только тогда, когда жизнь Ленина была вне опасности, когда бюллетени перестали передаваться. Это было огромной радостью для всех друзей Ленина и революции.

Под влиянием Октябрьской революции усилились волнения среди болгарских солдат, и это все более тревожило командование армии. Правительство было готово прибегнуть к иностранной помощи, чтобы осуществить репрессивные меры против партии.

В августе из-за болезни я был послан в Софию и стал работать на радиостанции близ вокзала.

Руководителями партии в это время обсуждался вопрос о том, что должна делать партия, если солдатское восстание примет широкие размеры. Между тем восставшие солдаты двинулись огромной массой с фронта и через Кюстендил и Радомир направились к Владаю. В доме Тины Кирковой мне сообщили (с конца 1909 г. я как представитель Комитета профсоюзов участвовал в заседаниях ЦК партии), что Центральный комитет принял решение не участвовать в восстании солдат и не возглавлять его. Я объяснил себе это решение не только тем, что солдатский бунт — это не организованное восстание, но и малочисленностью партии. Накануне войны партия насчитывала 3150 членов, профсоюзы — около 6 тысяч членов, но из-за мобилизации в армию на своих местах находилось меньше половины членов партии; в этих условиях она не могла возглавить массовое восстание в стране. Несмотря на занятую ею позицию, партия выражала свое негодование мерами правительства в отношении солдат, реакционными действиями союзников и буржуазных партий.

С большим волнением я передал по радио в Салоники главнокомандующему войсками Антанты телеграмму об отречении царя Фердинанда и замене его царем Борисом III. Фердинанд потерял корону потому, что был орудием кайзера. Сын же его Борис стал орудием тех, кто пришел кайзеру на смену.

В России тем временем развернулась гражданская война. Наступил голод. По зову партии болгарские трудящиеся по всей стране стали собирать средства, чтобы оказать помощь миллионам голодающих. Собирали деньги, принимали и продукты натурой. Бедные крестьяне спешили поделиться с голодающими тем, что имели.

В Берлине была создана организация по сбору средств для восстановления хозяйства Советской России, разрушенного войной и действиями врагов революции. Она направила собранные средства кооперации «Освобождение».

Были выпущены облигации стоимостью в 1 доллар. Трудящиеся Болгарии поддержали и эту инициативу партии. Я приобрел пять облигаций, которые храню до сих пор.

В 1923 г. я был в Берлине, участвовал в работе конференции транспортных рабочих. Мне пришлось присутствовать на массовом торжественном собрании, созданном руководителями кампании по сбору средств для голодающих, на котором представитель Советской России от имени своего правительства выразил глубокую благодарность немецким рабочим и рабочим других стран, оказавшим помощь трудящимся России в трудную для них минуту.

В сравнении с нуждами расстроенного хозяйства России средства, собранные болгарскими трудящимися, были невелики. Но они направлялись в Россию от чистого сердца. Это было проявлением международной рабочей солидарности, проявлением любви к русскому народу, освободившемуся от тирании царизма.

Но самое главное — то огромное влияние, которое Октябрьская революция оказала на все народы и на болгарский народ в том числе. Болгарские трудящиеся счастливы, что последовали примеру русских рабочих. И ныне, когда они тоже строят социализм, им есть с кого брать пример осуществления великой мечты.

ПАМЯТНИКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ[1]

А. И. РОГОВ

ПАМЯТНИК ПОБЕДЫ ПОД ПЛЕВНОЙ

Памятники, посвященные русско-турецкой войне 1877—1878 года, дороги и священны как для болгарского, так и для советского народа. В Болгарии памятники эти обычно сооружались на местах героических сражений, которые вели русские солдаты, пришедшие на помощь братскому болгарскому народу в его борьбе за свободу от многовекового турецкого ига.

В Москве также есть замечательный памятник болгаро-русской дружбы и боевого сотрудничества. Он находится в центре, в сквере у Ильинских ворот. Памятник, как и многие мемориальные сооружения в Болгарии в честь русско-турецкой войны, построен в виде часовни (рис. 1). Такова была древняя общеславянская традиция. Памятник посвящен победе под Плевной (турецкая крепость, взятая 28 ноября 1877 г. русскими войсками после кровопролитнейшей пятимесячной осады). Падение Плевны было одним из решающих событий русско-турецкой войны.

Плевненский памятник был открыт в Москве в десятилетнюю годовщину победы 28 ноября 1887 г. Инициатором его сооружения было Археологическое общество. Строился он на средства русских гренадеров. Археологическое общество поручило разработать проект памятника известному в то время московскому скульптору, живописцу и архитектору Владимиру Осиповичу Шервуду (1832—1897). Соединение в одном лице скульптора и архитектора определило художественную цельность монумента.

Конец XIX в. был той эпохой в истории русской архитектуры, когда почти всеобщим было увлечение так называемым русским стилем, справедливо получившим название псевдорусского. Очень немногие здания, построенные в этом стиле, имели художественную ценность. Не отличалось художественными достоинствами и построенное

Рис. 1

[1] С этого номера журнал начинает регулярно публиковать материалы под рубрикой «Памятники славянской культуры» с целью ознакомления читателей с интересными, подчас малоизвестными произведениями живописи и графики, скульптуры и архитектуры, а также замечательными образцами устного, рукописного и книгопечатного искусства славянских народов. Большое внимание при этом будет обращено на памятники, отражающие исторические связи народов СССР с западно- и южнославянскими народами.

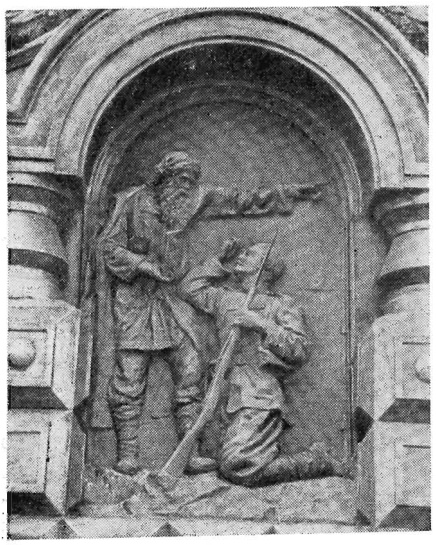


Рис. 2

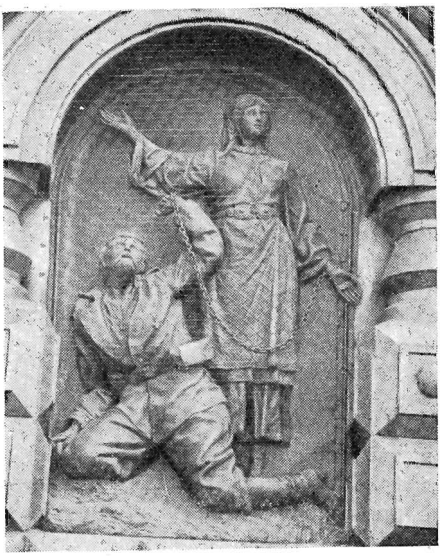


Рис. 3

по проекту В. О. Шервуда здание Исторического музея (1875—1883). Механически соединяя детали древнерусской архитектуры, зодчий мало принимал во внимание масштабы здания, его целостность. Значительно удачнее оказался небольшой по размерам памятник-часовня. Он построен из черного полированного лабрадора в шатровом стиле, распространенном на Руси в XVI—XVII вв. Шатер вырастает из традиционного «восмерика» — восьмигранника и увенчивается крестом, поставленным на повергнутый полумесяц. Издавна такого рода завершения древнерусских храмов и часовен символизировали победу над мусульманством. В памятнике Плевненской победы это получало особое звучание.

Восьмерик памятника украшен тремя барельефами, отлитыми из шапитара (сплав меди и олова): 1) русский крестьянин благословляет солдата (рис. 2); 2) русский солдат-гренадер над повергнутым турецким солдатом; 3) женщина, олицетворяющая Болгарию, с разорванной цепью и умирающий русский солдат, ценой жизни которого завоевано ее освобождение (рис. 3). Под барельефами размещены венки — символы вечной памяти героям. Двенадцать чугунных шаров с бронзовыми гирляндами из дубовых листьев обрамляют памятник.

Верхнюю часть шатра занимают барельефы евангелистов; его грани — литые доски. На двух из них — евангельские тексты. На других надписи: «Гренадеры своим товарищам, павшим в славном бою под Плевной 28 ноября 1877» и «В память войны с Турцией 1877—1878. Плевна. Карс. Аладжа. Хадши-вали».

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

НОВЫЕ РАБОТЫ О СОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ В НАРОДНОЙ ПОЛЬШЕ

В последние годы в Польше появились новые работы, посвященные советской литературе, ее связям с польской литературой, творчеству крупнейших советских писателей. Эти работы, помимо их самостоятельного научного значения, в известной мере отвечают потребностям широкого круга польских читателей, интересующихся советской литературой.

Настоящий обзор хотелось бы начать с книги поэта и переводчика русской литературы Северина Полляка «Хождение за три моря» [1]. В нее вошли очерки о Блоке, Есенине, Маяковском, Пастернаке, Пильняке, Бабеле, Катаеве, Грине, Леонове, а также статьи, затрагивающие проблемы перевода («К вопросу о теории поэтического перевода», «О переводческой деятельности Юлиана Тувима», «Мицкевич в русских переводах», «Словацкий в русских переводах»).

Если в отношении поэзии Маяковского, Блока, Есенина, Пастернака общепризнанная иерархия поэтических ценностей совпадает в принципе с собственными взглядами С. Полляка, то в разделах о прозе в большей степени сказались индивидуальные склонности автора. Советскую прозу представляют в книге Пильняк и И. Катаев, Грин и Бабель. Такой подбор имен объясняется тем, что в намерение автора не входило воссоздание общего процесса развития русской литературы XX в.— он стремился рассказать о том, что мало изучено и мало известно, особенно польскому читателю.

Эмоциональности «Путешествия за три моря» сопутствует деловитость, впечатлительности поэта — интеллект критика. Поэтому книга является и своего рода информатором, и вместе с тем книгой «для чтения». В разделе, дающем краткий обзор направлений и поэтических школ в советской поэзии, автор подчеркивает ее стилевое многообразие. С. Полляк отмечает, что в последних стихах Асеева, Антокольского, Кирсанова, Заболоцкого, Мартынова слышны отголоски той поэзии, которая была характерна для их юношеских дебютов. В книге идет речь также о поэтах, выступивших сравнительно недавно: о Евтушенко, Вознесенском, Винокурове.

Одна из опубликованных в последнее время работ преподавателя Ягеллонского университета Ядвиги Урбаньской «Советский роман в Польше в 1918—1932 гг.» [2] посвящена восприятию советской литературы в межвоенной Польше. Автор предлагает следующую периодизацию: первый период (1918—1926 гг.) — начало распространения советской литературы в Польше и второй — (1927—1932 гг.), характеризующийся широким и быстрым проникновением советского романа в Польшу. 1927 год явился переломной датой в истории распространения послереволюционной русской прозы. Повышенный интерес польского общества к советской книге был связан с временной разрядкой напряженности в политических отношениях между Польшей и Советским Союзом. Только в 1927 году появляется около 20 переводов романов, в том числе произведений Всеволода Иванова, Бориса Пильняка, Лидии Сейфуллиной, Ильи Эренбурга. Впрочем, постоянный рост интереса к советскому роману во второй половине 20-х годов был явлением общеевропейским. Я. Урбаньская, пишет: «В Германии, Франции, Англии, Италии поражает большое число переводов из советской литературы. Одним из первых произведений, проложивших путь советской литературе на Запад, был роман Ф. Гладкова «Цемент», который и в Советском Союзе на протяжении нескольких лет выдержал десять изданий. Европейский читатель знакомился также с произведениями Фурманова, В. Катаева, Леонова, Фадеева и других выдающихся писателей».

[1] S. Pollak. Wyprawy za trzy morza. Warszawa, 1962.

[2] J. Urbańska. Radziecka powieść rosyjska w Polsce w latach 1918—1932 Wrocław, 1966.

Другой стороне польско-советских культурных связей — деятельности представителей польской культуры в России — посвящена книга Кристины Сероцкой «Из истории польских журналов в СССР („Культура масс", 1929—1937)»[3]. Автор обращается к периоду, до сих пор малоизученному и заслуживающему внимания важностью проблем, которые дискутировались в кругах поляков, живших в СССР в 1919—1939 гг. В обсуждении этих проблем принимали участие некоторые выдающиеся польские писатели. Богатая документация выводит работу за рамки темы, объявленной в названии. Анализ содержания журнала «Культура масс» дает представление об устремлениях и метаморфозах, достижениях и ошибках польской эмиграции. Автор показывает связь между литературными спорами, которые велись в среде польской эмиграции в СССР, и дискуссиями, проводившимися в левых кругах в Польше, находя, например, наряду с различиями, моменты аналогии в вопросе отношения к лозунгам «Пролеткульта». Однако вызывает сомнение тенденция к отождествлению лозунгов «Кузницы» и «Пролеткульта»; рождение РАППа следовало бы связывать с группой «Октябрь». Нашему современнику различия в позициях этих групп могут казаться не очень существенными, но в процессе формирования новой литературы они играли важную роль. В этом убеждает работа К. Сероцкой, свидетельствующая о научной целесообразности и актуальности изучения культурной жизни польской эмиграции в Советском Союзе.

Проблемам истории советской литературы посвящены книги преподавателей Ягеллонского университета Габриэли Порембины (об Александре Воронском)[4] и Ядвиги Шимак (об Илье Сельвинском)[5].

Первая из них представляет собой пока единственный обширный монографический очерк, посвященный критической деятельности и эстетическим теориям Воронского, редактора первого советского литературного ежемесячника «Красная новь». Работа Г. Порембины является результатом скрупулезных исследований тенденций развития советской литературы, литературных группировок, дискуссий по вопросам литературы, культурной политики, философии и эстетики. Таким образом, хотя в центре внимания автора — прежде всего факты, касающиеся Воронского и его литературно-эстетических взглядов, книга интересна материалами, освещающими рождение русской культуры послереволюционного периода. Эстетические концепции Воронского автор сопоставляет с нашими современными понятиями о литературе, отделяя оригинальное и ценное в суждениях критика от того, что являлось результатом тактической борьбы тогдашних литературных группировок.

Ядвига Шимак рассматривает творчество Сельвинского также на фоне литературной борьбы 20-х годов. Этот этап творчества показался автору особенно интересным с точки зрения изучения отношения интеллигенции к революции и поисков «переходниками» (так Сельвинский определил свое поколение) своего места в социализме. Эти две проблемы — теоретические взгляды Сельвинского, выраженные в эстетической программе конструктивистов, а также художественное осмысление судеб интеллигенции в революции и социалистическом строительстве — освещены в монографии Ядвиги Шимак. Читатель не найдет здесь оценки всего творчества поэта. Автор рассматривает лишь то, что было создано Сельвинским как одним из главных деятелей конструктивизма — поэму «Уляляевщина», первое его эпическое произведение, многогранно иллюстрирующее идеологические и художественные концепции конструктивистов, «Записки поэта», «Бег коня», «Пушторг» и «Командарм 2».

Творчеству Маяковского в последние годы посвящено наибольшее количество исследовательских работ. После польского издания книги Виктора Шкловского «О Маяковском» (с предисловием Кристины Поморской)[6] и писем поэта к Лиле Брик[7] появились три обширные работы: монография Александра Юноши-Шанявского[8], исследование Флориана Неуважного[9] и книга Виктора Ворошильского[10].

---

[3] K. Sierocka. Z dziejów czasopiśmiennictwa polskiego ZSRR («Kultura mas». 1929—1937). Warszawa, 1963.

[4] G. Porębina. Aleksander Woronski. Poglądy estetyczne i krytyczno-literackie (1921—1928). Wrocław, 1964.

[5] J. Szymak. Twórczość Ilji Sielwinskiego na tle teorii konstruktywizmu (1915—1930). Wrocław, 1965.

[6] Wiktor Szkłowski. O Majakowskim. Panstwowy instytut wydawniczy, 1960.

[7] W. Majakowski. Listy do Lili Brik (1917—1930), przekład, słowo wstępne i przypisy Wiktor Woroszylski. Kraków, 1962.

[8] A. Junosza-Szaniawski. Włodzimierz Majakowski. Warszawa, 1964.

[9] «Włodzimierz Majakowski». Materiały zebrał i wstępem opatrzył Florian Nieuważny. Warszawa, 1965. Флориан Неуважный является также автором книги об И. Эренбурге: «Ilja Erenburg». Warszawa, 1966.

[10] W. Woroszylski. Życie Majakowskiego. Warszawa, 1965.

Работа А. Юноши-Шанявского, опиравшегося главным образом на труды советских исследователей, содержит ценные биографические материалы, собранные на родине поэта, где Юноша-Шанявский прожил немало лет.

Исследование Флориана Неуважного (Варшавский университет) построено по схеме, принятой для серии работ о польских и иностранных писателях, издаваемой Государственным учебным издательством. Ей предпослано обширное вступление, в котором дается биография и характеристика основных этапов творчества поэта. Работа богата различного рода материалами, содержащими высказывания и критические статьи самого Маяковского, письма, воспоминания о нем, литературно-критическую оценку его наследия современниками и потомками. Завершается она разделом «Маяковский в Польше». Здесь помещен текст предисловия Маяковского «К польскому читателю», фрагменты из статей и рецензий польских критиков и поэтов разных лет (Витольда Вандурского, Юлиана Тувима, Кароля Заводзинского, Тадеуша Наленча, Артура Сандауэра, Северина Полляка, Анатолия Стерна) и посвященные Маяковскому стихи Владислава Броневского, Станислава Рышарда Станде, Антония Слонимского, Теодора Буйницкого, Мечислава Яструна, Яна Спевака. Представленные Неуважным материалы убедительно свидетельствуют о том, что произведения Маяковского — явление непреходящее, живое, что они плодотворно влияют на поэтическое воображение и общественную мысль не только в СССР, но и за рубежом.

«Жизнь Маяковского» Виктора Ворошильского — это биография поэта, в которой нет непосредственного авторского комментария: слово предоставлено документам эпохи (воспоминания родных и друзей, письма, статьи, рецензии, стенограммы публичных выступлений и т. д.). В результате воссоздается облик поэта, политически активного, беспредельно преданного своему делу, художника со сложным и богатым внутренним миром. Одновременно читатель узнает о современниках Маяковского, людях больших и маленьких, его друзьях и врагах. Все приводимые в книге материалы автор дает в своих переводах.

Наряду с Маяковским на польский язык почти полностью переведен и Максим Горький. Однако только в 1966 г. в упоминавшейся серии Государственного учебного издательства появилась книга Ежи Ленарчика (Варшавский университет) [11], представляющая широкому кругу польских читателей творческую индивидуальность писателя. Она построена по тому же принципу, что и исследование Флориана Неуважного о Маяковском. Книга включает в себя краткую биографию писателя, отрывки из переписки Горького с советскими писателями [12], воспоминания и статьи о его творчестве, а также раздел «Горький в Польше», куда включены избранные высказывания о Горьком польских писателей и критиков (в том числе Лео Бальмонта, Тадеуша Боя-Желеньского), а также некоторых актеров (Людвика Сольского). Часть материалов, касающихся связи Горького с польской культурой, Ленарчик использовал в своем вступлении, характеризуя «польские знакомства» Горького (Стефан Жеромский, Станислав Бжозовский).

В многочисленных монографиях и работах, посвященных творчеству Горького, наименее освещен вопрос о формировании художественного сознания молодого писателя. Поэтому, несмотря на большое количество критических работ, еще многие существенные проблемы остаются или нерешенными или решение их не соответствует современному представлению о литературе того времени. К их числу относится проблема, которой посвящены статьи Е. Ленарчика в журнале «Slavia Orientalis» (1962, № 3; 1965, № 4), — проблема разностильности Горького, т. е. той неоднородности его творчества, которая имеет множество трактовок, часто взаимоисключающих друг друга. В этих статьях рассматриваются эстетические принципы молодого Горького.

Уже из сообщенного материала видно, что польская русистика развивалась в двух направлениях. Прежде всего внимание исследователей привлекал вопрос распространения советской литературы в Польше. На эту тему, помимо указанных работ, были опубликованы на страницах «Slavia Orientalis» статьи Зыгмунта Збыровского «Вокруг истории поэмы Александра Блока „Двенадцать" в Польше» (1962, № 2), «Сорок лет славы Сергея Есенина в Польше» (1964, № 1) и «Поэзия Бориса Пастернака в Польше» (1965, № 1), Телесфора Позняка «Драматургия Максима Горького в оценке поляков в начале XX века» (1965, № 2), Янины Салайчик «Бабель в Польше» (1966, № 3). Другой круг вопросов, интересующих польских исследователей,— это проблемы советской литературы 20—30-х годов. Этой теме посвящены и работы Габриэли Порембины «Из истории и практики литературной группы „Перевал"» (1962, № 2), «Твор-

[11] «Maksym Gorki». Materiały zebrał i wstępem opatrzył Jerzy Lenarczyk. Warszawa, 1966.

[12] В 1966 г. в издательстве «Книга—знание» появилась работа «Korespondencja Maksyma Gorkiego z pisarzami, wybór, wstęp i przypisy» (автор — René Sliwowski).

чество „попутчиков"» в критике А. Воронского» (1963, № 3), «Две редакции романа „Сестры" Алексея Толстого» (1965, № 1), Рышарда Пшибыльского «Аркадия Осипа Мандельштама» (1964, № 3), Янины Салайчик «Символы в драматургии Леонида Леонова» (1965, № 2), Телесфора Позняка «Блок и Достоевский» (1965, № 4).

Если говорить о текущей литературной продукции, то до настоящего времени она находила отклик главным образом на страницах журнала «Kultura i społeczeństwo», издаваемого Комитетом изучения современной культуры Польской академии наук.

Нельзя не отметить инициативы польских издательств, которые, выпуская избранные произведения советских писателей, снабжают их предисловиями, знакомящими польского читателя с творчеством переводимого прозаика, поэта или драматурга. Эти предисловия часто являются основным источником информации о том или ином художнике слова. Так было в частности (если ограничиться примерами последних лет), с томиками стихов Бориса Пастернака, Анны Ахматовой (предисловие Северина Полляка) и Велемира Хлебникова (предисловие Яна Спевака), с прозой Исаака Бабеля и пьесами Евгения Шварца (предисловие Ежи Помяновского), Александра Фадеева (предисловие Людвика Гженевского), Андрея Платонова и избранными очерками Ираклия Андроникова (предисловие René Сливовского).

В прошлом году польский читатель получил краткий информационный справочник — «Словарь писателей европейских народов СССР», вышедший в издательстве «Ведза повшехна» и содержащий свыше 600 имен, в том числе русских, украинских, белорусских, литовских, латышских и эстонских писателей.

Кроме научной и издательской работы польских русистов существует и менее заметная сфера их деятельности, о которой пишется реже, но которая имеет важное значение. Это преподавательская работа в университетах и педагогических институтах, главным образом в форме лекций и семинаров по советской литературе.

Два года назад для студентов-филологов первого курса были организованы просеминарии, посвященные русской литературе XX в., где особое внимание обращается на советскую литературу новейшего времени. На четвертом курсе студенты детально знакомятся с литературой XX в. на лекциях, практических занятиях и семинарах. Следует обратить внимание на то, что наиболее многочисленными являются группы преддипломных семинаров, посвященных советской литературе.

Студенческое научное общество, существующее уже несколько лет, также затрагивает в основном современную тематику. Особенно большой популярностью пользуется молодая советская проза и поэзия. В апреле прошлого года в Варшаве состоялась очередная сессия студенческих русистских обществ высших учебных заведений Польши (в 1965 г. такая сессия была в Ополе, в 1964—1965 гг.— во Вроцлаве). Научное общество Варшавского университета подготовило для этой сессии доклады, посвященные творчеству Шолохова, новелистике Бабеля, прозе Ю. Казакова, Аксенова, а также поэтическому творчеству Окуджавы. В докладах представителей других центров русистики речь шла также о советской литературе, поскольку настоящая сессия посвящена 50-летию Октябрьской революции.

René Сливовский

НОВЫЙ СЛАВЯНО-БАЛТИЙСКИЙ ЕЖЕГОДНИК

Белостокское научное общество по инициативе польского археолога Е. Антоневича приступило в 1964 г. к изданию нового ежегодника, посвященного славяно-балтийским связям в области истории, языкознания и материальной культуры[1].

Редакция намерена «путем публикации аналитических исследований и синтетических обобщающих работ раскрывать прогрессивные тенденции славяно-балтийского, а затем польско-белорусско-литовско-русского сотрудничества в прошлом», а также освещать «современные научные достижения в области гуманитарных наук братских народов путем обмена опытом, а равно посредством дискуссий и деловой критики». Выдвигая важную проблему интеграции общественных наук во имя создания «новых ценностей социалистической культуры», редакция подчеркивает первенствующую роль коллективного твор-

[1] «Acta Baltico-Slavica», Białystok, t. I, 1964, 277 s.; t. II, 1965, 534 s.; t. III, 1966, 196 s.; t. IV, 1966, 259 s. О другом ежегоднике («Rocznik Białostocki») этого общества см.: М. Ючас. Вопросы истории СССР на страницах «Белостокского ежегодника».— «История СССР», 1964, № 3, стр. 220—222.

ва и поэтому «широко открывает» страницы ежегодника «для советских коллег» (I, s. 10).

Первые книги издания позволяют составить представление о том, как реализуется эта обширная программа. В ежегоднике представлена новая, рождающаяся на наших глазах, отрасль исторической науки — интернациональное краеведение.

Редакция ежегодника отказалась (за исключением второго тома, который содержит статьи, публикации, сообщения, дискуссии, рецензии и хронику) от соблюдения традиционной структуры изданий подобного рода. В первом томе опубликованы материалы Первой конференции по историческим наукам, проходившей летом 1961 г. в Белостоке; третий, языковедческий, том посвящен известному ученому И. Отрембскому; в томе четвертом находим доклады, прочитанные польскими археологами на Пражском конгрессе 1966 г.

Состав авторов, среди которых преобладают польские исследователи, интернационален, и статьи печатаются на разных языках (в последнем томе — преимущественно на английском). Благодаря этому, проблемы, стоящие в поле зрения ежегодника, доступны более широкому кругу читателей. Впрочем, и ученые из ФРГ, США, Италии, Швеции, Дании публикуют в ежегоднике свои статьи.

Ежегодник сосредотачивает свое внимание на разработке проблем первостепенной научной важности.

Читатель найдет в нем серию статей, посвященных этногенезу, который изучается на археологическом и языковом материале при возрастающем внимании к исторической антропологии [2]. Е. Антоневич (I, s. 13—24) формулирует задачу встречных советско-польских исследований зоны взаимной польско-балтийско-древнерусской инфильтрации с учетом новых гипотез археологов и языковедов (В. В. Седова, Х. А. Моора, В. Н. Топорова, О. Н. Трубачева, К. Мусянович и др.), о масштабах балтийских этнических регионов и интенсивности их славянской колонизации. Эта работа может быть успешной при обоснованной локализации и глубоком предварительном изучении каждого из участвующих в синтезе элементов, а также при взаимном сопоставлении уже историко-хронологически моделированных зон (России, Белоруссии, Пруссии и др.) региона. Обследованию одного из таких элементов посвящена другая статья Е. Антоневича (IV, s. 2—27, ср. IV, s. 175—182), в которой он стремится определить территорию некоторых прибалтийских племен; к этой проблематике близки тематически и работы А. Кемписты (IV, s. 67—78) и М. Качиньского (IV, s. 79—108). При этом первостепенная роль отводится подляшскому и прусскому (включая Ятвягию) ареалам, где, как свидетельствуют труды Ятвяжской археологической экспедиции (находка железного плуга IV в.), земля таит в себе немало неизведанного [3]. Насколько важно здесь сочетание языковой, археологической и исторической методик, видно из статьи Г. Ловмяньского (III, s. 89—98) о славяно-ятвяжском пограничье.

В ежегоднике помещены значительные работы, содержащие археологическую характеристику этих земель «римского периода» и «периода переселения народов»: статьи эстонской исследовательницы М. Шмидехельм о Галиндии (I, s. 25—35), Я. Ясканиса о Ятвягии (I, s. 49—63), В. Дыновского о задачах этнографического исследования Подляшья (I, s. 177—182), а также общие археологические обзоры исследований последних лет — П. Куликаускаса (II, s. 203—259), его же совместно с палеозоологом К. Паавер (II, s. 261—279) — о раскопках в Литве, и К. Мусянович (I, s. 77—85) — о раскопках в Дорогичине на Буге (Польша).

Другая тема — славяно-балтийские исторические связи раскрыта в источниковедческой статье Г. Ловмяньского (I, s. 37—47), где путем кропотливого и тонкого анализа определены племенные названия славян (ставонов) и балтов (галиндов и судинов), встречающиеся в европейской Сарматии александрийского географа Птоломея (II в.) и ставшие ему известными от купцов с янтарного римско-балтийского, а также с балтийско-азовского торговых путей. Развивая мысль Г. Ловмяньского, его ученик Е. Охманьский (III, s. 151—158) считает возможным на основании скупых данных археологии, Птоломея и хроники Генриха говорить о вендском влиянии на формирование литовской народности.

С древним русско-прусским торговым путем, хорошо отраженным в топонимике, связывает появление и датировку новгородской «Прусской улицы» Е. Антоневич (II, s. 7—25), подтверждая тем самым недавние предположения о древних новгородско-прусских связях [4].

---

[2] См. статью Т. Дзержикрай-Рогальского (t. I, s. 65—75). Здесь автор отмечает значение исследований Н. Н. Чебоксарова.

[3] См. В. Т. Пашуто. Аграрный вопрос в России в освещении современной буржуазной историографии.— «Вопросы истории», 1964, № 7, стр. 104—105.

[4] В. Л. Янин. Новгородские посадники. М., 1962, стр. 374; ср. В. Т. Пашуто. Помезания. «Помезанская правда» как исторический источник изу-

К этой же теме примыкают статьи каунасской исследовательницы К. Габрюнайте (II, s. 115—133) о раннесредневековых литовских шлемах русского типа, шведского ученого А. Йохансонса (II, s. 27—52) о сходной трактовке водяного у славян и латгаллов, В. Н. Топорова (III, s. 143—149), филологически подкрепляющего уже высказанный взгляд о сходстве славянской и ятвяжской мифологии, наконец публикация Р. Керсновского (I, s. 87—97), содержащая нумизматический материал; последний автор высказывает методически интересную мысль о том, что ареалы распространения западного и арабского серебра должны находиться во взаимной связи.

Большой мастер конкретного анализа А. Поппэ поместил в ежегоднике любопытную статью об известной на Руси ткани — «вотоле» (II, s. 135—153); вопреки традиции он устанавливает, что так называлась и безрукавная мужская одежда — плащ-накидка и ткань из растительного волокна, не имеющая ничего общего с домотканным сукном, привозимым ганзейскими купцами. Поскольку речь зашла об А. Поппэ, нужно упомянуть, что в ежегоднике опубликована рецензия Н. Н. Воронина и П. А. Раппопорта, весьма высоко оценивающая составленный им терминологический словарь древнерусского строительного дела (II, s. 297—301).

Как видим, ежегодник во всеоружии исторической критики с использованием данных вспомогательных дисциплин освещает догосударственную структуру балтославянского региона. Если обратиться к сравнениям, то можно заметить, что как биологи стремятся проникнуть в ядро клетки, составляющей основной элемент организма, так ранние медиевисты всех профилей стараются постичь структуру племени — основу догосударственного общественного бытия.

Не только этногенетический, но и общественно-политический синтез, в частности, относящийся к генезису классового строя, освещается в ежегоднике; в статье Я. Ясканиса (IV, s. 29—65) содержатся новые данные о погребениях с конями на землях Пруссии и Ятвягии (Судовии); эти погребения указывают на наличие социального расслоения, что убедительно раскрыто в трудах литовских археологов Р. Куликаускене, А. Таутавичюса и др.; весьма ценно исследование Д. и Я. Ясканисов о судавских поселениях (VI, s. 109—150); новый материал содержится в публикациях В. Земляньской-Одоевой о полях погребений в Мазурах (IV, s. 151—157) и В. Шафраньского об укрепленных поселениях пруссов (VI, s. 159—174).

История более поздней колонизации рассматривается в ежегоднике, главным образом, на материалах Подляшья XIV—XVII вв. В статье крупного знатока этой темы И. Висьневского (I, s. 115—136) поднят вопрос о феодальной шляхетской колонизации края мазовецкими князьями. Примечательно, что кроме аллода здесь известен и лен; а система пожалований во многом сходна с практиковавшейся в Литве (more lituanico). Следовательно, отпадает предположение К. Тыменецкого о племенной, дофеодальной основе колонизации этого лесистого края в указанную пору.

К истории заселения Подляшского края относятся статьи С. Александровича, рассматривающего появление городов в XV—XVII вв. (I, s. 137—156) и И. Охманьского — о структуре феодальной собственности в XVI в. (I, s. 157—163). На основе локацийных привилегий С. Александрович фиксирует появление городов, которые делит на королевские и частные, и характеризует их правовые особенности. Используя реестр 1580 г., он определяет численность населения 20 городов, говорит о слабом развитии ремесла, позднем появлении цехов и приходит к выводу, что вокруг среднего размера городов Бельска и Дорогичина не мог сложиться подляшский районный рынок. Этому выводу соответствует и наблюдение И. Охманьского о сильном развитии здесь королевской и магнатской собственности на землю. Предстоит еще изучение иерархической структуры шляхты и определение имущественного и правового положения ее менее состоятельных групп. Оба автора приводят данные о численности городского и сельского населения, беря за основу подсчетов семью или хозяйство. При обсуждении их докладов А. Шчиперским была убедительно доказана важность и такого источника, как метрические книги (I, s. 190—192).

Слабее представлена в ежегоднике тематика нового времени Белостокщины. К ней относится лишь одна статья С. Калябинского (I, s. 165—176) о рабочем движении Белостокщины в 1870—1900 гг., другие статьи по тематике нового времени, хотя тоже интересны, не имеют прямого отношения к истории этого района; это — работы белорусского историка В. И. Мелешко о весьма оживленных торговых связях Могилева с городами Польши и Прибалтики XVI—XVII вв. (II, s. 61—101), Д. Файнхауза о парижском литовско-русском клубе и заграничной деятельности А. Чарторыйского в 1848 г. (II, s. 103—113), основанная на недавно найденном рукописном фонде. Ежегодник не наметил еще конечного хронологического рубежа своих

чения общественного и политического строя Помезании XIII—XIV вв. М., 1955, стр. 20—21.

публикаций, среди которых, вероятно, найдет должное место и историко-революционная тематика новейшего времени. Да и критика методологических и методических основ современной буржуазной историографии, видимо, должна занять достойное место в ежегоднике, где уже помещены критический разбор работы А. Сэнка о возникновении буржуазной республики в Литве (автор А. Деруга, II, s. 303—332) и серия рецензий на издания литовских буржуазных историков-эмигрантов.

Много внимания уделено в ежегоднике вопросам языкознания, в основном ятвяжскому и поятвяжскому периодам (I, s. 197—277); делаются попытки изучения языка древних пруссов (II, s. 53—59) и литовцев (II, s. 177—202). Более широко проблемы языковедения освещены в третьем томе, но суждение о нем мы оставляем специалистам.

Начата ежегодником и историко-библиографическая работа, относящаяся уже не только к Белостокской области, а и к Белоруссии, Литве и Латвии; она включает обзор трудов как марксистских (советских и польских), так и буржуазных авторов; здесь учитываются книги, статьи и публикации по истории, археологии, этнографии, языкознанию, библиографии. Кроме того, время от времени публикуются отчеты о деятельности общества, о научных съездах и т. п.

Систематические исследования Белостокского края, проводимые Ятвяжской комплексной экспедицией, ставят целью регистрацию всех сохранившихся архивных актов, относящихся к Августовскому, Сейнейскому и Сувалкскому повятам. Экспедиция успешно ведет эту работу. Заселение, колонизация этого края — в центре внимания экспедиции. В перспективе из суммы исследований, опубликованных за последние годы, в ежегоднике и вне его, вырисовывается обобщающий труд по истории Белостокской области ятвяжского, литовского, белорусского и польского этнических периодов, по истории его колонизации в рамках этапов феодальной формации. Пожелаем польским коллегам самых больших успехов в создании такого труда.

В. Т. Пашуто,
М. А. Ючас

«Dějiny česko-ruských vztahů. 1770—1917». Praha, Akademia, 1967, 406 s.

«История чешско-русских связей. 1770—1917 гг.»

Исследование подготовлено коллективом научных сотрудников Института истории европейских социалистических стран Чехословацкой академии наук; оно составляет первый том обобщающего труда «История чехословацко-советских связей в новое и новейшее время». Книга состоит из 10 глав, написанных Мирославом Бидласом, Вацлавом Чейханом, Ладиславом Дворжаком, Карелом Германом, Владимиром Гостичкой, Миланом Шванкмайером и Ярославом Ваврой. Научное редактирование тома осуществлено акад. Й. Мацеком.

Определяя задачи издания, его редактор В. Чейхан отмечает, что «это — попытка осмыслить развитие нашей нации с точки зрения той роли, которую играли связи нашей нации с царской Россией в ранний период освободительной борьбы нашего народа до Великой Октябрьской социалистической революции, т. е. с конца XVIII в. до 1917 г. В работу включены также очерки истории связей нашей нации с украинцами в пределах бывшей габсбургской австро-венгерской монархии в XIX в.» (стр. 5).

Монография в целом строится согласно общепринятой исторической периодизации с необходимыми отступлениями, которые вызваны конкретными особенностями исторического развития чешско-русских связей. Следует отметить, что отступления эти в основном касаются ее крайних хронологических граней. Во-первых, начало эпохи национального Возрождения датируется 1770 г., поскольку авторы сочли необходимым коснуться проблем чешско-русских связей в период крестьянского восстания в Чехии (1775 г.). Такое решение вопроса, на наш взгляд, вполне правомерно, особенно если учесть крайне относительный характер традиционного рубежа, отделяющего национальное Возрождение от «эпохи тьмы». В сущности, оживление идейно-политической деятельности в чешском обществе началось не с периода реформ Иосифа II, а гораздо раньше — в 70-е годы и даже, может быть, в конце 60-х годов XVIII в. Так что новые явления в чешско-русских взаимоотношениях, относимые авторами тома к 70-м годам, были не столько отступлениями от общего хода исторического развития, сколько неотрывной составной частью тех медленных качественных изменений в общественно-культурной и идейной жизни Чешских земель, которые, в частности, подготовили и реформы начала 80-х годов. Во-вторых, столь же обоснованно том заканчивается событиями не 1918 года — года возникновения независимой Чехии, а 1917 года — года Великой Октябрьской социалистической революции, сыгравшей столь значительную роль в достижении народами Чехословакии своей независимости.

В 10 главах тома рассмотрены соот-

ветственно следующие проблемы: «Чешско-русские связи 1770—1791 гг.», «Чехия эпохи национального Возрождения и Россия 1792—1806 гг.», «Русофильство эпохи национального Возрождения и Россия в 1806—1815 гг.», «Развитие чешско-русских связей после наполеоновских войн. 1815—1830 гг.», «Чешско-русские связи в эпоху перехода к капитализму во второй четверти XIX столетия (1830—1849)», «Чешско-русские связи в эпоху развития капитализма и национального движения в Чешских землях (1850—1867)», «Чешско-русские связи в эпоху максимального подъема национального движения (1868—1879)», «Чешско-русские связи в эпоху перехода к империализму (1879—1900)», «Чешско-русские связи в эпоху развития империализма (1900—1914)» и «Чешско-русские связи в эпоху первой мировой войны (1914—1917)». Перечень глав уже свидетельствует о том, что авторским коллективом охвачен широкий по времени круг проблем чешско-русских связей. В сущности, рассматриваемый труд является первым в марксистской исторической науке обобщающим исследованием истории чешско-русских экономических, политических и культурных связей на протяжении многих десятилетий. И, что особенно ценно, труд этот построен на основе привлечения многообразных источников и литературы — основной библиографии вопроса посвящен специальный раздел, подготовленный В. Чейханом (стр. 367—386).

В отличие от прежних работ сходного содержания, принадлежавших перу авторов, стоявших на буржуазных позициях, рассматриваемый труд от начала до конца пронизан стремлением раскрыть диалектику общественного развития, показать отношение реальных общественных сил и социальных кругов к чешско-русским связям, иными словами — вскрыть социально-политические и классовые корни так называемого русофильства. С подобным стремлением мы встречаемся и при анализе проблем чешско-русских связей в эпоху национального Возрождения и при рассмотрении более поздних периодов, особенно тех десятилетий, когда и в Чешских землях и в России на историческую сцену выступает пролетариат, а затем начинается деятельность В. И. Ленина и основанной им большевистской партии. Весьма существенно и то, что авторы не замыкаются в узком круге изучаемых ими вопросов, а раскрывают их связи с социально-политическим положением в Австрийской монархии, частью которой были Чешские земли, и в России, а равно и дипломатические взаимоотношения между ними. Все это вместе взятое придает труду характер основательного и широко задуманного пособия.

Конечно, многие вопросы, поднимаемые авторами, относятся к числу нерешенных или спорных, и весьма ценно, что содержащиеся в книге наблюдения позволяют подойти к правильному решению их. Здесь в первую очередь следует назвать вопрос об отношении к чешско-русским связям представителей либерального лагеря, начиная с Ф. Палацкого и К. Гавличека. Импонирует попытка авторов подойти к анализу этого, как и многих других вопросов, без предвзятости, на основе конкретного рассмотрения материала. Характеризуя позицию либералов до, во время и после подавления революции 1848—1849 гг., авторы монографии отмечают те или иные сдвиги, вызванные изменением обстановки. Так, если до подавления революции либералы были склонны побаиваться царизма, и не веря в возможность борьбы против него, во всяком случае в ближайшее время, склонились в пользу сотрудничества с венским правительством, то после разгрома революционного движения в Австрии начинают переоценивать свои взгляды на русофильство. Одним из наиболее ярких проявлений этого стала позиция Гавличека, который вновь подчеркивал роль России в судьбах славянских народов. Следует отметить, что в отдельных случаях авторы тяготеют к старым описательным методам. Так, в третьем разделе главы пятой говорится: «С 1830-х гг., чаще чем в 20-е гг. и гораздо больше имели место случаи прямых контактов с русской средой чехов различных специальностей» (стр. 124). Думается, это не совсем верно. То, что в 30-е годы контакты между представителями обоих народов действительно усилились, не подлежит сомнению, точно так же как и то, что в следующие десятилетия они становились глубже. Дело в том, что лишь с 30-х годов поездки чехов в Россию стали приобретать более осмысленный характер: на определенном этапе развития чешского освободительного движения и национальной культуры знакомство чехов с Россией и русской действительностью начинает приобретать общественно-значимое содержание. Как справедливо подчеркивают авторы, П. Шафарик, К. Гавличек и радикальные демократы, кроме России официальной, царской, увидели еще и Россию народную — а увидев ее, отдали ей свои сердца. Именно это определяло весь смысл прогрессивного чешского русофильства 30—40-х годов XIX в.

Нельзя также не отметить и некоторой неровности в подаче материала: главы, посвященные изложению чешско-русских связей до середины XIX в., написаны более подробно, а потому и читаются с бо́льшим интересом, нежели последующие. Однако все это ни в коем случае не умаляет научной ценности рассматриваемого труда.

К несомненным достоинствам книги относится и подбор иллюстративного материала, воспроизведение малоизвестных документов, например отрывка из запрещенной цензурой работы Яна Ганке «Краткая история казаков», написанной им в конце XVIII в. Немало новых материалов встречается и в тексте. Жаль только, что отсутствие ссылок на источники затрудняет использование или проверку цитированных строк. Наконец, не может не удивить совершенно незначительный тираж издания — всего 600 экземпляров!

Выпуском коллективной обзорной монографии по истории чешско-русских связей с конца XVIII в. до Великой Октябрьской социалистической революции Институт истории европейских социалистических стран внес ценный вклад в разработку проблем развития взаимоотношений между народами наших стран.

А. М.

J. PLETERSKI. Narodna in politična zavest na Koroškem. Ljubljana, 1965, 478 s.

Я. ПЛЕТЕРСКИ. Национальное и политическое сознание в Каринтии

Судьба словенской Каринтии уже давно привлекает внимание словенских историков-марксистов. В габсбургской Австрии Каринтия была областью, где германизация проходила наиболее успешно. Так, на референдуме 1920 г. 59,04% всех жителей словенской Каринтии высказалось за присоединение к Австрии и только 40,96% — к Югославии [1]. Интерес к словенской Каринтии усилился в 1945 г., когда Югославия вновь поставила вопрос о воссоединении словенских областей Каринтии со Словенией. В это время появилось несколько работ о каринтийских словенцах. Наиболее интересной из них был «Каринтийский сборник», в который вошли статьи крупнейших словенских ученых: географа Светозара Илешича, историков Милко Коса и Бого Графенауера, филолога Ф. Рамовша, историка литературы Ивана Графенауера и др. Эти статьи касались национального вопроса в словенской Каринтии, германизаторской политики, проводившейся австрийскими правящими кругами, но в них совершенно не затрагивались причины быстрой германизации каринтийских словенцев. Почему же именно каринтийцы оказались наиболее подвержены германизации? По всей вероятности, помимо усиленного германизаторского натиска для этого имелись какие-то другие причины. Этот вопрос и попытался в своей монографии выяснить Я. Плетерски. Его книга охватывает период наиболее сильного национального движения в словенской Каринтии и наиболее жестокого германизаторского натиска (1848—1914 гг.). Она написана на большом документальном материале; в ней широко использована словенская и немецкая пресса того времени.

Основную причину успеха германизации словенской Каринтии Плетерски видит в особенностях ее экономического развития. Северная, немецкая Каринтия была экономически гораздо более развита, чем южная, словенская. В северных районах не существовало крупного помещичьего землевладения, в то время как в южных районах оно преобладало. В связи с общим слабым экономическим развитием южнокаринтийские города росли замедленным темпом. Поэтому избыточное сельское население юга страны направлялось не в них, а в промышленные северные немецкие города, где довольно быстро ассимилировалось. В свою очередь южнокаринтийские города, лишенные притока рабочих рук из сельской словенской округи, оставались по своему характеру в основном немецкими. Своеобразие экономического развития словенской Каринтии привело к тому, что в ней не сформировалась словенская буржуазия. Словенцы-буржуа обычно отказывались от своей национальности.

По мнению Я. Плетерского, были и субъективные факторы, содействовавшие германизации словенского населения Каринтии, важнейшим из которых автор считает особенности словенского национального движения. Он отмечает, что этим движением в основном руководили консерваторы, представлявшие интересы духовенства и среднего крестьянства. Попытка либералов, выражавших взгляды нарождавшейся словенской буржуазии, взять на себя политическое руководство движением не увенчалась успехом. Что же касается социал-демократов, то они, полностью разделяя господствовавшие тогда в партиях II Интернационала взгляды, не уделяли внимания национальному вопросу, считая его делом буржуазии. В результате словенское национальное движение в Каринтии оказалось связанным не с буржуазией и пролетариатом, а с духовенством и крестьянством. В этом заключалась главная причина его безуспешности. Многие из представителей словенской буржуазии отошли от словенского национального движения в силу его консервативности, противодействия всяким либеральным веяниям.

В этой связи по-новому оценивает Я. Плетерски и деятельность вождя карин

[1] «Koroški zbornik». Ljubljana, 1946, s. 246.

тийских словенцев в 60—80 годы XIX в. Андрея Эйнштиллера. Если И. Приятель, а вслед за ним и некоторые современные словенские историки относили А. Эйнштиллера вместе с М. Маяром, Д. Трстеняком, Б. Ранчем и другими к группе либеральных католиков, то Плетерски убедительно показал, что, несмотря на ряд выдвигаемых Эйнштиллером прогрессивных требований, он был консерватором в полном смысле этого слова. Эйнштиллер искал союзников национальному движению каринтийских словенцев в лице местных немецких консервативных кругов, выражавших интересы помещиков и духовенства, а не в национальном движении словенцев соседних провинций. Деятельность Эйнштиллера препятствовала созданию независимой национальной словенской организации в Каринтии, проведению самостоятельной национальной политики словенцев. М. Маяр в работе Плетерского в отличие от Эйнштиллера выступает как деятель, пытавшийся вместе с другими либерально настроенными словенцами укрепить самостоятельную политическую организацию в Каринтии — «Трдняву», которая боролась за проведение в жизнь программы «Объединенной Словении».

С интересом читаются страницы монографии, посвященные тактике германизаторов в Каринтии. Немецкие либералы в Каринтии в период подъема словенского национального движения (конец 60-х — 70-е годы) открыто не выступали против словенцев, на предвыборных собраниях даже поддерживали их право на родной язык. Вместе с тем немецкие либералы подчеркивали, что прогрессивные словенцы должны выступать в союзе с ними, объясняя это консервативностью словенского национального движения. В связи с этим в стране появилась довольно многочисленная категория словенцев, «настроенных доброжелательно по отношению к немцам». Я. Плетерски рассматривает их идеологию в специальной главе и приходит к выводу, что основными отличительными чертами ее являлись: 1) противопоставление словенского консерватизма немецкому либерализму; 2) подчеркивание заслуг немцев в развитии Словении; 3) подчеркивание при всем этом любви к словенскому языку. Характерно, что немецкие газеты, не желая затрагивать национальные чувства словенцев, частенько пропагандировали не немецкий, не словенский, а каринтийский патриотизм. Автор отмечает, что в конце 70—80-х годов многие богатые словенцы, активно участвовавшие в таборском движении, переходят в лагерь немецких либералов. Этому способствовал и факт создания немецкого либерального «Крестьянского союза», который представлял интересы зажиточного крестьянства.

Три главы книги Плетерского посвящены анализу развития словенского национального сознания в Каринтии на основе материалов выборов с 1861 по 1914 годы. Автор отмечает здесь, что в редких случаях, когда словенские национальные деятели объединялись с социал-демократами, им удавалось добиваться избрания своих депутатов, несмотря на противодействие немецких либералов. Интересна и еще одна немаловажная деталь, подчеркиваемая Плетерским: за словенских национальных деятелей голосовало прежде всего среднее крестьянство. Зажиточные крестьяне и неимущие слои поддерживали как правило немецких либералов. Первые это делали в силу того, что социальная программа либералов более соответствовала их частнособственническим стремлениям, а вторые — потому, что зависели от своих работодателей, немецких или пронемецки настроенных представителей сельской и городской буржуазии. Таким образом опора словенских национальных деятелей с развитием капитализма в деревне все более уменьшалась.

К сожалению, Я. Плетерски слабо использует архивный материал. В книге мало уделено внимания деятельности словенского политического общества в Каринтии «Трдняви». Переход его в руки клерикалов объяснен несколько упрощенно — отъездом его руководителя Альбина Позника из Каринтии. Но он уехал в 1871 г., а в 1873 г., т. е. спустя два года, такие видные либеральные деятели Каринтии, как М. Маяр и учитель Ф. Вигеле вели упорную и небезуспешную борьбу против клерикализации общества. Слабо освещена и деятельность других словенских национальных организаций в Каринтии, в частности «Политического и экономического общества словенцев-католиков». Наконец, Плетерски практически оставил открытым вопрос о том, почему словенская буржуазия в Каринтии не превратилась в политическую силу. Ведь при сходных объективных условиях в словенской Штирии образовалась сильная прослойка словенской буржуазии, которая задавала тон всему либеральному движению в словенских землях. Очевидно, этот вопрос можно решить только при детальном сопоставлении социально-экономических и политических условий в словенской Каринтии и Штирии.

Перечисленные недостатки не могут умалить главного достоинства книги — она является первой серьезной научной попыткой выявить и объяснить причины успехов германизаторской политики в словенской Каринтии. И хотя еще не все ясно в этом вопросе, но пути его решения, на наш взгляд, намечены верно.

И. В. Чуркина

К ИСТОРИИ КРЕСТЬЯНСКОЙ РЕФОРМЫ 1864 г. В КОРОЛЕВСТВЕ ПОЛЬСКОМ

«Исследования и материалы по истории Лодзи и Лодзинского округа»[1], вышедшие под редакцией известного польского историка Гелены Бродовской, в основном посвящены крестьянской реформе 1864 г. Они открываются статьей Г. Бродовской «Ликвидация феодальных отношений в Королевстве Польском (проблематика и ее изучение)», в которой рассматриваются марксистские работы по истории крестьянской реформы и подводятся некоторые итоги изучения этой проблемы. Автор обращает внимание на малоисследованные или спорные вопросы — о первоначальном накоплении капитала, социальном расслоении крестьян, формировании сельскохозяйственного пролетариата, уровне технического прогресса в земледелии — и констатирует, что точки зрения по ним в ходе продолжающейся дискуссии значительно сблизились. В заключении статьи указывается на важность общих и региональных исследований, позволяющих всесторонне и глубже осветить изменения в аграрном строе Польши в переходный период от феодализма к капитализму.

Статья Збигнева Станкевича «Принципы аграрной реформы в Королевстве Польском» дает представление о развитии аграрного законодательства с 1807 по 1864 год. Разделяя мнение С. Сренёвского о том, что превращение крестьян в собственников надельной земли по существу являлось длительным процессом формирования капиталистической аграрной структуры, автор анализирует правовые нормы и отмечает их роль в создании новых поземельных отношений. Большое внимание уделяется очиншеванию казенных и помещичьих крестьян, меры Земледельческого общества и повстанческих властей рассматриваются как общественная инициатива в области аграрных преобразований. Показывая преемственность в развитии правовых норм, автор вместе с тем выявляет и новые положения, зафиксированные в указах 1864 г. В законодательной деятельности властей Королевства Польского до 1846 г. и даже до 60-х гг. З. Станкевич видит тенденцию к восстановлению (nawrót do restytucji) по крайней мере некоторых атрибутов феодальной собственности (стр. 25). Нам кажется, что такая тенденция была не единственной и даже в ряде актов не главной чертой законодательства той поры, обусловленного процессом разложения феодализма и развития капиталистических отношений. Во второй статье З. Станкевича «Из проблематики реализации законодательства о сервитутах» освещаются вопросы определения размера сервитутов, восстановления незаконно упраздненных сервитутных прав и борьбы крестьян за сервитуты. Приводимые автором данные свидетельствуют об ускоренном процессе ликвидации сервитутов в промышленно развитых районах.

Другие работы сборника имеют региональный характер. Чеслава Огрызко-Влодарская в статьях «Наделы крестьян в Томашовских владениях во время реформы» и «Безземельное население в Пётрковском и Радомщанском повятах в период реформы» рассматривает перемены, происшедшие в землепользовании и положении крестьян в результате проведения реформы 1864 г. в указанных местностях. Анализ поземельных отношений в Томашовских владениях ясно показывает различия в аграрном строе казенной и помещичьей деревни. Обстоятельно разработан и вопрос о наделении землей безземельных крестьян.

В работе Яцека Сташалковского «Крестьянское землевладение в окрестностях Озоркова в 1846—1870 гг.» характеризуются результаты реформы в 24 деревнях Ленчицкого повята. Автор констатирует увеличение крестьянского землепользования и существенные изменения в аграрной структуре деревни. Статья Мечислава Бандурки «Из истории борьбы за сервитуты в Пётрковской губернии после реформы» содержит новые материалы о крестьянском движении в связи с ограничением и ликвидацией сервитутов. Юзеф Смяловский в работе «Упразднение вотчинных отношений в городах Калишской губернии» освещает вопрос о наделении землей мещан. Отмечая особенности поземельного устройства мещан, автор связывает их с репрессиями правительства в отношении городского населения и поворотом к реакции. В статье Витольда Новоша «Развитие техники в сельском хозяйстве Лодзинского округа» затрагивается интересная проблема о связи процесса ликвидации феодализма с техническим прогрессом сельского хозяйства. Прогресс в земледелии характеризуется главным образом изменениями орудий труда и введением новых культур. С ликвидацией феодализма расширяется использование машин в средних и мелких фольварках, что же касается крестьянского хозяйства, то существенных перемен в нем на первых порах не обнаруживается.

Работы Болеслава Пэлки «Процесс превращения подлодзинской деревни Видзев в рабочий район города» и Г. Бро-

[1] Studia i materiały do dziejów Łodzi i okręgu Łódzkiego. Uwłaszczenie chłopów i mieszczan — rolników. Pod red. Heleny Brodowskiej. Łódź, 1966, 388 s.

довской «Капиталистические преобразования в подлодзинских деревнях гмины *Хойны*», связанные в определенной мере с проблематикой сборника, ставят новые и важные вопросы о пореформенном развитии деревень, расположенных вблизи крупного промышленного города. В первом случае речь идет о бывшей казенной очиншованной деревне, во втором — о бывшем помещичьем фольварочно-барщинном владении. Как показывают исследования, вследствие ряда обстоятельств в этих деревнях не получила заметного развития тенденция к интенсификации хозяйства, напротив, происходило постепенное свертывание земледелия и указанные поселения приобретали черты промышленно ремесленных предместий. Представляют интерес и наблюдения демографического характера. В сборнике публикуются документы по истории Балут, ставших одним из районов города Лодзи.

В целом сборник содержит немало новых материалов и выводов о проведении крестьянской реформы и развитии капитализма в сельском хозяйстве Лодзинского округа, во многом обогащающих знания в этой области и имеющих существенное значение для дальнейшего изучения данной проблемы.

И. Костюшко

ПОЛЬСКИЕ ЛИТЕРАТУРНЫЕ ИЗДАНИЯ В РОССИИ

Автор книги, о которой пойдет речь,— Мечислав Инглот, известный своими неутомимыми изысканиями в области польской литературы и журналистики первой половины XIX в. Для советского читателя труды М. Инглота, кроме прочего, интересны и тем, что они посвящены в основном истории польской журналистики, развивавшейся в Литве, на Украине, в Белоруссии и в культурных центрах России. Одна из таких книг польского исследователя — «Литературные взгляды петербургской котерии в 1841—1843 гг.» — уже была отмечена в нашей печати [1]. Обстоятельность пытливого исследователя и объективность добросовестного историка, прекрасно отдающего себе отчет и в классовых стремлениях польского дворянства и в сложности трагически запутанных национальных отношений изучаемой эпохи,— вот что подкупает в трудах М. Инглота. Сказанное полностью относится и к его последней монографии «Польские литературные журналы в России в 1832—1851 годах», вышедшей в серийном издании Отдела по истории польской периодики XIX и XX веков Польской академии наук [2].

Не считая «Тыгодника Петерсбургского» и «Баламута Петерсбургского» — двух журналов, которые рассматривались в его прежних монографиях и поэтому здесь оцениваются лишь в общей форме,— новая книга М. Инглота охватывает около 180 томов 26 изданий, выходивших на протяжении 20 лет. Все или почти все они стали ныне уже библиографической редкостью, а иные из них уцелели лишь в единичных некомплектных экземплярах, практически недоступных исследователям. Если добавить к этому огромный архивный материал, извлеченный из хранилищ Вильнюса, Ленинграда и других городов, то нетрудно представить себе объем работы, выполненной автором, и ее особую научную ценность.

По возможности строго соблюдая все специфические требования, предъявляемые к историкам прессы, М. Инглот подробно излагает историю рассматриваемых им журналов, новогодников и альманахов; анализирует их программы и состав читателей; характеризует личность редакторов и издателей, их идеологическую ориентацию, их борьбу с цензурой и т. д. При этом особое внимание уделяется анализу литературно-художественной проблематики — отчасти по той причине, что беллетристика в этих изданиях превалировала над остальными разделами, а главное потому, что книга М. Инглота рассчитана в основном на литературоведов. Учитывая запросы последних, польский ученый обстоятельно освещает борьбу различных литературно-критических тенденций и эстетических течений, историю литературных связей, развитие жанров и т. д. Рассказывая об условиях идейно-литературной борьбы на литовско-русских землях, где после восстания 1830 г. господствовала клерикально-аристократическая идеология, М. Инглот отмечает и две региональные особенности, характерные для польской литературной жизни этой провинции: слабое развитие романтической поэзии, представленной здесь в основном эпигонами, и устойчивость польских традиций эпохи Просвещения. Причем, если «Баламут», а еще в большей мере сатирический виленский журнал «Свистэк», развивая применительно к новым условиям лучшие

[1] См. «Краткие сообщения Института славяноведения АН СССР», 1964, № 42.

[2] M. Inglot. Polskie czasopisma literackie ziem litewsko-ruskich w latach 1832—1851. Państwowe wydawnictwo naukowe. Warszawa, 1966, 376 s.

просветительские идеи, тяготели к реализму, то «Эгида» и отчасти «Визерунки», по наблюдениям автора, продолжали наихудшие традиции польского классицизма 1815—1830 гг.

Бесспорный заслугой М. Инглота является развернутое монографическое обозрение журнала Ю. И. Крашевского «Атенеум» (1841—1851); киевской «Гвязды» (1846—1849), служившей органом радикальной интеллигенции (А. Марцинковский, Я. Юркевич, З. Фиш и др.); двух изданий Р. Подбереского «Рочник литерацки» (1843—1849) и «Паментник науково-литерацки» (1849—1850) и т. д. Из литераторов полнее всего охарактеризованы наиболее выдающиеся: Ю. И. Крашевский, Ю. Коженевский, В. Сырокомля, Г. Жевуский, Л. Штырмер и М. Грабовский. Однако на страницах обозреваемой прессы гораздо чаще мелькали имена писателей и критиков, ныне уже забытых, хотя в свое время они играли немаловажную роль в литературном процессе. Учитывая последнее, М. Инглот уделяет достаточное внимание и этим скромным труженикам пера: он старается как можно колоритнее охарактеризовать их облик, познакомить читателя с содержанием их сочинений и определить их место в борьбе литературных сил. Все это существенно дополняет наше представление о тогдашней польской литературе. Вместе с тем в книге М. Инглота дается решение и ряда частных вопросов, из которых отметим лишь наиболее значительные.

Характеризуя издательскую деятельность Крашевского, М. Инглот в сущности впервые удовлетворительно осветил его отношения с петербургской котерией — одну из самых неясных страниц в биографии знаменитого писателя. Тем самым он заложил основу для более глубокого понимания идейной позиции Крашевского в период редактирования журнала «Атенеум», а стало быть, и для углубленной интерпретации его творчества. Жаль только, что польский ученый не учел надлежащим образом реакции Крашевского на крестьянское восстание в Галиции.

Русского читателя, несомненно, заинтересуют в книге М. Инглота страницы, посвященные польским союзникам В. Г. Белинского и, в частности, их спорам вокруг «натуральной школы». Указывая на то, что романтизм и реализм — вследствие различных исторических задач и разных путей литературного развития — имели неодинаковое значение для Польши и России, М. Инглот совершенно справедливо констатирует: «Спор польских приверженцев „натуральной школы" с романтическим эпигонством, а затем с романтическими приверженцами „идеалов и карикатур" на страницах „Гвязды" и „Паментника" был дискуссией внутри прогрессивного лагеря» (стр. 309).

Историки белорусской литературы найдут здесь небезынтересные данные о журнале «Рубон» и новогоднике Яна Барщевского «Незабудка», проливающие свет, кстати сказать, и на спорный вопрос об идеологической ориентации ее издателя.

Украинские литературоведы, наверное, обратят внимание на характеристику киевской «Гвязды» и новогодника «Боян», в котором украинской тематике отводилось значительное место, а также на оценку деятельности Р. Подбереского, предоставившего страницы своих изданий сотрудникам запрещенной «Гвязды».

Известный интерес представляют и наблюдения автора над различными тенденциями использования в творчестве польских писателей белорусского, украинского, литовского и латышского фольклора.

В конце книги, кроме именного указателя, резюме на английском языке и библиографии работ, среди которых значатся также труды белорусских, украинских и русских ученых, приводятся специальные таблицы, отражающие социальный состав подписчиков и изменение процентного соотношения различных читательских прослоек, что позволяет судить о популярности отдельных изданий или же, наоборот, о потере ими своего престижа среди польских читателей.

В целом книга Мечислава Инглота, отличающаяся стройной архитектоникой и логической последовательностью, богатая новыми материалами, наблюдениями и мыслями, достойна внимания не только польских, но и советских историков культуры, как труд, значительно продвинувший разработку проблемы развития польской литературы и журналистики в России.

И. К. Горский

СБОРНИК ПАМЯТИ ИШТВА́НА КНИЕЖИ

Славяноведение в Венгрии — это не просто одна из отраслей иноязычной филологии. Исторические судьбы венгров, их многовековой контакт с соседними славянами обусловили глубокое взаимодействие этих народов в области языка и культуры. Поэтому сведения по славистике всегда составляли часть научного багажа специалистов по венгерскому языку. До сих пор сохраняют

свою силу слова И. В. Ягича о том, что «в Будапештском, Букарештском и Ясском университетах славянские кафедры считаются подспорьем для мадьярской и румынской филологии, без которого нельзя им даже обойтись» [1].

О широких возможностях «славяно-венгерской филологии» свидетельствует и весь творческий путь крупнейшего венгерского слависта акад. Иштвана Книежи (1898—1965), памяти которого был посвящен XII том академического журнала венгерских славистов [2]. И. Книежа был не только славист, но и специалист по венгерскому языку. Благодаря такому сочетанию основных (но вовсе не единственных) сторон его специальных знаний, а также его блестящим способностям, научная деятельность И. Книежи отличалась не только широким тематическим охватом, но и методологически весьма поучительным комплексным подходом к ряду сложных вопросов науки. В его исследовательской, научно-организаторской и педагогической деятельности выделялись, в основном, следующие области: 1) славяно-венгерские лексические связи, 2) топонимика и гидронимика Венгрии и Карпатского ареала и, соответственно, история этнического состава данного района Средней Европы, 3) славянские говоры и славянские языковые памятники в Венгрии, 4) общие вопросы славянского языкознания (сравнительно-историческая грамматика славянских языков, славянская акцентология, старославянский язык) и 5) история венгерской орфографии [3].

Как указано в вводном замечании к рецензируемому тому, редакция «Studia Slavica» решила почтить память первого редактора журнала, пригласив к участию в сборнике в первую очередь тех специалистов, которые работают в области одной из научных дисциплин, общей с кругом интересов И. Книежи. В числе 59 авторов мы находим рядом с венгерскими исследователями представителей 11 стран, в том числе и некоторых виднейших деятелей мировой славистики, что свидетельствует о широкой международной известности и авторитете покойного старейшины венгерских славистов.

Для настоящего, по необходимости беглого, обзора, мы распределили материал тома, в основном, по вышеназванным областям научных интересов И. Книежи. Главным трудом ученого и, в частности, его разысканий в области славяно-венгерских языковых связей, явилась его крупная монография «Славянские заимствования в венгерском языке», к сожалению, оставшаяся незавершенной [4].

Первый том этого труда представляет собой этимологический словарь заимствований и содержит свыше 2000 заглавных слов, распределенных по трем разделам: слова несомненно славянского происхождения; слова, славянское происхождение которых можно считать спорным; слова, которым в предшествующей литературе ошибочно приписывалось славянское происхождение. Такое распределение материала оказало весьма стимулирующее влияние для дальнейших этимологических разысканий. И в настоящем сборнике мы находим ряд статей с дополнениями или уточнениями к этимологии некоторых слов. Это заметки Л. Бенке, К. Моллан, Э. Урхеди. Л. Киш прослеживает путь проникновения словацкого слова *víla* 'русалка' в венгерский язык. Э. Мор доказывает, вопреки мнению И. Книежи, древнечешское происхождение венгерских слов *zsoltár* 'псалом', *könyv* 'книга', *mise* 'месса, служба', *kehely* 'потир', *barát* 'монах'. Р. Отн очерчивает семантическое развитие венг. *munka* 'труд, работа'. Л. Лигети устанавливает общее тюркское происхождение для русск.-перк.-слав. *бельчюгъ*, рум. *belciug*, венг. *bilincs* 'кандалы'. В статье Г. Михаилэ дана семантическая классификация общих румынских и венгерских слов южнославянского происхождения. Вопросу румыно-венгерских лексических связей посвящены и статьи А. Т. Сабо и Л. Тамаша. Ст. Урбаньчик пишет о польских названиях венгров. К этой же группе работ примыкают этимологические заметки Г. Барци и И. Фодора.

Топонимическая тематика представлена в сборнике заметками И. Дуриданова о следах общеслав. **Perynъ* в славянской топонимии, С. Роспонда — о происхождении топонима *Buda* (*Budapest*), Р. Фишера — об интерпретации славяно-немецких топонимов смешанного типа, Б. Калмана — о толковании некоторых венгерских топонимов. Сюда же относятся статьи об истории заселения и этнического состава различных территорий. Д. Пайж раскрывает связь между поселением валлонских и французских переселенцев в районе Дьюлафехервар (Трансильвания) в XII—XIV вв. и распространением в этой же области легенды о Прекрасной Елене. Э. Фюгеди изучает демографическое развитие четырех словацких селений в горах Пилиш.

---

[1] И. В. Ягич. История славянской филологии. СПб., 1910, стр. 880.

[2] «Studia Slavica», t. XII, Budapest, 1966, 482 p.

[3] Подробнее см.: L. Hadrovics. Stefan Kniezsa 60 Jahre alt. — «Studia Slavica», t. V, 1959; Э. Балецкий. Иштван Книежа (1898—1965). — «Studia Slavica», t. XI, 1965; L. Hadrovics. Das Leben und Wirken von István Kniezsa. — «Studia Slavica», t. XII.

[4] I. Kniezsa. A magyar nyelv szláv jövevényszavai. I. Budapest, 1955.

Работа по составлению атласа славянских говоров на территории Венгрии велась в течение многих лет под непосредственным руководством И. Книежи. Описанию этих говоров посвящены в сборнике статьи Ф. Грегора об отражении венгерских звуков в словацком говоре с. Пилишсанто, П. Ивича — о сербском говоре с. Ловра (венг. *Lórév*) на юге острова Чепел, П. Кирая — о языковых особенностях польско-словацкого переходного говора с. Деренк в комитате Боршод.

И. Книежа возглавлял в течение почти 25 лет кафедру славянской филологии в Будапештском университете, где он читал курсы по старославянскому языку, сравнительно-исторической грамматике славянских языков, исторической грамматике польского и чешского языков и др. Эти отрасли славистики также нашли отражение в статьях венгерских и зарубежных лингвистов. Й. Домбровски занимается вы снением первичного значения индоевропейского глагольного корня **es-*(ст.-слав. ѥсмь). Й. Кноблох приводит доказательства в пользу того, что слова **stьklo*, **penędzь*, **postiti sę*, **crьky*, **poръ* проникли из германского в общеславянский через франкское, а не готское посредничество. М. Петером ставится вопрос об истоках параллелизма глагольных приставок *вы-* и *из-* в славянских языках. З. Хауптова пишет об аналитическом выражении категории многократности в старославянском языке. В заметке Ф. Славского показано значение древнеславянских текстов для восстановления первичной мотивировки семантики некоторых слов. Л. Галди рассматривает славянские элементы в румынском литературном языке XVI в. на основе сопоставительного изучения библейских переводов. Н. Мольнар сообщает о переводах церковнославянских литургических текстов на венгерский язык. Д. Хазаи публикует текст православного вероисповедания на турецком языке в кириллической транскрипции, составленной в середине XIX в. Ряд статей посвящен восточнославянским языкам. В заметке В. И. Борковского говорится об одной разновидности безличных предложений в памятниках восточнославянской письменности. И. Ботош изучает вопрос о появлении мягких заднеязычных согласных в древнерусском языке. В статье В. В. Виноградова прослеживаются процессы развития и разрушения омонимии в кругу соотносительных русизмов и древнеславянизмов. Попытка систематизации пространственных обстоятельственных отношений в современном русском языке предпринята в статье И. Пете. И. Х. Тот изучает историю распространения падежных окончаний *-ам*, *-ами*, *-ах* на материале псковских летописных сводов XV—XVII вв. Б. О. Унбегаун разъясняет происхождение русских фамилий с окончанием на *-аго*. Р. Якобсон устанавливает закономерности соотношения между морфонематическим составом глагольных основ и их видовой принадлежностью. В заметках Ф. Ковача и К. Редеи даются материалы к русско-маньсийским и русско-ненецким языковым связям. Вопросы лексики украинского языка трактуются в трех статьях: Э. Балецкий рассматривает на материале карпатских говоров названия профессий, возникшие из разных этнонимов, И. А. Дзендзелевский — украинские названия острова на реке, Л. Дэже — лексику сельского хозяйства и промышленности в закарпатской деловой письменности XVII—XVIII вв. Несколько статей посвящено западнославянским языкам. Л. Дэме подвергает статистическому исследованию слоги со слогообразующим согласным в чешском и словацком языках. Э. Паулини пишет об отмирании звательной формы в словацком языке, Я. Станислав — о конструкциях с винительным самостоятельным и дательным притяжательным в словацком языке. А. Андьял и И. Шипош публикуют материалы к истории словацкого литературного языка. Южнославянская тематика представлена сообщением Ст. Стойкова о вокализме родопских говоров болгарского языка и заметкой А. Ва[illegible]ана об этимологии сербск.-хорв. *трӓтор* ‘амарант’.

В течение ряда лет акад. И. Книежа читал обзорный университетский курс «Славянские народы и языки», в котором давал, между прочим, и сжатый обзор истории и литературы отдельных славянских народов (обычно до начала XIX в.). Об интересах ученого в этой области напоминают несколько статей по истории и истории литературы. Ж. Зельдхейи указывает на сходные и отличительные черты в изображении декабристов в венгерской, немецкой, польской и французской литературах. И. Пот сообщает о постановке пьесы Й. Ст. Поповича «Смерть Стефана Дечанского» в венгерских театрах. Л. Сиклаи пишет о словацких народных песнях, опубликованных в 1840 г. в немецком переводе в газете «Pesther Tageblatt». В статье Э. Нидерхаузера характеризуется трактовка гуситского движения в трудах чешского историка К. Крофты. Й. Перени публикует письма турецких пашей XVI в., написанные на хорватском языке.

Поскольку И. Книежа был также крупным специалистом по истории венгерской орфографии, в сборник вошло несколько статей и по этой тематике, авторами которых являются Й. Беррар, Л. Пап, И. Сатмари и П. Фабиан.

Сборник открывается статьей главного редактора «Studia Slavica» Л. Хадровича о жизни и творчестве И. Книежи и заключается библиографией его научных трудов, составленной Э. Балецким.

Михай Петер

М. МЛАДЕНОВ. Ихтиманският говор. София, 1966, 196 стр. (Трудове по българска диалектология, кн. 2)

М. МЛАДЕНОВ. Ихтиманский говор

Вышедшая в серии «Труды по болгарской диалектологии» книга М. Младенова «Ихтиманский говор» представляет собой монографическое описание одного из малоизвестных современных западноболгарских диалектов. Монография состоит из шести разделов, в которых на основе собранного автором значительного по объему материала детально исследуется состояние фонетической, морфологической, словообразовательной, акцентологической и синтаксической систем ихтиманского диалекта. В этой серьезной и интересной работе М. Младенов стремится дать полное синхронное описание диалектной системы, удачно применяя в ряде случаев новые в диалектологии методы исследования.

В первом разделе («Введение», стр. 7—20) М. Младенов определяет метод и принципы анализа диалектного материала. «Ихтиманский говор» как самостоятельный территориальный диалект, на котором говорят жители 24 населенных пунктов бывших Ихтиманской и частично Пазарджикской околий, выделяется им на базе лингвистических, географических и этнографических данных (стр. 8—18). Помещенные в этом разделе таблицы основных различительных черт между ихтиманским и соседними с ним софийским, самоковским и панагюрским диалектами помогают определить место, которое занимает «ихтиманский говор» среди других диалектов болгарского языка.

Успешное решение проблемы выделения отдельных диалектов [1](или шире— проблемы диалектного членения) зависит не только от наличия большого фактического материала, но в значительной мере и от четкости исходных теоретических позиций в понимании *территориального диалекта* (или *говора*, по терминологии болгарских лингвистов) и критериев его выделения. К сожалению, приходится констатировать, что критерии выделения М. Младеновым «ихтиманского говора» как самостоятельного и противостоящего другим диалектам не совсем ясны.

Автор монографии исходит из правильного положения о том, что «говор — это такая языковая единица, которая по совокупности своих фонетических, морфологических, акцентных, словообразовательных, лексических и синтаксических черт отличается неповторимой индивидуальностью» (стр. 8), и что, следовательно, в любой территориальной точке диалектный язык обладает своей собственной системой. Однако это определение не достаточно для того, чтобы обосновать правомерность выделения данного, конкретного территориального диалекта. Необходима лингвогеографическая интерпретация материала, позволяющая наиболее объективно определить те признаки, на основе которых однородные по этим чертам говоры соседних населенных пунктов объединяются в один территориальный диалект. Данный территориальный диалект отделяется от других диалектов компактным пучком обычно замкнутых изоглосс, который и служит границей этого диалекта.

Территория, занятая «ихтиманским говором», расположена между реками Тополница и Марица и представляет собой идущую с севера на юг полосу, суженную в центре: 6 центральных сел расположены цепочкой вдоль этой полосы, остальные сосредоточены на северной и южной окраинах (см. карту № 2).

В работе М. Младенова лингвогеографическая интерпретация исследуемых явлений по существу отсутствует. В ней имеется лишь одна карта (№ 2), на которой показано всего 6 изоглосс. Границы «ихтиманского говора» проведены М. Младеновым на основе двух единичных изоглосс. Правомерность проведения именно этих, а не иных диалектных границ, недостаточно убедительна. На востоке и юго-востоке границей служит изоглосса членной формы существительных мужского рода *а*||ъ, на западе — изоглосса членной формы существительных мужского рода *а*||*о*; не ясно, на основании каких изоглосс проведена северная граница, так как членная форма *а*, характерная для этого диалекта, распространена и дальше на север [2]. Причем «ихтиманский говор» отграничивается от другой части болгарского языкового континуума не замкнутыми изоглоссами, а лишь частями двух отдельных изоглосс, идущих в разных направлениях. Поэтому на кар-

[1] В настоящей рецензии терминами «говор» и «территориальный диалект» устанавливаются определенные иерархические отношения между диалектными единицами. Говор — это более мелкая единица диалектного членения, в которой реализуется диалектная система (практически и чаще всего это язык одного населенного пункта). Территориальный диалект — это совокупность нескольких говоров, представляющих собой лингвистическое и территориальное единство. В болгарской диалектологии термин «говор» обычно равнозначен нашему термину «территориальный диалект».

[2] См. С. Стойков. Българска диалектология. София, 1962, карта № 3.

те не показаны те явления, которые были бы характерны только для говоров этих населенных пунктов. Как данные карты № 2, на которой четыре изоглоссы (*ножбве* || *ножéве*, *чéрен* || *црън*, *брамбóй* || || *компúр*, *гýшки* || *чáфки*) разрезают всю территорию «ихтиманского говора» на две части—северную и южную, так и подробное описание диалектных различий свидетельствуют о том, что о существовании диалектного единства говоров 24 населенных пунктов говорить довольно трудно. В говорах этих пунктов автором постоянно фиксируются диалектные различия, занимающие важное место в структуре языка. В качестве иллюстрации достаточно привести несколько примеров. Так, в говорах г. Ихтиман и сел Бодрово и Живково находим *шч* вместо *шт*: *башчá*, *кáшча* (стр. 17); в говорах сел Ветрен, Славовица и Г. Вршило на месте **ě* употребляется *ê* вместо *є*: *бêл*, *млêко* (стр. 17); в говорах сел района Ихтиманско поле сочетание *ъл* между согласными произносится как *ъ*: *жът*, *дък* (стр. 24); в говорах сел Г. Василица и Д. Василица на месте сочетания *дн* находим *нн*: *глáнни* (стр. 58); в говорах сел Г. Василица и Голак вместо местоименной формы *нас* употребляется форма *нам* (стр. 75); в говоре с. Вакарел выступает форма будущего времени *ще* + *да* + + глагол (типа *ште да úде*, стр. 85), вместо формы типа *ще* + глагол и т. п. Эти и другие факты свидетельствуют о значительной внутридиалектной дифференциации «ихтиманского говора». Поэтому, на наш взгляд, правильнее было бы назвать исследуемые в монографии говоры 24 населенных пунктов не отдельным, самостоятельным «говором», т. е. территориальным диалектом, а совокупностью говоров соседних сел, границы которой установлены автором в известной мере произвольно.

В разделе «Фонетика» (стр. 21—62) содержится синхронное описание современного состояния звукового состава и фонологической системы «ихтиманского говора». По традиции в этот раздел включены и чередования (стр. 28—29, 40—42). Особое внимание уделяется описанию специфических звуковых явлений, в частности наличию долгих гласных и их фонологической интерпретации. Полезны таблицы дистрибуции отдельных гласных и согласных звуков в «говоре», облегчающие изучение диалектов в типологическом плане. Анализ некоторых языковых явлений автор вполне оправданно переводит в диахронический план (стр. 47—62).

М. Младенов определяет дифференциальные признаки фонем с помощью метода минимальных пар, подсказанного в значительной степени исследованием А. Мартине. Этот метод, еще не ставший общепризнанным в диалектологии, заслуживает всяческого внимания как экономный и удобный способ описания звуковой диалектной системы. Однако применение его М. Младеновым вызывает некоторые замечания. В ряде случаев автор учитывает не все возможные бинарные противопоставления для каждого звука. Это порождает опасность, что пучок различительных признаков, характеризующих данную фонему, может оказаться неполным. Так, в книге убедительно показано, что фонемы [к], [г], [л] (стр. 31, 33) обладают дифференциальным признаком твердости, поскольку в говоре есть соответствующие мягкие фонемы [к'], [г'], [л'], (ср. *лут* — *л'ут*, *гол* — *г'ол*, *куп* — *к'уп*). Фонемы же [б], [м], [т], [н], [в], [с], [з], [р], [ж], по мнению автора, не характеризуются этим признаком, т. е., строго говоря, не являются твердыми фонемами. Между тем на стр. 36 указано, что в говоре есть соответствующие мягкие фонемы («самостоятельные мягкие согласные», по терминологии автора), даны минимальные пары для [н] и [н'], [т] и [т'], [з] и [з'] (*денá* — *ден'á*, *брáта* — *брáт'а*, *лозá* — *лоз'á*) и приведены примеры, свидетельствующие о том, что согласные *б'*, *м'*, *д'*, *в'*, *с'*, *р'*, *ж'* могут употребляться в тех же окружениях, что и *б*, *м*, *д*, *в*, *с*, *р*, *ж*.

Следует также отметить нечеткое определение некоторых терминов и понятий. Не вполне ясно, например, какой смысл вкладывается в понятие «частичный позиционный фонемный пласт». В этот «пласт» в «ихтиманском говоре», по мнению автора, входят все долгие гласные и почти все мягкие согласные, употребление которых ограничено в говоре. Но некоторые другие фонемы (ср. [ц], [s], [х], [ъ]), имеющие также весьма ограниченную сферу употребления, включены почему-то в «основной фонемный пласт» (стр. 39). Не отличается терминологической строгостью и употребление таких слов и словосочетаний, как вокальная система, вокальная фонемная система, гласные, гласные фонемы; мягкие согласные, согласные фонемы, согласные, консонантная система и др. При употреблении в аналогичных контекстах таких терминов, как *вокальная система* и *вокальная фонемная система* (стр. 21), *мягкие согласные и самостоятельные мягкие согласные* (стр. 36), *согласные* и *согласные фонемы* (стр. 39) и др., непонятно, говорится ли в данном случае о звуках или о фонемах. В результате этого в монографии нечетко разграничены фонетический и фонологический планы описания.

Наблюдается и разноплановость в описании гласных и согласных. Так, позиция употребления указывается при анализе гласных, но не указывается при анализе согласных. При описании системы вокализма перед фонологическим

анализом дается звуковая характеристика гласных, описание же консонантизма переводится сразу в фонологический план. Можно отметить и неполноту описываемого материала. Нигде, например, не говорится о месте в диалектной фонологической системе гласного *ё* на месте **ё* (стр. 17, 51).

В разделе «Морфология» (стр. 63—104) М. Младенов пытается дать полный набор форм и категорий «ихтиманского говора». Такое описание, дающее более правильное и объективное представление о морфологической диалектной системе, выгодно отличает его монографию от работ, в которых рассматриваются лишь явления, отличающие говор от литературного языка. К сожалению, в некоторых случаях М. Младенов приводит неполный материал (см., например, раздел «Некоторые особенности грамматического рода» или раздел «Особые случаи употребления членных форм» при отсутствии в работе сформулированных правил употребления членных форм в «ихтиманском говоре»). Не всегда ясны и принципы сравнения диалектного материала с литературным языком: сравниваются ли только явления, не совпадающие с фактами литературного языка, и все ли случаи несовпадения с литературным языком фиксируются автором? Иногда трудно судить и об истинном объеме расхождений между «говором» и литературным языком, так как иллюстративный материал, состоящий, как правило, из нескольких примеров, заключают слова «и другие»

В самостоятельном разделе «Акцентология» (стр. 105—125) исследуется система ударения «ихтиманского говора», совпадающая в целом с юго-западной акцентной системой. Ударение рассматривается здесь в связи со словоизменением и словообразованием, что дает автору возможность сложную систему ударения (особенно в глаголе) свести к нескольким акцентным типам.

В разделе «Словообразование» (стр. 126—174) М. Младенов рассматривает словообразование существительных, прилагательных и глагола, справедливо подчеркивая, что словообразование в структуре языка занимает самостоятельное место. В работе описаны основные семантические группы слов, содержащие словообразовательные элементы, и состав суффиксов и префиксов. Лексико-семантическое взаимодействие между основой и суффиксом существительных показано на четырех таблицах. Эта глава дает достаточно полные сведения о системе словообразовательных средств в «говоре». Однако в некоторых случаях М. Младенов прибегает, на наш взгляд, к неоправданно дробной классификации материала. В разделе «Именное словообразование», например, одни и те же суффиксы с одинаковым или близким значением (ср. суффиксы *-ник*, *-ак*, *-ица*, *-ка* ‖ ‖*-к'а*) приведены в разных подразделах (названия лиц, названия животных, растений и т. п.). Встречаются в работе и частные противоречия. На стр. 126, например, утверждается, что в говорах не может быть продуктивных и непродуктивных словообразовательных формантов, но на стр. 164 отмечается, что глагольный суффикс *-асам* является продуктивным.

В разделе «Синтаксис» (стр. 175—190) характеризуются некоторые особенности диалектного синтаксиса. Описание синтаксиса как определенной системы в диалектологии разработано еще недостаточно. М. Младенов избирает здесь дифференциальный метод описания, рассматривая в основном отличающиеся от литературного языка и специфические для «говора» особенности (например, отсутствие двойного дополнения). Он отмечает в частности такие явления, которые проливают свет на причины распространяющихся в последнее время в литературном языке отклонений от синтаксической нормы (например, особенности выражения дополнения). Раздел монографии, где собраны тонкие наблюдения автора о синтаксисе простого предложения, представляет большой интерес.

При чтении монографических исследований диалектов может возникнуть вопрос: в чем должна заключаться основная ценность работ подобного типа — в теории и методологии, применяемых автором, или в содержащемся в них конкретном материале? Нам кажется, что главным следует признать наличие конкретного материала, описанного таким образом, чтобы было ясно, насколько полно характеризуется этим материалом данное явление. Бесспорно, что теории и методы описания могут быть различными, могут и будут меняться, но достоверный и полный диалектный материал всегда сохранит свою значимость, если четко определенные автором принципы подачи материала последовательно проведены во всей работе.

Оценивая монографию М. Младенова с этой точки зрения, следует признать, что свежий, хорошо собранный диалектный материал, заключенный в ней, представляет несомненную ценность. Однако способы подачи материала в работе нельзя признать удовлетворительными по ряду причин. Прежде всего не всегда можно быть уверенным, что описываемое явление представлено автором в полном объеме и что оно строго локализовано. Стиль описания некоторых явлений как будто бы свидетельствует о том, что автором представлен исчерпывающий материал, тогда как в действительности оказывается, что отдельные факты в работе не упомянуты. Особого замечания за-

служивают и принципы подачи иллюстративного материала. В пределах «ихтиманского говора» существуют варианты некоторых явлений. М. Младенов иногда указывает на внутридиалектные границы того или иного явления, но чаще приводит иллюстративный материал без его локализации, точные сведения о которой особенно необходимы в случаях, когда отмечаются, например, звуковые дублеты слов: ср. *бра́т'а* и *бра́к'а* (стр. 66), *бад'ава́* и *бадл'ава́* (стр. 94). Это, естественно, не может не снижать качества приводимого материала.

В заключение можно отметить, что монография М. Младенова, несмотря на указанные недостатки, является интересным исследованием, из которого диалектологи и историки языка смогут почерпнуть ряд новых сведений о западноболгарском диалекте. Исследование М. Младенова, а также вышедшая ранее в серии «Труды по болгарской диалектологии» монография И. Умленского о кюстендилском говоре и только что опубликованная книга С. Стойкова о банатском говоре, являются значительным вкладом в болгарскую диалектологию.

Т. Попова

НОВЫЙ БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПРАВОЧНИК[1]

В подготовленном сотрудником Института истории европейских социалистических стран ЧСАН Вацлавом Чейханом справочнике дается выборочная тематическая библиография вышедших в 1945—1965 гг. на чешском языке книг и статей чехословацких авторов по истории России и Советского Союза, чешско-русских и чехословацко-советских отношений.

Как указывается во вступительной статье, справочник включает не все работы, касающиеся данной тематики.

Названия многих трудов, носящих либо информационный и пропагандистский характер, либо не представляющих научного интереса, не вошли в справочник[2]. В то же время в нем имеются упоминания о статьях и прочих материалах, которые, хотя по своей тематике и выходят за рамки данной библиографии, в какой-то мере касаются проблем русистики.

Содержащиеся в справочнике материалы распределены по двум большим рубрикам — история России и СССР и история чешско-русских и чехословацко-советских отношений. Первая рубрика содержит разделы по истории России до 1917 г., КПСС с 1917 по 1965, СССР с 1917 по 1965. Здесь, наряду с общими работами, приводятся исследования по отдельным периодам истории Советского государства, труды о выдающихся русских революционерах и деятелях КПСС, о государственных, политических и общественных деятелях, ученых и т. п.

В разделе «КПСС, 1917—1965» большое место занимают исследования и воспоминания, посвященные жизни и деятельности В. И. Ленина, его пребыванию в Праге, Пражской конференции РСДРП 1912 г. и др. В разделе «СССР, 1917—1965», наряду с материалами, относящимися к внутренней истории Советского Союза, представлены работы по внешней политике СССР, международному экономическому сотрудничеству, Совету Экономической Взаимопомощи.

Вторая, бо́льшая по объему, рубрика состоит из разделов по истории чешско-русских отношений до 1918 г., истории чехословацко-советских отношений 1918—1938 гг., 1939—1945 гг. и 1945—1965 гг. Здесь широко представлены работы чехословацких историков, касающиеся связей русского и чешского рабочего движения до 1918 г., исследования по истории Великой Октябрьской социалистической революции и ее влияния на создание самостоятельного Чехословацкого государства, работы, посвященные образованию КПЧ, чехословацко-советским государственным, дипломатическим, культурным и научным связям. В рубрике имеется раздел по истории создания и деятельности Общества экономического и культурного сближения с Новой Россией и Союза друзей СССР, игравших на всем протяжении своей деятельности большую роль в развитии экономических и культурных связей народов Чехословакии и Советского Союза.

Справочник содержит также перечень материалов о проходивших в Чехословакии научных съездах, конференциях и совещаниях по вопросам разработки истории Советского государства и чехословацко-советских отношений.

Составленный В. Чейханом библиографический справочник является весьма ценным изданием. Он свидетельствует о большом внимании к истории России, Советского государства и историческим связям народов СССР и ЧССР со стороны чехословацких историков.

Е. Воробьева

[1] «Bibliografické příručky». Sv. 4. Česká rosika a sovětika. 1945—1965. Část I—II. Sestavil Dr. Václav Čejchan. Praha, 1967.

[2] Из выявленных 9000 названий в справочник включено 2003.

ОБ ИЗДАНИИ СЛАВЯНСКИХ СЛОВАРЕЙ В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ «СОВЕТСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ»

Издание словарей зарубежных славянских языков в Советском Союзе было начато в 30-е годы. Тогда были изданы словари на польском и чешском языках. Словарей на южных славянских языках не было.

Большая работа над славянскими словарями началась в послевоенные годы в Государственном издательстве иностранных и национальных словарей (вошедшем несколько лет назад в издательство «Советская энциклопедия») и особенно после создания в 1957 г. редакции словарей на славянских языках. За 10 лет славянская редакция выпустила переводные двуязычные словари почти на всех славянских языках: польском, чешском, словацком, болгарском, сербско-хорватском, македонском. Украинско- и белорусско-инославянскими словарями редакция не занимается, потому что такие словари издают академии наук Украины и Белоруссии. По просьбе АН БССР был выпущен в 1962 г. Белорусско-русский словарь.

Основным типом словарей, выпускаемых славянской редакцией, являются так называемые средние словари, которые охватывают 40 000—50 000 слов и предназначены для лиц, изучающих данный язык, в частности для студентов языковых факультетов университетов и институтов. Первыми такими словарями были Польско-русский словарь под ред. М. Ф. Розвадовской (около 50 000 слов) и Русско-польский словарь под ред. И. Х. Дворецкого (около 65 000 слов и выражений), изданные вскоре после войны и много раз переиздававшиеся. Эти словари пользуются большим спросом как в СССР, так и в Польше. За истекшие годы они несколько устарели, и в настоящее время подготавливаются новые польские словари среднего типа.

К этому же типу относится и неоднократно переиздававшийся Чешско-русский словарь, составленный А. И. Павловичем (52 000 слов). В прошлом году вышло 5-е издание словаря, значительно переработанное, исправленное и дополненное. В его редактировании активное участие приняли чешские специалисты М. Венцовска и П. Поглей, которые провели большую работу по уточнению словника, переводов и стилистической оценки чешских слов. В этом году должен выйти Русско-чешский словарь (около 45 000 слов), составленный чешским лексикографом Й. Влчеком. Этот словарь по своему содержанию и оформлению материала должен быть парным к Чешско-русскому словарю А. И. Павловича.

В 1963 г. был издан Македонско-русский словарь В. М. Иллич-Свитыча и Д. Толовского под редакцией Н. И. Толстого (30 000 слов). Это — первый македонско-русский словарь, вышедший еще до завершения работы над толковым словарем македонского языка в Югославии.

Десять лет назад был издан Сербско-хорватско-русский словарь И. И. Толстого (50 000 слов), получивший хорошие отзывы в Югославии. В настоящее время редакция работает над подготовкой 3-го издания этого словаря; в частности, уточняется словник, который дополняется современной лексикой, прежде всего хорватской. Этот словарь по своему объему, по охвату лексики и фразеологии уже несколько выходит за рамки словарей среднего типа.

В 1965 г. вышел Русско-сербско-хорватский словарь С. Ивановича и И. Петрановича (38 000 слов), который теперь ежегодно переиздается для Югославии.

В 1962 г. редакция выпустила Русско-болгарский словарь (50 000 слов), составленный болгарским лексикографом С. Чукаловым. Этот словарь отличается от русско-болгарских словарей, вышедших в Болгарии, тем, что в нем принята структура словарной статьи, разработанная советскими лексикографами для двуязычных словарей (подробный перечень значений слова и пояснение значений необходимыми пометами).

В 1953 г., еще до выхода в свет Толкового словаря современного болгарского литературного языка, был выпущен Болгарско-русский словарь проф. С. Б. Бернштейна (45 000 слов).

Позднее, в 1966, г. был создан новый Болгарско-русский словарь, охватывающий 58 000 слов; это одна из крупнейших работ славянской редакции за последние годы. Новый словарь проф. С. Б. Бернштейна отражает лексическое богатство современного болгарского литературного языка в разнообразии его стилей и жанров. В словаре заново пересмотрен болгарский словник, в него не включены многие турецкие заимствования в связи с уменьшением их применения. В редактировании словаря приняли участие болгарские специалисты. Болгарско-русский словарь предназначается не только для лиц, изучающих болгарский язык, но и хорошо владеющих языком — преподавателей и переводчиков. Этот словарь по объему включенной в него лексики, по степени разработки словарных статей и по своему назначению относится к типу больших переводных словарей.

Рост научных, культурных и экономических связей между Советским Союзом и зарубежными славянскими странами требует издания больших переводных

словарей, рассчитанных на людей, хорошо знающих иностранные языки, на переводчиков, преподавателей и научных работников. Создание таких словарей возможно при совместной работе советских и зарубежных лексикографов. При создании больших словарей, где слово представлено в многообразии его значений и оттенков, с большей остротой, чем в словарях меньшего объема, встает проблема перевода. Эта проблема заключается в необходимости дать каждому слову не описательный перевод, не толкование, а точный эквивалент, а чаще всего — несколько эквивалентов в зависимости от ситуационных условий. Вторая проблема, возникающая при работе над большими словарями, состоит в том, что словарь нужно сделать одинаково пригодным как для русских, так и для иностранцев. Такая задача требует определенной подачи материала в словаре и более усложненной системы пояснений. Конечно, было бы идеально для каждой пары языков сделать иностранно-русский словарь, рассчитанный на русских, с пояснениями на соответствующем языке в каждом словаре, о чем писал еще академик Л. В. Щерба. Но к созданию таких пар словарей можно будет приступить только в будущем, а сейчас мы пытаемся, может быть не всегда удачно, с помощью одного словаря удовлетворить потребность читателей двух стран.

В 60-е годы установился тесный контакт издательства «Советская энциклопедия» с близкими по профилю издательствами социалистических стран. Наше издательство сотрудничает с издательством «Ведза повшехна» в Варшаве, с Государственным педагогическим издательством в Праге, со Словацким педагогическим издательством в Братиславе, с издательством «Наука и изкуство» в Софии. В последнее время устанавливается сотрудничество с югославскими издательствами «Рад» в Белграде и «Матица српска» в Нови Саде. Благодаря этому мы имеем возможность возникающие вопросы, прежде всего вопросы перевода, обсуждать и решать со специалистами, для которых данный славянский язык является родным. Такая форма работы позволяет значительно улучшить качество словарей. Правда, при совместной работе с зарубежными авторскими коллективами возникают трудности, связанные с различием уже сложившихся лексикографических традиций разных стран.

Первым плодом такого сотрудничества является Большой польско-русский словарь, составленный лексикографами Д. Гессеном и Р. Стыпулой (совместное издание «Советской энциклопедии» и издательства «Ведза повшехна», 1967 г.). Словарь содержит 75 000 слов. Это самый большой по объему словарь из всех польско-русских словарей, издававшихся до сих пор. Он содержит общеупотребительную лексику и фразеологию современного польского литературного языка. В него включено известное количество разговорных, просторечных и устаревших слов, часто встречающихся в польской художественной литературе, начиная с середины XIX в. В словаре дается также политическая, научная и техническая терминология в объеме, позволяющем читать и переводить общественно-политическую, научно-популярную и другую литературу. Издатели словаря пытались удовлетворить потребности читателей как русских, так и поляков. С этой целью в словаре дана дополнительная информация, необходимая только для поляков (на польском языке) или только для русских (на русском языке). Решение этой двойной задачи создавало большие трудности в работе и авторов и редакторов.

Совместно с тем же польским издательством мы подготавливаем к изданию Русско-польский словарь такого же объема, составленный коллективом специалистов сектора русской филологии Польской АН под руководством проф. А. Мировича. В сотрудничестве с Государственным педагогическим издательством (Прага) ведется работа над Чешско-русским и Русско-чешским словарями, каждый из которых должен содержать около 75 000 слов. Словари составлены авторским коллективом Института языков и литератур АН ЧССР под руководством проф. Л. Копецкого. Совместно со Словацким педагогическим издательством редакция готовит к изданию Словацко-русский словарь (около 55 000 слов), составленный коллективом сотрудников Института мировой литературы и языков Словацкой академии наук.

Работа над названными словарями ведется давно, основная редакторская правка в рукописи уже согласована с авторами.

Теперь, когда удовлетворены потребности читателей в основных словарях на славянских языках, редакция считает возможным перейти к выпуску словарей более сложного профиля, словарей с определенной тематикой, рассчитанных на более узкий круг читателей-специалистов. Для переводчиков, научных работников и других лиц, постоянно работающих с языком, редакция приступила к созданию переводных фразеологических словарей. Уже начата работа над Болгарско-русским и Русско-болгарским фразеологическими словарями, которые будут изданы совместно «Советской Энциклопедией» и болгарским издательством «Наука и изкуство». Оба словаря составляются болгарскими лексикографами. В строго научном смысле эти словари было бы неправильно называть фразеологическими, так как в них, кроме бесспор-

ных фразеологизмов, будут включены и выражения, трудные для перевода с одного языка на другой. Предполагается, что структура этих словарей будет различной, так как единый, наиболее рациональный принцип построения переводного фразеологического словаря нами еще не найден. Особенно трудно работать над русско-болгарским фразеологическим словарем, так как фразеологический словарь русского языка издан только в конце 1967 г.

Несколько лет назад наше издательство приступило к подготовке серии учебных словарей, предназначенных для иностранцев. Эти словари с небольшим количеством слов, но с хорошо продуманной и подробной разработкой русской части, должны оказать большую помощь в изучении русского языка. Эту серию мы намерены начать с польских словарей. В среднем объем каждого учебного словаря должен быть 30—35 авторских листов. Русско-польский словарь будет содержать около 10 000 русских слов с подробной разработкой их значений и грамматическими пояснениями. С помощью этого словаря польский читатель сможет понять несложный русский текст (художественный и политический), газеты и журналы. Польско-русский учебный словарь будет содержать около 5000 польских слов — минимум, которым можно обойтись в разговорной речи. В словаре дается большое количество наиболее употребительных словосочетаний с их переводами на русский язык. В дальнейшем предполагается издание учебных словарей и на других славянских языках.

В связи с интенсивным развитием международного туризма в нашей стране в начале 60-х годов была создана серия карманных туристских словарей. В них содержится минимум лексики (8—10 тысяч слов), необходимой для общения в туристской поездке по славянским странам. Были выпущены польско-русский и русско-польский, чешско-русский, словацко-русский, русско-чешско-словацкий, болгарско-русский и русско-болгарский, сербско-хорватско-русский и русско-сербско-хорватский карманные словари. Эти маленькие словари очень популярны (польско-русский и русско-польский карманный словарь, например, выдержал 5 изданий общим тиражом 920 000 экземпляров). Надо сказать, что эти словари используются не только туристами. Основная часть тиража идет в зарубежные славянские страны для учащихся школ. Чтобы удовлетворить растущую потребность школ этих стран в малообъемных словарях русского языка, редакция намерена создать серию карманных школьных словарей на славянских языках.

В ближайшие годы наша редакция постарается выпустить словари на тех славянских языках, на которых они еще не издавались — словенско-русский и серболужицко-русский. Кроме того, будет продолжена работа по подготовке больших переводных словарей, содержащих 80 000 слов и более и с максимальной полнотой отражающих современное состояние славянских языков. В настоящее время уже ведется подготовительная работа по созданию русско-болгарского словаря на 80 000 слов (совместно с болгарским издательством «Наука и изкуство»), русско-сербско-хорватского словаря на 60 000 слов (совместно с издательством «Рад») и больших двухтомных сербско-хорватско-русского и русско-сербско-хорватского словарей, содержащих около 120 000 слов каждый (совместно с издательством «Матица српска»).

Работа словарных редакторов, лексикографов-практиков была бы более продуктивной и качественной, если бы научные учреждения, занимающиеся изучением славянских языков (в частности Институт славяноведения АН СССР, кафедра славянской филологии МГУ), уделяли больше внимания славянской лексикографии. Это позволило бы приступить к созданию, например, такого интересного и нужного словаря, как словарь межъязыковой славянской омонимии. Известно, что близость славянских языков порождает и определенные трудности в их изучении. Часто в устных и даже в письменных переводах с русского языка на славянские и наоборот встречаются ошибки, обусловленные тем, что переводчики переносят значение слова родного языка на тождественное или сходное по форме и звучанию иностранное слово. Словарь «ложных друзей» переводчика мог бы показать такие славянские соответствия, как, например: русск. *пушка* ‘пушка’, болг. *пушка* ‘ружье, винтовка’, серб. *пушка* ‘ружье’, польск. *puszka* ‘жестяная банка’, чешск. *puška* ‘ружье, винтовка’; русск. *булка* ‘булка’, болг. *булка* 1) ‘молодая жена, новобрачная’, 2) ‘молодая женщина’, серб. *булка* ‘полевой мак’, польск. *bułka* ‘булка’, чешск. *bulka* 1) ‘пупырышек, шишечка’, 2) вид карточной игры.

Составленный по материалам всех славянских языков, такой словарь представлял бы большой интерес для самого широкого круга читателей, начиная с тех, кто впервые знакомится со славянскими языками, и кончая специалистами-славистами. Он мог бы служить основой и для исследований в области славянского сравнительного языкознания.

Очень важна работа над словарем старославянского языка, которую проводит Институт славяноведения АН СССР совместно с АН ЧССР. Было бы также важно составить славянские этимологические и топонимические словари, словарь названий животных, птиц и растений, словарь славянских буквенных аб-

бревиатур (последний, возможно, не имеет научного значения, но очень нужен для практической работы).

Но многие новые темы осуществить трудно из-за того, что издательство имеет дело с отдельными авторами, посвящающими работе над словарем свободное время, а не с коллективами научных работников, занимающихся лексикографической работой в плановом порядке. Серьезные лексикографические темы должны разрабатываться в отечественных центрах славистики — в институтах Академии наук, с которыми издательство поддерживало бы тесную связь. Тогда качество словарей было бы еще выше и они могли бы выходить в более короткие сроки.

Г. Мартынова

БИБЛИОГРАФИЯ

ВАЖНЕЙШИЕ СТАТЬИ И МАТЕРИАЛЫ ПО СОВРЕМЕННОМУ ПОЛОЖЕНИЮ, ИСТОРИИ, КУЛЬТУРЕ И ЯЗЫКАМ ЗАРУБЕЖНЫХ СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ, ОПУБЛИКОВАННЫЕ В СОВЕТСКИХ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЯХ

I. ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАН ЕВРОПЫ

1. Международные отношения, взаимоотношения братских стран и партий, внешняя политика

Александров В. Карловы Вары: путь к сердцам всех честных людей. (О решениях Конференции коммунистических и рабочих партий в Карловых Варах). «Век XX и мир», 1967, № 5, с. 7—9.

Алексеев В., Васильев А. Болгария — друг, союзник, единомышленник. (В связи с заключением нового Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между СССР и НРБ 12 мая 1967 г.) Междунар. жизнь, 1967, № 7, с. 22—29.

В интересах прочного мира в Европе. (О программе обеспечения европейской безопасности, разработанной на Конференции европейских коммунистических и рабочих партий в Карловых Варах). Междунар. жизнь, 1967, № 6, с. 3—9.

Давид В. Внешняя политика ЧССР на современном этапе. Междунар. жизнь, 1967, № 6, с. 10—16.

Ермонский А. Динамизм социалистической дипломатии. (О внешнеполитическом курсе социалистических стран Европы.) Междунар. жизнь, 1967, № 7, с. 58—67.

Заявление центральных комитетов коммунистических и рабочих партий и правительств Народной Республики Болгарии, Венгерской Народной Республики, Германской Демократической Республики, Польской Народной Республики, Союза Советских Социалистических Республик, Чехословацкой Социалистической Республики, Социалистической Федеративной Республики Югославии. (В связи с положением на Ближнем Востоке, сложившемся вследствие агрессии Израиля.) «Правда», 1967, 10 июня.

Информационное сообщение о совещании в Будапеште руководителей братских партий и правительств социалистических стран (по вопросам положения на Ближнем Востоке. Будапешт, 11—12 июля 1967 г.) «Правда», 1967, 13 июля.

Кручковский А. За мирное развитие Европы. (О роли социалистических стран в укреплении мира и безопасности в Европе и «новой восточной политике» ФРГ.) «Проблемы мира и социализма», 1967, № 5, с. 13—19.

Лаб М. Чехословацкая Социалистическая Республика. (О подготовке к 50-летию Октября.) «Проблемы мира и социализма», 1967, № 7, с. 33—34.

Махненко А. Х. Сотрудничество партий в европейских социалистических странах. Советск. гос. и право, 1967, № 8, с. 90—98.

Павлов В. Политика стран социализма и безопасность в Европе. «Коммунист Вооруженных Сил», 1967, № 10, с. 78—83.

Померанцев В. Б. Общие закономерности построения социализма и их особенности в разных странах. Уч. зап. Орехово-Зуевского пед. ин-та, 1966, т. 26. Кафедра истории КПСС и философии, вып. 4, с. 3—13.

Пражски Я. Коммунисты и безопасность Европы. (О Конференции европейских коммунистических партий в Карловых Варах 24—26 апреля 1967 г.) «Проблемы мира и социализма», 1967, № 6, с. 10—17.

Савов М., Бондаренко Е. Спорная точка зрения. (По поводу статьи А. Бутенко «О закономерностях развития социализма как общественного строя и как мировой системы».) Мировая экономика и международн. отношения, 1967, № 6, с. 117—120.

Событие большого международного значения. (О Конференции европейских коммунистических и рабочих партий в Карловых Варах 24—26 апреля 1967 г.)

«Коммунист Белоруссии», 1967, № 5, с. 9—13.

Советско-болгарский договор (о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи, подписанный в Софии 12 мая 1967 г.). «Новое время», 1967, № 21, с. 3.

Тесный союз народов-братьев. Ратификация Советско-болгарского договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи (подписанного в Софии 12 мая 1967 г.). «Правда», 1967, 9 июля.

Шпакович А. Польская Народная Республика. (О подготовке к 50-летию Октября.) «Проблемы мира и социализма» 1967, № 7, с. 32—33.

2. Экономика, экономическое сотрудничество

Афанасьев Н. П. Внедрение электрической и тепловозной тяги на железных дорогах социалистических стран. Железнодорожн. транспорт, 1967, № 8, с. 90—92.

Бабурский Г. Система показателей. (Об экономических показателях в связи с новой системой планирования в Болгарии.) Экономич. газета, 1967, № 20, с. 41.

Балевски Д. Выборочная разработка итогов переписи населения в Народной Республике Болгарии. Вестн. статистики, 1967, № 7, с. 28—33.

Батурин Н. Торговля СССР с социалистическими странами. Внешн. торговля, 1967, № 5, с. 3—8.

Бахнов М. С. Объективные экономические законы и практика хозяйственного строительства европейских стран-членов СЭВ (1962—1965 гг.). Уч. зап. Моск. обл. пед. ин-та, 1967, т. 179. Тр. кафедры истории КПСС, вып. 11, с. 102—329.

Беляев Ю. Экономика стран-членов СЭВ в новом пятилетии (1966—1970). «Коммунист», 1967, № 8, с. 98—107.

Беляев Ю. Некоторые проблемы сближения уровней экономического развития социалистических стран. (На примере стран-членов СЭВ.) Вопр. экономики, 1967, № 7, с. 84—93.

Бобров В. Я. Про співвідношення між виробництвом засобів виробництва і предметів споживання в європейських країнах РЕВ. «Питання політичної економії», Київ, 1967, вип. 32, с. 134—142.

Бондаренко В. Г. Вплив радянсько-чехословацького співробітництва на розвиток чорної металургії ЧССР. «Питання політичної економії». Київ, 1967, вип. 32, с. 120—127.

Будкін В. С. Індустріальне держави в системі Міжнародного соціалістичного поділу праці. «Питання політичної економії», Київ, 1967, вип. 32, с. 7—14.

Булаш М. О. Матеріальне стимулювання виробництва експортної продукції в Польщі. «Питання політичної економії», Київ, 1967, вип. 32, с. 128—133.

Бутковская Л. Трасса «Братство». (Совместное строительство газопровода СССР—Чехословакия.) Экономич. газета, 1967, № 28, с. 43.

Важные решения. Коммюнике о тридцатом заседании Исполнительного комитета Совета Экономической Взаимопомощи (Москва, 5—7 июля 1967 г.). «Правда», 1967, 9 июля.

Валоух З. Больше прав—больше ответственность (органов управления Чехословакии в условиях новой экономической системы). Экономич. газета, 1967, № 24, с. 43.

В Исполнительном комитете Совета. (О 29-м заседании Исполкома СЭВ. Москва, 11—15 мая 1967 г.) Бюл. экономич. информации (СЭВ), 1967, № 3, с. 73—74.

Власова Т. Мировая социалистическая система. (О формах экономического сотрудничества.) Научн. докл. высш. школы. Экономич. науки, 1967, № 5, с. 94—104.

Влчек Й. Ориентир — рациональное хозяйствование. (О повышении роли банка для предприятий Чехословакии.) Экономич. газета, 1967, № 23, с. 41—42.

Володарская Р. О системе материального стимулирования в ЧССР. «Плановое хозяйство», 1967, № 7, с. 86—88.

Голубушин Ю. С. Науково-технічне співробітництво соціалістичних країн-учасниць РЕВ на сучасному етапі. «Питання політичної економії», Київ, 1967, вип. 32, с. 15—22.

Данилюк З. З. Розвиток електроенергетики країн-учасниць РЕВ. «Питання політичної економії», Київ, 1967, вип. 32, с. 30—38.

Демченко В. П. Спільне будівництво — важлива форма економічного співробітництва країн РЕВ на сучасному етапі Міжнародного соціалістичного поділу праці. «Питання політичної економії», Київ, 1967, вип. 32, с. 23—29.

Доценко А. П. Вплив болгаро-радянського економічного співробітництва на розміщення болгарської промисловості. «Питання політичної економії», Київ, 1967, вип. 32, с. 78—85.

Древновский Е. Польша — СССР: экономическое сотрудничество. Экономич. газета, 1967, № 30, с. 41.

Евстигнеев Р. Новое в народнохозяйственном планировании в европейских странах социализма. «Плановое хозяйство», 1967, № 5, с. 70—76.

Жеменецкий К. Предприятие — резервы роста производства. (О научной организации труда в Польше в условиях новой экономической системы.) Экономич. газета, 1967, № 21, с. 42—43.

Занев К. Реформа ценообразования (в Болгарии). Экономич. газета, 1967, № 33, с. 41.

Золотарев В. Плодотворное десятилетие (деятельности Постоянной комиссии СЭВ по внешней торговле, 1957—1966 гг.). Экономич. газета, 1967, № 24, с. 40—41.

Кабанов И. О ценах в торговле между социалистическими странами. Внешн. торговля, 1967, № 6, с. 31—33.

Карапенов П. Научный подход к руководству экономикой. Из опыта работы Габровского окружного комитета БКП. «Проблемы мира и социализма», 1967, № 7, с. 88—91.

Карчевский В. Сберегательные кассы Польской Народной Республики. «Деньги и кредит», 1967, № 6, с. 72—76.

Ковригин М. Повышение эффективности общественного производства (на материалах стран-членов СЭВ). Уч. зап. Моск. обл. пед. ин-та, 1967, т. 179. Тр. кафедры истории КПСС, вып. 11, с. 330—348.

Лавриненко Ю. Н., Агаев А. В. Экономическое сотрудничество Украинской ССР с социалистическими странами. «Организация и планирование отраслей народного хозяйства», Киев, 1967, вып. 5, с. 109—114.

Лесечко М. Расширяется сотрудничество стран СЭВ. Экономич. газета, 1967, № 31, с. 4—5.

Лет М. План развития науки и техники (в Польше). Экономич. газета, 1967, № 32, с. 42.

Лидванова Л. И. Научно-техническое сотрудничество стран-членов СЭВ в области химического производства как фактор повышения производительности труда. Уч. зап. кафедр общественных наук вузов Ленинграда. Политическая экономия, 1967, вып. 8, с. 42—49.

Любимов Н. Новое в экономическом сотрудничестве европейских стран. (Активизация экономического сотрудничества стран Восточной и Западной Европы.) «Новое время», 1967, № 32, с. 7—9.

Максимова Л. Г. Структурные изменения в промышленности Народной Республики Болгарии — фактор повышения эффективности производства. Уч. зап. кафедр общественных наук вузов Ленинграда. Политическая экономия, 1967, вып. 8, с. 30—41.

Меллин С. Развитие зернового хозяйства в еропейских странах-членах СЭВ. Эконом. сельск. х-ва, 1967, № 6, с. 106—113.

Милованов В. На главных направлениях. (О повышении эффективности производства в СФРЮ в 1966—1970 гг.) Экономич. газета, 1967, № 26, с. 43.

Михайловський В. І. Торгівля Радянського Союзу хімічними матеріалами з країнами РЕВ на сучасному етапі. «Питання політичної економії», Київ, 1967, вип. 32, с. 39—47.

Мошна З. НОТ и научно-технический прогресс. (Научная организация труда в Чехословакии в условиях новой экономической системы.) Экономич. газета, 1967, № 21, с. 43.

Назаркин К. Сегодня и завтра Международного банка социалистиче, ских стран. Внешн. торговля, 1967, № 6- с. 51—53.

Народная Республика Болгария. (Развитие народного хозяйства в 1966 г. по материалам газеты «Работническо дело» от 1 февраля 1967 г.) Бюл. экономич. информации (СЭВ), 1967, № 2, с. 3—14.

Нелюбов Б. Ф. Роль економічного співробітництва СРСР та НРБ у розвитку машинобудування Болгарії. «Питання політичної економії», Київ, 1967, вип. 32, с. 72—77.

О контактах Секретариата СЭВ с международными организациями. Бюл. экономич. информации (СЭВ), 1967, № 3, с. 87—91.

Опыт, эксперименты, перспективы. По материалам конференции по экономическому управлению строительством. Братислава, 1966 г.) Эконом. строит-ва, 1967, № 7, с. 63—67.

Пенкала Е. Большие перемены. (Об экономических успехах и перспективах Краковского воеводства.) Экономич. газета, 1967, № 30, с. 42.

Писарев А. Материальное стимулирование труда работников торгово-сбытовых организаций в Чехословакии. «Материально-техническое снабжение», 1967, с. 87—91.

Польская Народная Республика. (Развитие народного хозяйства в 1966 г. по материалам газеты «Трибуна люду» от 8 февраля 1967 г.) Бюл. экономич. информации (СЭВ), 1967, № 2, с. 35—55.

Производство химических продуктов в европейских социалистических странах. Хим. промышленность за рубежом, 1967, № 5, с. 11—34.

Рокитко А. І. Міжнародний соціалістичний поділ праці і розвиток сільського господарства. «Питання політичної економії», Київ, 1967, вип. 32, с. 64—71.

Рутгайзер В. Новое в экономике социалистических стран Европы. «Новое время», 1967, 2 июня, № 23, с. 9—11.

Савов М., Бондаренко Е. Спорная точка зрения. (По поводу статьи А. Бутенко «О закономерностях развития социализма как общественного строя и как мировой системы», 1966, № 11). Мировая эконом. и международн. отношения, 1967, № 6, с. 117—120.

Сергеев Ю. Фрахтовый индекс СЭВ. Внешн. торговля, 1967, № 7, с. 51—54.

Скшекот Ю. Новое строительство в Польской Народной Республике. (Капитальное строительство в 1965—1970 гг.) «Архитектура СССР», 1967, № 5, с. 59—63.

Смирнова П. Как осуществляется сотрудничество стран-членов СЭВ в

области транспорта. Политич. самообраз. 1967, № 7, с. 111—114.

Смолянова В. Б. Вплив міжнародного соціалістичного поділу праці на структурні зміни в промисловості ЧССР. «Питання політичної економії», Київ, 1967, вип. 32, с. 113—119.

Сорокин Г. М. Экономический баланс мировой системы социализма. «Новое время», 1967, № 20, с. 7—9.

Степанов Ю. Советско-югославское сотрудничество. (В связи с открывшейся в Москве промышленной выставкой Югославии.) «Новое время», № 27, с. 16—18.

Столпов Н., Телефус А. Развитие экономики социалистических стран (в 1966 г.) Вопр. экономики, 1967, № 5, с. 102—112.

Ступова Н. Промышленное птицеводство социалистических стран. Эконом. сельск. х-ва, 1967, № 5, с. 115—118.

Суляева Л. Валютно-финансовое сотрудничество стран—членов СЭВ. «Плановое хозяйство», 1967, № 5, с. 77—81.

Сучинский Г. Города и поселки городского типа в Польской Народной Республике. (О распределении городского населения в ПНР.) Вопр. экономики, 1967, № 7, с. 129—132.

Сущинська І. Ю. Шляхи підвищення ефективності капітальних вкладень в країнах—членах Ради Економічної Взаємодопомоги. «Питання політичної економії». Київ, 1967, вип. 32, с. 48—54.

Тотев Т., Порязов Д. Реформа банковской системы в Болгарии. «Деньги и кредит», 1967, № 7, с. 69—76.

Тыполт И. В условиях новой системы. (Совершенствование системы ценообразования в Чехословакии.) Экономич. газета, 1967, № 33, с. 41.

Фрахтовый индекс СЭВ. Бюл. экономич. информации (СЭВ), 1967, № 3, с. 60—70.

Христов Э. Основные черты новой системы руководства народным хозяйством Болгарии. «Проблемы мира и социализма», 1967, № 7, с. 35—42.

Хромов Ю. Б. Озеленение жилых комплексов Варшавы. Гор. х-во Москвы, 1967, № 5, с. 44—46.

Худолей В. Ф. Основные особенности промышленности Вроцлавского воеводства Польской Народной Республики. Вестн. Моск. ун-та. География, 1967, № 3, с. 63—69.

Чехословацкая Социалистическая Республика. (Развитие народного хозяйства в 1966 г. по материалам «Руде право» от 7 февраля 1967 г.) Бюл. экономич. информации (СЭВ), 1967, № 2, с. 78—87.

Чистяков М. Внешняя торговля ЧССР в новых условиях. Внешн. торговля, 1967, № 3, с. 22—24.

Чураков Ю. Развитие экономики европейских стран—членов СЭВ в текущей пятилетке. Вопр. экономики, 1967, № 6, с. 78—87.

Шевченко І. Форми співробітництва соціалістичних країн в галузі науки. «Радяньске право», Київ, 1967, № 6, с. 89—90.

Шимон Б. Экономическая политика Коммунистической партии Чехословакии в промышленности. «Проблемы мира и социализма», 1967, № 7, с. 43—50.

Шимунек О. Чехословацко-советское экономическое сотрудничество: результаты и перспективы. Экономич. газета, 1967, № 18, с. 33—34.

Шинкарук Г. Ф. Сировинна база чорної металургії європейських країн — членів РЕВ та їх співробітництво у виробництві чорних металів. «Питання політичної економії», Київ, 1967, вип. 32, с. 55—63.

Шир Е. Пути экономического прогресса. (О реформе методов планирования и управления народным хозяйством в ПНР.) Экономич. газета, 1967, № 30, с. 41.

Шишкін П. І. Структурні зміни в народному господарстві Болгарії та їх вплив на розширення її зовнішньої торгівлі. «Питання політичної економії», Київ, 1967, вип. 32, с. 143—149.

Шишков А. Т. Правовые формы реализации сельскохозяйственной продукции в Народной Республике Болгарии. Советск. гос-во и право, 1967, № 5, с. 111—115.

Экономика стран СЭВ в 1966 году. «Проблемы мира и социализма». 1967, № 5, с. 35—42.

Ярошевич П. Польша: победная поступь социализма. (Об экономическом и техническом сотрудничестве Польши в рамках СЭВ.) Междунар. жизнь, 1967, № 8, с. 50—60.

Ярошевич П. «Мы придаем большое значение кооперированию производства». (Об участии Польши в международном экономическом сотрудничестве.) Экономич. газета, 1967, № 20, с. 39.

3. Партийная жизнь

А. Н. К 25-летию Польской рабочей партии. «Проблемы мира и социализма», 1967, № 6, с. 93—96.

Леднев І, Йорданов Г. З досвіду масово-політичної роботи Болгарської компартії (1958—1960 рр.) «Вісник Харківського політехнічного інституту», 1966, № 11 (59). Серія історична, вип. 1, с. 33—40.

Павлов П. В жилых кварталах. (Об улучшении партийной работы в жилых кварталах в связи с решениями пленума Софийского горкома БКП.) «Партийная жизнь», 1967, № 10, с. 72—75.

4. Государственное строительство

Верховному суду Польської Народної Республіки 20 років. «Радянське право», Київ, 1967, № 6, с. 87—88.

Индульский Я. А., Погорелов Я. Д. Некоторые аспекты современного развития здравоохранения Польской Народной Республики. «Советское здравоохранение». 1967, № 7, с. 72—78.

Тихонова Є. Правові гарантії національної рівноправності народів Югославії. «Радянське право», Київ, 1967, № 5, с. 90—93.

Шуберт В. Развитие польского трудового права и его науки. Советск. гос-во и право, 1967, № 5, с. 104—111.

Эльвин И. Д. Католическая церковь и народная Польша. (По страницам органов Союза атеистов и свободомыслящих Польши «Аргументы» и «Факты и мысли» за 1965 г. и первую половину 1966 г.) Вопр. научн. атеизма, 1967, вып. 3, с. 323—335.

II. ЗАРУБЕЖНЫЕ СЛАВЯНСКИЕ СТРАНЫ

1. История

Бартлова Л. Место, где живут люди. (К 25-й годовщине со дня уничтожения фашистами Лидице.) «Новое время», 1967, № 24, с. 25—26.

Бескровный Л. Г. Русско-турецкая война 1877—1878 гг. и освободительная борьба балканских народов. Вопр. истории, 1967, № 6, с. 30—46.

Борец за рабочее дело. К 90-летию со дня рождения В. Коларова. «Коммунист Белоруссии», 1967, № 6, с. 76.

Бродский С. Польша, ее успехи и проблемы. (К 23-й годовщине возрождения Польши.) «Новое время», 1967, № 30, с. 4—5.

Ганчовский Н. Народная Республика Болгария. (О подготовке к 50-летию Октября.) «Проблемы мира и социализма», 1967, № 6, с. 36—37.

Данишевский Т. Великий Октябрь и усиление позиций ленинизма в польском рабочем движении (1917—1923 гг.). «Новая и новейшая история», 1967 № 4, с. 3—17.

Калениченко П. М. З історії Польських комісаріатів на Україні (1918—1919 рр.)«Укр. істор. журнал, 1967, № 5, с. 19—30.

Ковальский Ю. Великая Октябрьская социалистическая революция и Польша (1917—1919 гг.). Вопр. истории, 1967, № 7, с. 3—20.

Лоссовский П. Польские историки к 50-й годовщине Великого Октября. Вопр. истории, 1967, № 5, с. 201—204.

Мельник Л. Г. Изучение в ГДР, Польше и Чехословакии проблемы промышленного переворота (в Европе XIX в.). Вопр. истории, 1967, № 5, с. 177—182.

Немчинский Я. Тайна гибели генерала Сикорского. «Новое время», 1967, 1 июля, № 27, с. 16—18.

Писарев Ю. А. Советская Россия, Антанта и создание Югославского государства. Нов. и новейшая история, 1967, № 4, с. 43—53.

Почс К. Позиция буржуазной Латвии в вопросе о польско-балтийском союзе (1920—1925 гг.). (Историографический очерк.) Уч. зап. Латв. гос. ун-та, 1967, т. 82. Историч. науки, вып. 5, с. 46—62.

Пугач Є. П. Антинародна діяльність католицького кліру в Словаччині в 1945—1948 роках. «Вісник Харківського університету», 1966, № 17. Історична серія, вип. 1, с. 58—65.

Свобода Л. Советский Союз и судьбы Чехословакии. (О помощи чехословацким воинским частям в конце 1941 г. и дальнейшем сотрудничестве.) «Новое время», 1967, № 20, с. 5—6.

Седов В. Вивчення етногенезу слов'ян. «Народна творчість та етнографія», Київ, 1967, № 4, с. 41—47.

Сиротенко В. Т. О времени появления булгар (протоболгар) в Подунавье и начальном периоде их вторжения на Балканский полуостров. Уч. зап. Удмуртск. гос. пед. ин-та, 1967, вып. 15. История СССР. Всеобщая история, с. 142—160.

Суров Ф. Г. К вопросу о деятельности иностранных интернационалистов в Советской России. Тр. Моск. ин-та инженеров жел.-дор. транспорта, 1967, вып. 244, с. 230—245.

Сусанов М. В. Документальная коллекция «Советско-чехословацкая дружба» (в Ужгородском городском государственном архиве). Советск. архивы, 1967, № 2, с. 87—89.

Сухарєв В. В. Робітничий клас Чехословаччини в лютневих подіях 1948 року. «Вісник Харківського університету», 1966, № 17. Історична серія, вип. 1, с. 66—72.

Турівненко М. І. Розробка болгарськими і радянськими істориками проблем народного повстання 9 вересня 1944 року і визволення Болгарії Радянською армією. «Вісник Харківського університету», 1966, № 17. Історична серія, вип. 1, с. 130—142.

Чернявський Г. Й. Болгарська робітнича преса у боротьбі проти фашистської диктатури (1925—1929 рр.). «Бібліотекознавство та бібліографія», Харків, 1967, № 4, с. 152—164.

Чернявський Г. Й. Значення радянсько-болгарських культурних зв'язків у розвитку революційної боротьби робітничого класу Болгарії в 1925—1929 рр. «Культурно-освітня робота», Харків, 1967, № 4, с. 114—125.

Швидак О. М. КПП і КПЗУ в боротьбі за виховання інтернаціональної єдності трудящих Польщі і Західної

України (1929—1933 рр.). Укр. істор. журнал, Київ, 1967, № 6, с. 20—30.

2. Культура, наука, народное просвещение

Авдеев В. А. Народные читалища — важнейшие очаги культурной революции в Болгарии. Уч. зап. Вологодск. пед. ин-та, 1967, т. 32, вып. 2. Гуманитарные науки, с. 56—73.

Анастасьев А. Лаборатория Ежи Гротовского. (О творческих поисках режиссера Е. Гротовского и его театра во Вроцлаве.) «Театр», 1967, № 6, с. 165—166.

Балашов Н. И. Славянская тематика у Кальдерона и проблема Ренессанс—Барокко в испанской литературе. Изв. АН СССР. Серия литературы и языка, 1967, вып. 3, с. 227—240.

Бенгом И. Книга о народной Польше. (Об издательском деле в Польше.) «Книжная торговля», 1967, № 7, с. 33—37.

Беседа с Лемом. «Дон», 1967, № 4, с. 187—192.

Булаховська Ю. Л. Тема Жовтня і революційної боротьбі у післявоєнній польській поезії. «Радянське літературознавство», 1967, № 7, с. 8—14.

Бычваров М. Д. Славный юбилей болгарского философа-революционера. (К 70-летию Саввы Гановского.) Научн. докл. высш. школы. Философские науки, 1967, № 3, с. 135—136.

Бычваров М., Морозова И. По страницам болгарских журналов «Философска мисъл» и «Ново време». Научн. докл. высш. школы. Философские науки, 1967, № 4, с. 157—163.

Владимирская В. И. Газета болгарских коммунистов «Работнически вестник» о Великой Октябрьской социалистической революции. (Обзор материалов газеты за 1917—1918 гг.) Вестн. Моск. ун-та. История, 1967, № 4, с. 24—41.

Володина И. Книги югославских писателей о Советском Союзе. «Новое время», 1967, № 31, с. 31—32.

Воронов А. Г. Охрана природы и биогеография в Польше. Вестн. Моск. ун-та. География, 1967, № 4, с. 40—44.

Гусев В. Е. Поездка в Югославию (на VIII конгресс югославских фольклористов.). Советск. этнография, 1967, № 2, с. 167—170.

Зелинская К. Польская пресса (с 1944 г.). «Новое время», 1967, № 29, с. 28—29.

Зыков Э. Г. Некоторые соображения об объеме и характере начальной болгарской литературы (X—XI вв.). Уч. зап. Карельск. пед. ин-та, Петрозаводск, 1967, т. 18, с. 68—75.

Илиев С. Возникновение социалистического реализма в Болгарии. «Социалистический реализм и проблемы эстетики». Ежегодник, М., 1967, вып. 1, с. 28—55.

Касвин Г., Рубенчик Е. Система народного образования в европейских социалистических странах (20-летний путь развития.). Народн. образов., 1967, № 6, с. 97—102.

Кино — 1967. Перед открытием V Московского международного кинофестиваля. (Сокращенные статьи ведущих кинокритиков социалистических стран, посвященные актуальным проблемам кинематографии, из готовящегося сборника статей в издательстве «Искусство».) «Искусство кино», 1967, № 6, с. 37—57.

Козак С. Біля джерел польського українофільства. «Вітчизна», Київ, 1967, № 6, с. 163—167.

Кравцов Н. И. Петар Кочич (1877—1916). (О творчестве сербского прозаика.) Изв. АН СССР. Серия литературы и языка, 1967, вып. 3, с. 241—253.

Кравченко К. Тадеуш Кулисевич. «Творчество», 1967, № 6, с. 16—17.

Крымова Н. Русская классика в Праге. («Три сестры» Чехова в театре «Забраной» и «Последние» Горького в театре им. Тыла.) «Театр», 1967, № 5, с. 134—145.

Марков Д. Проблемы болгарской прозы (последних лет). Вопр. литературы, 1967, № 5, с. 170—186.

Марков С. Полуинтернаты в Болгарии. (Школы с продленным днем.) Народн. образов., 1967, № 5, с. 92—93.

Масальський В. І. Слов'янська філологія в Київському університеті до 50-річчя Великої Жовтневої соціалістичної революції. «Вісник Київського університету», 1967, № 9. Серія філології, с. 51—56.

Милушев И. Некоторые проблемы высшего образования в Народной Болгарии. Вестн. высш. школы, 1967, № 5, с. 89—91.

Мистрик Й. Математико-статистические методы в стилистике. Вопр. языкознания, 1967, № 3, с. 42—52.

Недельковнч Д. Ломоносов и Негош. (О влиянии научно-философских взглядов Ломоносова на мировоззрение и творчество представителя сербского Возрождения П. Негоша.) Русск. литература, 1967, № 2, с. 96—102.

Николаев П. А. У славистов Голландии. (О 2-м национальном конгрессе голландских славяноведов. Энкхойзен, 8—10 марта 1967 г.) Вестн. Моск. ун-та. Филология, 1967, № 4, с. 72—74.

Остоич Д. Болгарские художники на страже Октября. (О новом направлении в болгарском изобразительном искусстве 20-х годов XX в.) «Творчество», 1967, № 5, с. 16—18.

Пивоваров В. «Грустен и весел вхожу, ваятель, в твою мастерскую...» (Записки о пяти встречах). (О творчестве художников-графиков: А. Бруновского, М. Ягра, Д. Беркова, Э. Беднаржовой

и М. Ромберга). Дет. литература, 1967, № 5, с. 32—37.

Сихра А. С трибуны симпозиума. (Сокращенные выступления музыковедов социалистических стран на Третьем международном симпозиуме.) Советск. музыка, 1967, № 6, с. 108—115.

Слуцкий Б. Владислав Броневский и Октябрь. Иностр. литература, 1967, № 4, с. 211—220.

Стойчев Т., Цветков П. Теоретическая разработка проблем научного атеизма в Болгарии. «Вопросы научного атеизма», 1967, вып. 3, с. 358—363.

Строиньски С. Опыт «Цепелии». (Деятельность Центрального Союза народных промыслов и художественного ремесла в Польше.) «Декоративное искусство», 1967, № 5, с. 31—34.

Фалькович Е. «Егор Булычов» в Болгарии. «Театр», 1967, № 6, с. 163—165.

Цыбенко Е. Научная сессия, посвященная Генрику Сенкевичу. Вопросы литературы, 1967, № 5, с. 246—247.

Цыбенко Е. З. Юбилей Генрика Сенкевича в Польше. Вестн. Моск. ун-та. Филология, 1967, № 3, с. 84—87.

Чемоданов Н. С. Съезд австрийских славистов. Вестн. Моск. ун-та. Филология, 1967, № 4, с. 71—72.

Членов А. Цапко Лавренов и его искусство. (В связи с выставкой работ болгарского художника и искусствоведа в Москве.) «Новое время», 1967, № 28, с. 28—30.

Шевченко І. Форми співробітництва соціалістичних країн в галузі науки. «Радянське право», Київ, 1967, № 6, с. 89—90.

Эйхсфельд И. Г. На праздновании юбилея Югославской академии наук и искусств. (О пребывании советской делегации в Югославии в связи со 100-летием Академии.) Вестн. АН СССР, 1967, № 3, с. 221—223.

Юрченко О. С. Михайло Коцюбинський — перекладач балади Адама Міцкевича «Powrot taty». «Вісник Харківського університету», 1966, № 12. Серія філологічна, вип. 3, с. 65—68.

Ярошевский Т. М. Кто и как в Польше верит в бога? «Наука и религия», 1967, № 5, с. 48—55.

3. Языкознание

Акуленко В. В. Проблеми вивчення історії фондів лексичних інтернаціоналізмів у східнослов'янських мовах. «Вісник Харківського університету», 1966, № 12. Серія філологічна, вип. 3, с. 5—11.

Безлай Ф. Опыт работы над словенским этимологическим словарем. Вопр. языкознания, 1967, № 4, с. 46—54.

Варбот Ж. Ж. О словообразовательной структуре этимологических гнезд. Вопр. языкознания, 1967, № 4, с. 67—74.

Копорский С. А. К истории личных имен в древнечешском и других славянских языках. Вестн. Моск. ун-та. Филология, 1967, № 3, с. 67—72.

Куркина Л. В. Проблемы славянских этимологических исследований. (Симпозиум в Москве 25—30 января 1967 г.) Вестн. АН СССР, 1967, № 5, с. 91—94.

Норман Б. Ю. Система возвратных конструкций в современном болгарском языке. Вестн. Ленингр. ун-та, 1967, № 8. История. Язык. Литература, вып. 2, с. 115—123.

Семереньи О. Славянская этимология на индоевропейском фоне. Вопр. языкознания, 1967, № 4, с. 3—25.

Славский Ф. Из опыта работы над этимологическим словарем польского языка. Вопр. языкознания, 1967, № 4, с. 55—59.

Трубачов О. Н. Работа над этимологическом словарем славянских языков. Вопр. языкознания, 1967, № 4, с. 34—45.

Филин Ф. П. Некоторые проблемы славянского этно- и глоттогенеза. Вопр. языкознания, 1967, № 3, с. 28—41.

Шулико И. С. О некоторых изменениях в глагольных классах древнечешского языка (на материале памятников конца XIII — первой половины XV в.). Вестн. Моск. ун-та. Филология, 1967, № 3, с. 36—46.

СОДЕРЖАНИЕ ИНОСТРАННЫХ ЖУРНАЛОВ

«Исторически преглед», 1967, № 3

З. Мичева. Болгаро-югославские культурные связи в 30-е гг. (1933—1940 гг.); С. Панова. Торгово-финансовая деятельность евреев на Балканах в XVI—XVII вв.; И. Петков. Газета «Коммунист» — боевой орган плевенской окружной партийной организации после первой мировой войны; Л. Атанасов. Любен Каравелов — первый болгарский библиограф в области истории; Г. Д. Тодоров. Болгарская историография в XI—XIV вв.; П. Костов. Установление, характер, этапы и продолжительность фашистской диктатуры в Болгарии.

«Литературна мисъл», 1967, № 4

С. Каролев. Эстетические позиции «Нового времени»; Р. Ликова. Павел Вежинов; В. Ангелов. Коммуникативная функция в искусстве; Х. Чайка. Некоторые художественные особенности болгарских исторических народных песен; К. Топчиева. «Время разлучное» и некоторые проблемы исторического романа.

«Език и литература», 1967, № 4

П. Белов. Эпическое искусство современности; Е. Станчева-Арнаудова. Тодор Павлов о некоторых проблемах советской литературы; И. Койнаков. Георгий Димитров в песнях болгарского народа; М. Деянова. Об одной особенности употребления глагольного совершенного вида в словенском и словацком языках; С. Иванчев. К вопросу об употреблении членной формы при обобщающем подлежащем; Л. Ерихонов. М. Ю. Лермонтов в славянских странах; С. Стоянов. О звуках, обозначаемых буквами *я* и *ю* в современной болгарской графической системе.

«Български език», 1967, № 3

Р. Русинов. О некоторых структурных особенностях сложного смешанного предложения в современном болгарском языке; Е. Дограмаджиева. Значение и функции союза *и* в древнеболгарском языке; С. Георгиев. Субстантивно-адвербиальные словосочетания в современном болгарском языке; С. Гинина. Причастное и именное сказуемое; И. Дуридянов. Произношение и транскрипция шведских имен в болгарском языке; К. Младенов. Следы болгарской топонимии и болгарского говора в нескольких турецких селах Кырджалийского округа; Х. Василев. К славянской фразеологии: *прави ми скомина*; Б. Симеонов. *Гурмазово*; А. Давидов. Церковнославянский словарь И. П. Церова; Л. Андрейчин. За бо́льшую точность при описании различных чествований; Д. Димов. «По посока на» и «по посока към»; С. Калдиева. Множественное число некоторых сложных по структуре существительных имен мужского рода; М. Выгленов. Неуместное употребление русского слова *заповедник*.

«Studia Slavica», 1967, № 1—2

Ф. Грегор. Венгерские языковые обороты в некоторых словацких поселениях в Венгрии; М. Сабо. О некоторых проблемах двуязычного словаря. (На материале русско-венгерского и венгерско-русского словарей ВАН.); М. Рев. Образ Иудушки и некоторые вопросы сатирического и психологического изображения; Д. Секе. К вопросу о «лермонтовском элементе» в истории русской поэзии; Н. Секей. Идейные истоки рассказа М. Горького «Карамора»; Е. Малиуш. Болгарская колония вблизи Буды в средние века; А. Ангиал. Оскар Асбот и словенский ученый мир; Л. Кисс. Попытки восстановления этимологических формул; И. Пот. Предложение Ивана Вазова к своему переводу Петефи.

«Zeitschriff für Slavistik», 1967, № 2

Г. Йонас. Перевод С. А. Рачинским на немецкий язык «Семейной хроники» С. Т. Аксакова; А. Г. Татаринцев. К откликам на пугачевское восстание в Саратовщине; Ф. Хинце. Запись Юзефом Леговским одной славянской редакции песни Пауля Герхардта «Wach auf, mein Herz, und singe»; Г. Цикмунд. Немецкий дифтонг «i» в русском правописании и ударении; Р. Конрад. К трансформационному анализу русских конструкций «существительное + зависимый инфинитив» на базе аппликативной порождающей модели; М. Гавацци. Памяти Эдмунда Шнеевейса; Г. Порт. В. Ягич в Лейпцигском университете в 1870/1871 гг.; М. Енихен. Замечания к словарному запасу некоторых современных югославских и чешских писателей; И. Зеехазе. К раннему распространению «Анны пролетарки» в Германии.

«Kwartalnik historyczny», 1967, № 2

Э. Ростворовский. Станислав Лещиньский — республиканец и пацифист; И. Сулковска-Курасёва. Ревизии королевских записей на рубеже XV—XVI вв.; З. Станкевич. К вопросу о реформе государственных имений в Королевстве Польском в 1815—1830 гг.; К. Гронёвский. Бразильская горячка. Эмиграция из Польши в Бразилию в конце XIX — начале XX в.; З. Ландау, Е. Томашевский. Состояние работ и перспективы дальнейших исследований в области экономической истории Польши межвоенного периода; Е. Здрада. К вопросу об идеологии польской эмиграции после январского восстания. «Катехизис Гражданина» Бруно Добровольского и «Гражданский катехизис» Ярослава Домбровского.

«Przegląd historyczny», 1967, № 2

Б. Геремек. Париж—крупнейший город средневековой Европы? В. Цалчиньский. Петр Дюбуа и его планы освобождения Святой земли; А. Су-

хени-Грабовская. Попытки повышения доходов с королевских поместий по материалам переписей 1615—1620 гг.; С. Ланда. Просветительская конспирация и тайное политическое общество; З. В. Янкэ. Бригада генерала Эдмунда Тачановского и ее последние бои; Я. Рейхман. Об использовании восточных источников для истории Польши; В. Сливовская. Два неизвестных эпизода из жизни П. В. Долгорукова; Е. Войтович. К польско-саксонским отношениям в конце XVIII в. Дело проф. Ц. Д. Эрхарда; Ю. Бардах. Хроника М. Стрыйковского и ее распространение в России (в связи с книгой А. И. Рогова).

«Z pola walki», 1967, № 2

Т. Федер. Вопрос майского переворота 1926 г. в польской комиссии Коминтерна; Е. Томашевский. Положение рабочего класса в Польше в 1924—1929 гг.; Т. Данишевский. Международная научная конференция в Париже, посвященная 30-й годовщине Народного фронта; Ю. Ковальский. Сравнительное изучение проблем стратегии коммунистического движения во время второй мировой войны; Эволюция марксистской мысли по вопросу нации и государства: В. Кондерский. У истоков взглядов СДКПиЛ по национальному вопросу; Ю. Ковальский. Дискуссии вокруг понятия нация в советских исторических журналах; В. Найдус. Взгляды групп СДКПиЛ и КРПП в России по национальному вопросу в 1917—1920 гг.; М. Пичиньска-Шерингова. Моя деятельность в ППС-левице в 1907 г.; Протоколы заседаний партийных советов ППС-фракции (1909—1914 гг.); ч. III. 1913—1914, подгот. А. Гарлицкий; Устав общества «Помощи революционерам» в Польше, подгот. Х. Вайн.

«Slavia Orientalis», 1967, № 2

Е. Цыбенко. Сенкевич в России; М. Майенова. Роман Якобсон; Е. Фарыно. В поисках сущности сходства между поэтическими языковыми образованиями В. Хлебникова и детской лексикой; М. Рутковска. Семантические функции глагольной приставки *вз-* в русском языке; Е. Каминьски. Из истории канона и нормы в древнерусской живописи.

«Język polski», 1967, № 3

В. Ташицкий. К вопросу о языке Петра Кохановского; С. Урбаньчик. Польский язык [в письмах] Марии Собесской; Я. Отрембский. Из истории польских слов: 18. *Prostowłosa, sprosny*; 19. Частица и предлог *do*; В. Крея. Названия помещений на-(*a*)*lnia* в польском языке; В. Любаш, А. Ярош. К вопросу о названии *Katowice*; Ю. Бал. Из исследований диалектизмов древнепольского языка. 1. Древнепольские местоименные формы *nikty, nice(j), niktej* и под.; З. Кужова. Еще один пример неизменяемости фамилий; М. Зарембина. К вопросу о неизменяемости собственных имен.

«Příspěvky k dějinam KSČ», 1967, № 1

Й. Белда. Чехословацкий путь к социализму; З. Градилак. Чехословацкая социал-демократия и закон о чрезвычайных полномочиях 1933 г.; Т. Пасак. Пресса в период протектората и формирование группы так называемых активистских журналистов в начале оккупации; М. Клир. Карел Крейбих.

№ 2

М. Гюбл. Польские и немецкие левые во Втором Интернационале; К. Гаян. Национализм и чешская и немецкая партии Чехословакии в 1918—1939 гг.; В. Гура, Н. Коломейчик. Некоторые проблемы возникновения и характера народной демократии в Польше; Я. Галандауэр. Влияние Октябрьской революции на возникновение ЧСР в чехословацкой историографии после февраля 1948 г.; Н. Макса. Февральские события 1948 г. в Чехословакии в Совете Безопасности; М. Гаек. Памяти Антонио Грамши.

№ 3

И. Гроновский. Ленин и концепции социализма без товарного производства после Октябрьской революции; З. Антош. К развитию концепции универсальных кооперативов; Я. Кржен. К преподаванию истмата в высших учебных заведениях; Г. Бареш. Переписка между Прагой и Москвой в в 1939—1941 гг., К. Марек. В интересах исторической правды.

«Československý časopis historický», 1967, № 3

Д. Тршештик. К вопросу о первой древнеславянской легенде о святом Вацлаве; Ф. Борош. Об античехословацких реваншистских планах хортистской реакции (1919—1920 гг.); Й. Петрань. К вопросу о мировом значении одного чешского изобретения; Р. Гавранкова, З. Сладек, Я. Валента. Теоретические и методологические вопросы истории европейских социалистических стран в XX в. (до второй мировой войны); Я. Ваниш. К вопросу об истории цен и заработков

в конце XVI — нач. XVII вв.; З. Шолле. Письма А. Бебеля первых лет газеты «Право лиду»; П. Горска. Чешский вопрос в Австро-Венгрии в 1897—1914 гг. в свете документов французских дипломатических представительств.

№ 4

Й. Мацек. Король Иржи и Франция в 1466—1468 гг.; М. Рейман. Февраль 1917 г.; К. Пихлик. Саботирование военных займов и чешская политика 1914—1915 гг.; В. Котык. Некоторые вопросы истории отношений социалистических стран; М. Тоэгел. Комениус, немецкие протестанты и Вестфальский мир.

«Historicky časopis», 1967, № 1

Л. Липтак. Политика словацкого государства по отношению к Венгрии в 1939—1943 гг.; Э. Фюгеди. Проблемы словацких поселений на территории современной Венгрии; Я. Ормис. Неизвестная брошюра Павла Сеницкого; Чехословацкий вопрос в дипломатических документах хортистской Венгрии (1936 — 1938, до Мюнхенского соглашения).

№ 2

М. Стрчан. Живностенский банк в Словакии в 1918—1938 гг.; П. Ратко ш. Словакия во время турецкой экспансии 1526—1532 гг.; Я. Новотный. К нынешней полемике наших и венгерских историков о марксистской оценке революции 1848—1849 гг.; В. Лавова. Чехословацкий вопрос в дипломатических документах хортистской Венгрии (октябрь 1938 г. — от Мюнхенского соглашения до Венского арбитража).

№ 3

М. Вывиялова. Отношение Юрая Палковича к стремлению венгров к национальному равноправию; В. Быстрицкий. Возникновение Балканского соглашения и внешняя политика Чехословакии; М. Виетор. Самоуправление в теории и практике венгерского государства в период дуализма; М. Мышка. Изучение истории предприятий в современной немарксистской историографии.

«Slovanský přehled», 1967, № 2

М. Гыбл. Народные демократии в 1947—1948 гг.; Р. Поспишил. Польша в 1947 г.; Р. Гофман. Год перелома в Венгрии; К. Коржалкова. Расплата с прошлым; М. Тейхман. Конец монархии в Румынии; О. Махатка. Год больших планов в Югославии; М. Лонк. От демократических преобразований к социалистической революции; Й. Колейка. Нация — национализм — национальный вопрос; М. Яида, А. Рочек. Местожительство В. И. Ленина в Праге в 1912 г.

№ 3

А. Шаквары. Венгрия в 1944—1948 гг.; М. Коуколова. Период между Мюнхеном и Комарно; Е. Речкова. Венгрия и проект Тардье об экономическом сотрудничестве придунайских государств; Й. Колейка. Нация — национализм — национальный вопрос (II); М. Тейхман. Политика короля Кароля в неглиже.

№ 4

К. Коржалкова. Балканская федерация после 1945 г.; Р. Гавранкова. Крестьянская власть в Болгарии; В. Бородовчак. Словакия и освобождение Болгарии в 1878 г.; А. Р. Галага. Отношение великоморавского государства к Чехии и проблема насилия; Я. Моравец. Возможность мирного развития революции в России; Й. Колейка. Нация — национализм — национальный вопрос (III); Я. Опат. Идея двух этапов революции после 22 июня 1941 г.; Ч. Аморт. Димитров и Чехословакия.

«Česka literatura», 1967, № 4

Я. Яначкова. Характер и функция повествования А. Ирасека; А. Гаман. Незвал и Галас (Очерк экзистенциальной поэтики); И. Пинкова. Психоанализ и литература; А. Шкарка. Эпос о Кроке — последний романтический фальсификат из семьи РКЗ?

«Slavia», 1967, № 2

Ф. Буффа. К характеристике слов латинского и греческого происхождения в польском и словацком языках; Й. Бадалич. Из нового хорватского хайдутского эпоса; М. Микулашек. Новаторство Маяковского-комедиографа; С. Геродес. Предложные сочетания в Беседах Григория Великого; М. Молл. К проблематике соединительного форманта в морфологической структуре окончаний славянских глаголов; К. Олива. К образованию лексем в польском языке сравнительно с чешским; Я. Валтер. Этимологические заметки; В. Ринеш. Несколько замечаний о начале почитания святого Прокопия; Ф. Вольман. Типологичность в сравнительном литературоведении; Г. Маркевич. Состояние и за-

дачи сравнительного литературоведения в Польше; С. Вольман. Сравнительное славянское литературоведение в Чехословакии; О. Зилинский. К истории восточнославянской песни об офицере, слуге и девице.

№ 3

В. Ф. Мареш. К методике этимологического исследования. Этимологии некоторых славянских наименований птиц звукоподражательного происхождения; Т. Добрицою-Александру. Банатизмы в чешских говорах сел Св. Хелена, Герник, Ровенско, Бигер, Шумице и Клоподие; К. Крейчи. Поиски чешского Онегина; В. Киделка. Проблемы стиля модерн в словенской литературе; Р. Вечерка. О проблемах старославянской письменности в Чехии в X и XI столетии с точки зрения языкознания; К. Елинек. К датировке Жития Прокопия; Й. Марков. Два замечания к тексту средневековых болгарских грамот; К. Горалек. Чешские сказки с точки зрения сравнительного исследования; Л. Чупрова. Судьба библиотеки Иржи Рыбая на фоне распада монастырских библиотек и возникновения книжных собраний деятелей просвещения.

«Slovo a slovesnost», 1967, № 3

О. Лешка. Итоги советского языкознания; В. Догнал. Чешские переводы «Сказки о попе и работнике его Балде» Пушкина; Ц. Босак, И. Цамуталева. К структуре диалога; М. Маркова. К проблематике так называемых полупредикативных конструкций; М. Тештителова. Категория грамматического рода с точки зрения морфологической омонимии; Е. Скала. Чешские говоры в Силезии в Марбургском лингвистическом атласе.

«Slovenska reč», 1967, № 5

Ш. Пециар. Образование и количество словацких имен действующего лица с суффиксом *-ca* в сравнении с чешским языком; Й. Штольц. Чередование *e/Ø* в парадигме существительных мужского рода, оканчивающихся на *-er*, *-el*, *-en*; Я. Матейчик. Тождество понятия как основа синонимических отношений; Л. Двонч. К выработке указаний о разделении слов в Правилах словацкого правописания; П. Ондрус. Дистрибутивные конструкции с числительными; Я. Михал. Еще раз о местоименных наречиях *ta — tam*; В. Углар. Из проблематики местных названий Липтова.

«Jugoslovenski istorijski časopis», 1966, № 1—2

Б. Графенауер. Вопрос средневековой этнической структуры расселения народов Югославии; М. Стренич. Турки и Балканский полуостров в XIV—XV вв.; Н. Петрович. Национальный вопрос и падение Австро-Венгерской монархии; М. Лекович. Планы Драже Михайловича по уничтожению «Партизанского государства» в западной Боснии во 2 половине 1942 г.; Д. Милеска. Классовая структура македонского общества во 2 половине XIX в.; М. Гросс. Новые работы о пангерманизме перед первой мировой войной; Д. Вуйович. Еще раз об объединении Черногории с Сербией.

«Jezik», 1966/67, № 1

В. Анич. Об ударении трехсложных существительных женского рода; З. Дероссн. Отношения между определительным предложением и существительным в главном предложении; С. Секереш. О предложениях с двумя союзами; С. Ковачевич. О некоторых ненужных словах и выражениях; И. Смаилович. Материал для нашей лексикографии.

№ 2

Л. Йонке. Наш современный и обиходный язык; И. Смаилович. Значительный вклад в нашу лексикографию; А. Шупук. Долгое восходящее ударение в долгих формах множественного числа.

№ 3

Б. Финка. И единство языка и литературные варианты; Л. Йонке. Ошибочные рассуждения Давичо о языке; В. Каленич. «Стилистика» Т. Маретича; А. Шупук. Долгое восходящее ударение в долгих формах множественного числа [окончание].

№ 4

Л. Йонке. *Vlastelinka* и *vlasteoka*; С. Бабич. Некоторые примеры сложности поэтического стиля; М. Могуш. О фонеме; С. Ковачевич. Аппозиция; Б. Финка, В. Ласло. Решение языковых вопросов в обратном словаре.

№ 5

К. Пранич. Лексические (стилистические) варианты у Матоша; Б. Финка. Об образовании глаголов несовершенного вида с суффиксами *-á ʾva-* и *-íva-*; М. Попович. О склонении

конструкции с количественными числительными; Т. Уйчич. Западный и восточный варианты сербско-хорватского литературного языка в школах; Л. Йонке. О богатой выразительности глагольных времен и наклонений; В. Зечевич. О значении и употреблении глаголов *obući* и *obuti*; О. Лахман. Хорватское Приморье, северный Ядран, Кварнер и т. д.; А. Шупук. Происхождение сочетания согласных *št* в местном названии *Primošten*; М. Шипка. *Kadina Voda* и *Ilica Odalica*; Р. Зорич. *Akti, dokumenti, fakti.*

«Jezik in slovstvo», 1967, № 1

Й. Топоришич. Семидесятилетие Антона Байца; А. Баец. Язык переводной прозы Жупанчича; Й. Погачник. О стилистических особенностях словенской литературы в период реформации; Б. Мися. Сказуемое и сказуемное определение; Я. Юранчич. Еще о словенско-сербско-хорватском словаре; Б. Голоб. Преподавание истории литературы или литературно-эстетическое воспитание?

№ 2

А. Слодняк. О драматическом развитии нашего романтизма; А. Баец. Язык переводной прозы Жупанчича; Й. Погачник. О стилистических особенностях словенской литературы в период Реформации.

№ 3

И. Каменик. Мартин Качур; Я. Ротар. О стилистической роли условного наклонения с отрицанием; Я. Орешпик. К изучению трансформационной порождающей грамматики; А. Баец. Язык переводной прозы Жупанчича; Й. Топоришич. Структура словенских гласных и предсказуемость их расположения.

№ 4

Й. Коруза. Шестидесятилетие Антона Оцвирка; Я. Риглер. Регистр в Библии Далматина; М. Боршник. Столетие со дня рождения М. Надлишковой; В. Лубаш. О словообразовательных изменениях и конверсии в словенских местных именах; И. Каменик. Мартин Качур; Й. Топоришич. Попытка новейшей трактовки глагольных категорий.

«Izraz», 1967, № 1

С. Марич. Глашатаи Апокалипсиса; С. Лукич. Мерило литературной посредственности; К. Прохич. Общественный характер художественного воспроизведения; В. Калезич. Ранний Велибор Глигорич.

№ 2

Э. Балцежан. Конструкция мира; Р. Вучкович. Критика о первых межвоенных произведениях Андрича; Е. Денегри. Живопись Бранко Протича сегодня; М. Капор. Убежище.

№ 3

С. Верош. Поэт Никола Шоп; В. Болванович. Поэзия Жоржа Брассенса; М. Богичевич. Поэты сегодня; М. Сушко. Критика как творчество.

№ 4—5

Х. Тахмищич. Гость в доме; В. Блажек. Случай, человек, катастрофа; В. Черни. Несколько замечаний о «новом романе»; О. Сус. Неподвижный человек в водовороте; М. Сухомель. О потребности в мифах; З. Хоринек. Поэзия как игра.

№ 6

Й. Христич. «Новая критика». Введение в прочтение текстов; П. Волк. Открытие человека; Е. Денегри. Живопись Владимира Величковича; М. Минрович. Проза Бена Зупанчича; Т. Адорно. Положение музыки сегодня.

№ 7

Д. Матич. Дирижер; С. Верош. Малый и большой мир Владана Десницы; П. Волк. Вызов без надежды; Е. Денегри. Об Иване Пицеле; М. Бахтин. Проблемы поэтики Достоевского.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

СОВЕЩАНИЕ ПО ОБЩЕСЛАВЯНСКОМУ ЛИНГВИСТИЧЕСКОМУ АТЛАСУ

Последнее совещание по ОЛА состоялось 5—8 июня 1967 г. во Львове. В работе совещания приняли участие представители Института русского языка АН СССР, Института славяноведения АН СССР, Института языковедения им. А. Потебни АН УССР, Института языкознания им. Я. Коласа АН БССР, Белорусского, Башкирского, Воронежского, Горьковского, Днепропетровского, Ленинградского, Львовского, Московского, Одесского, Саратовского, Ужгородского, Харьковского, Черновицкого университетов, Воронежского, Гомельского, Горноалтайского, Горьковского, Даугавпилсского, Дрогобычского, Ереванского, Ленинградского, Мозырского, Московского, Одесского, Орловского, Саратовского пединститутов.

Совещание открыл председатель комиссии ОЛА чл.-корр. АН СССР Р. А. Аванесов, подчеркнувший, что сбор материала для ОЛА должен быть закончен в 1970 г.

Совещание заслушало 30 научных докладов и сообщений, посвященных, в основном, двум проблемам: 1) изучению лексико-семантических групп в славянских языках в связи с работой над ОЛА и 2) фонологическому описанию диалектной системы в связи со сбором материала для ОЛА. Большее количество докладов (19) было посвящено лексико-семантической тематике. Выдвижение на повестку дня этих вопросов представляется весьма удачным. Фонологическое описание каждого говора, выполненное единообразно и надежно, является очень сложной задачей, а в области лексикологии и семасиологии в настоящее время еще многое остается неясным.

Можно отметить, что общим для всех лексических докладов было стремление авторов вскрыть системный характер лексико-семантических явлений и попытаться рассмотреть эти явления в типологическом аспекте (Н. И. Толстой, В. Ф. Коннова, В. Е. Гольдин, О. Н. Мораховская, Я. В. Закревская, Т. С. Коготкова, И. А. Дзендзелевский и др.). Было признано, что одной из актуальных задач в области лексикологии в настоящее время является разработка достаточно точных и надежных методов характеристики лексико-семантической системы языка. В докладе Н. И. Толстого (Москва) «О некоторых лексико-семантических закономерностях в славянских языках. (Соотношение различных терминологических регистров, проблема семантического ряда)» отмечалось, что системность в области лексики и семантики может наблюдаться не только в пределах одного конкретного микрополя, но и в употреблении одних и тех же лексем в разных терминологических или предметно-семантических сферах. Докладчик остановился и на очень важной проблеме типологического изучения лексики и семантики близкородственных языков, отвергаемой некоторыми учеными (например, В. Скаличкой), отметив, что основным вопросом в области типологии является установление определенных универсалий и закономерностей на лексико-семантическом уровне. Он подчеркнул в связи с этим возросшую роль лингвогеографии, которая требует построения наддиалектной модели индуктивным путем, чтобы затем уже с помощью дедуктивного метода определить место конкретного диалекта в языковом континууме.

Некоторые докладчики большое значение придавали вопросам четкого разграничения структурно-семантических и несистемных различий в области лексики, изучаемой в синхронном плане (О. Н. Мораховская, Москва, «Возможности картографирования структурных элементов лексико-семантической системы»; В. Е. Гольдин, Саратов, «К вопросу о соотношении структурно-семантических и неструктурных различий»). Другие представили в своих докладах результаты исследований лексико-семантических групп, включенных в «Вопросник ОЛА», на широком славянском материале, иногда с привлечением диахронических данных: В. Ф. Коннова, Москва, «Слова со значением ‘скот’, ‘хлеб’, ‘имущество’ в славянских языках»; Т. С. Коготкова, Москва, «О соотношении общелитературной и диалектной терминологии в русском языке»; О. Г. Гецова, Москва, «О выражении понятия времени»; Г. П. Бондарук, Москва, «Изучение лексико-семантических групп названий рельефа в славянских языках»; И. А. Попов, Ленинград, «Семантическое изменение слова *беседа* в русских говорах и славянских языках»; А. И. Лебедева, Ленинград, «Лексико-семантическая группа слов, образованных от корня *жм* (со значением ‘скупой человек’)»; В. И

Чагишева, Ленинград, «О словах с корнем *дроб* в русских говорах»; И. С. Козырев, Орел, «Некоторые русские и белорусские новообразования в составе лексико-семантических групп, обозначающих части тела» и «История названий дней недели в русском и белорусском языках»; Ю. П. Чумакова, Горький, «Описание глагольной лексики, связанной с обработкой волокна, в славянских языках»; М. Ф. Семенова, Рига, «Лексика, связанная с рыбоводством, в русском старожильческом говоре Латвийской ССР», Я. В. Закревская, Львов, «Лингвогеографический аспект при изучении отраслевой лексики (на материале народных названий растений)»; И. А. Варченко, Киев, «Реалия, слово, семантика и их значение для характеристики отдельного говора; И. А. Дзендзелевский, Ужгород, «Из наблюдений над украинскими названиями гидрорельефа»; Н. А. Грицак, Ужгород, «Некоторые украинские названия флоры; В. И. Добош, Ужгород, «Зависимость синтаксического функционирования слов от их лексико-семантических разрядов (на материале южнокарпатских украинских говоров)». Такое детальное изучение отдельных разделов славянской лексики и семантики должно способствовать более глубокому осмыслению материалов, собранных по «Вопроснику ОЛА». Было отмечено также, что для успешного освещения вопросов, связанных с семантической насыщенностью лексем, особое значение приобретает контекст (В. Ф. Коннова).

По фонологической проблематике наибольший интерес вызвали доклады С. К. Пожарицкой (Москва) «Фонологическое описание говора на материале ОЛА» и Т. В. Назаровой (Киев) «Фонологическое описание говоров в районе языковых (диалектных) контактов (в связи с работой над ОЛА)». В этих докладах были представлены образцы синхронного описания фонологической системы говора по материалам ОЛА. Поскольку «Вопросник ОЛА» ориентирован преимущественно на диахронический аспект изучения диалектного материала, то необходимо при сборе материала давать четкие фонетические характеристики фонем и их вариантов. Вопросам отдельных фонологических и фонетических особенностей конкретных диалектов и языков были посвящены доклады Ф. Т. Жилко (Киев) «Некоторые фонологические особенности говоров украинского языка в связи с собиранием материалов для ОЛА», А. Н. Залеского (Киев) «Фонематическая интерпретация отдельных явлений вокализма юго-западных говоров украинского языка», Н. Т. Войтович (Минск) «Описание частной фонетической системы в связи с собиранием материала для ОЛА», В. С. Черняк (Львов) «Консонантная система бойковского говора», Г. Я. Симиной (Ленинград) «Литературная лексика в системе диалекта (фонетическая адаптация заимствованных в говоре слов)», Т. В. Поповой (Москва) «Фонетические карты Карпатского диалектологического атласа и их значение для ОЛА». Два доклада касались сложных проблем теоретической фонологии — доклад С. М. Толстой (Москва) «Некоторые соображения о фонологической структуре слова в славянских языках» и доклад Л. И. Баранниковой (Саратов) «К вопросу об устойчивых и изменчивых элементах в фонологических системах русских народных говоров в современный период».

Основные вопросы, затронутые в докладах, широко обсуждались участниками совещания.

В принятой совещанием резолюции предлагалось: 1) составить план обследования населенных пунктов по сетке ОЛА на 1967—1970 г., 2) печатать один раз в год отчеты о работе национальных комиссий ОЛА, 3) публиковать доклады, непосредственно связанные с проблематикой ОЛА в очередном сборнике ОЛА, 4) в проблематику следующего совещания включить вопросы о состоянии работы, об унификации методики собирания материала ОЛА, о картографировании материала ОЛА и др.

Т. Попова

НАУЧНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

Заметно укрепляются связи кафедры славянской филологии ЛГУ им. А. А. Жданова с университетами социалистической Югославии. Почти каждый год отдельные преподаватели кафедры, специалисты в области сербско-хорватского языка и югославской литературы, принимают участие в работе Семинара для иностранных славистов, проводимого Загребским университетом. В течение 1964/1965—1966/1967 учебных годов из университетов Югославии часто приезжали ученые, которые выступали перед студентами-славистами с лекциями по различным проблемам, знакомили их с результатами новейших научных исследований по языку и литературам, проводили занятия, консультировались с ленинградскими учеными. Профессор Загребского университета И. Франгеш прочел студентам славянского отделения спецкурс по стилистике сербской и хорватской литератур. С циклом лекций по проблемам сербско-хорватского языка и особенностей языка устного народного творчества выступил профессор Сараевского университе-

та Й. Вукович. Профессор Белградского университета Д. Недич прочел ряд лекций о деятельности Вука Караджича. Студенты славянского отделения слушали также лекции югославских профессоров Р. Кузмича (Сараево), Д. Брозовича (Задар), В. Вулетича (Нови Сад), А. Пецо (Белград) и др. Гостями Ленинградского университета были ректор Белградского университета проф. Б. Джорджевич и декан филологического факультета в Белграде проф. Р. Лалич, что в значительной мере способствовало улучшению научного сотрудничества.

Между филологическими факультетами Ленинградского и Загребского университетов происходит обмен преподавателями: профессор Загребского университета М. Мулич в течение двух лет преподает сербско-хорватский язык ленинградским студентам, в то время как преподаватель кафедры славянской филологии ЛГУ И. В. Арбузов обучает русскому языку студентов в Загребе. Библиотеки Белградского и Загребского университетов, а также отдельные ученые оказывают помощь кабинету славистики Ленинградского университета в пополнении его книжных фондов новейшими исследованиями по сербско-хорватскому языку и югославской литературе. Так, в феврале 1967 г. из Белграда были получены монографии, изданные филологическим факультетом Белградского университета.

В марте 1967 г. Ленинградский университет посетил посол СФРЮ в СССР Д. Видич. Он вручил университету подарок — 200 томов книг, специально подобранных для студентов славянского отделения. Среди этих книг — словари и грамматики сербско-хорватского и македонского языков, новые издания произведений А. Белича, М. Крлежи, И. Андрича, Б. Чопича и других югославских ученых, писателей и критиков. Во время беседы посла СФРЮ в СССР Д. Видича с проректором ЛГУ имени А. А. Жданова чл.-корр. АН СССР Д. А. Керимовым, деканом филологического факультета проф. Б. Г. Реизовым и другими руководящими работниками университета были обсуждены вопросы дальнейшего расширения и углубления научных связей между ЛГУ и университетами Югославии.

П. А. Дмитриев

ЗАЩИТА ДИССЕРТАЦИЙ В ИНСТИТУТЕ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ АН СССР

14 июня 1967 г. на заседании Ученого совета Института славяноведения АН СССР состоялась защита диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук И. Р. Фишер (Марийский педагогический институт им. Н. К. Крупской) на тему: «Феодальное поместье в Словакии XVII в.»

Официальными оппонентами по диссертации выступили д-ра ист. наук А. С. Самойло и Л. В. Разумовская и канд. ист. наук Г. Э. Санчук. Оппоненты отметили, что диссертация основана на детальном использовании источников (урбарии, описи поместий, законодательные акты, жалобы крестьян и др.). На базе этих источников диссертантка дала подробный анализ социально-экономической жизни поместья Словакии XVII в., охарактеризовала основные черты майерского хозяйства в словацком поместье, формы феодальной ренты в нем и положение словацкого крестьянства в XVII в. В своей диссертации И. Р. Фишер приходит к выводу, что в Словакии XVII в. нашли проявление основные черты второго издания крепостного права, характерные и для соседних стран — Чехии и Польши. Причем этот процесс в Словакии продолжался и в XVIII в. Автор отмечает, что развитие барщинно-фольварочного хозяйства сопровождалось значительным ухудшением положения крестьянства — ростом безземелья и эксплуатации, упадком крестьянского хозяйства.

Ученый совет института единодушно присудил И. Р. Фишер ученую степень кандидата исторических наук.

А. Виноградова

28 июня 1967 г. в Институте славяноведения АН СССР состоялась защита кандидатской диссертации Т. Ф. Федосовой на тему: «Польские патриотические организации в Москве и их роль в развитии русско-польских революционных связей (1856—1866 гг.)».

Т. Ф. Федосова вводит в научный оборот новые архивные материалы, которые позволяют значительно расширить имеющиеся в литературе сведения о деятельности польских революционных организаций в Москве — «Польского ордена», «Союза сторонников движения» и «Польского комитета».

Революционная деятельность польских организаций рассматривается Т. Ф. Федосовой как составная часть общерос-

сийского революционного движения: показано большое влияние Герцена и Чернышевского на польских революционеров в Москве, отмечены факты совместной деятельности «Земли и Воли» и польских патриотов.

Диссертация получила высокую оценку в выступлениях официальных оппонентов — д-ра ист. наук В. Д. Королюка и канд. ист. наук В. В. Гармизы. Ученый совет института единодушно присудил Т. Ф. Федосовой ученую степень кандидата исторических наук.

В. Петров

28 июня 1967 г. на заседании Ученого совета Института славяноведения АН СССР состоялась защита кандидатской диссертации В. И. Штакельбергом на тему: «Фонды личного происхождения в хранилищах Советского Союза как источник для изучения восстания 1863 г.»

Диссертация Штакельберга — источниковедческое исследование. Автор изучил материалы в архивах Москвы, Ленинграда, Вильнюса, Минска, Львова и выявил массу новых интересных документов. В диссертации дана характеристика документов повстанческого движения, материалов государственных и военных деятелей царской России, воспоминаний и т. п. Большая заслуга автора в том, что он не только охарактеризовал документы по истории восстания 1863 г., но и глубоко проанализировал их, сгруппировав материалы по трем основным этапам этого восстания. Официальными оппонентами по диссертации выступили д-ра ист. наук В. Г. Вержбицкий и В. А. Дьяков.

Ученый совет института единодушно присудил Ю. И. Штакельбергу степень кандидата исторических наук.

А. Стрижкова

ЗАЩИТА ДИССЕРТАЦИЙ ПО ИСТОРИИ ЮЖНЫХ И ЗАПАДНЫХ СЛАВЯН В МГУ

Ученый совет (секция всеобщей истории) исторического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова в 1966—1967 гг. рассмотрел четыре кандидатских диссертации, подготовленные на кафедре истории западных и южных славян.

16 марта 1966 г. преподаватель исторического факультета Мордовского государственного университета В. Д. Мозеров защитил кандидатскую диссертацию на тему «Деятельность БКП по совершенствованию управления промышленностью (1959—1963 гг.)». В работе, основанной на партийных и государственных документах и материалах, статистических данных и прессе, рассматривается приобретающая все большую научно-политическую актуальность проблема поисков самой совершенной модели управления народным хозяйством в социалистических странах. Выступившие в качестве оппонентов д-р эконом. наук проф. К. Д. Дмитров и канд. ист. наук В. Д. Вознесенский отметили научно-практическую ценность работы и заслуги ее автора в выявлении достоинств и недостатков системы управления промышленностью в период существования в Болгарии административно-хозяйственных округов. Ученый совет принял решение о присуждении В. Д. Мозерову ученой степени кандидата исторических наук.

18 мая 1966 г. младший научный сотрудник кафедры истории западных и южных славян исторического факультета МГУ Л. В. Горина защитила кандидатскую диссертацию на тему «Социально-экономические отношения во Втором Болгарском царстве (XIII—XIV вв.)». Официальные оппоненты д-р ист. наук В. Д. Королюк и канд. ист. наук Г. Г. Литаврин отметили высокий научный уровень работы, привлечение автором ряда новых, до сих пор не использовавшихся источников (например, дневник Антона Барбери). Центральное место в диссертации занимает исследование феодальных отношений и классовой борьбы в болгарской деревне и развития средневекового болгарского города. В ней рассматриваются такие важные проблемы, как иммунитет монастырского землевладения, консолидация различных категорий крестьян в однородную массу зависимого населения, формы феодальной ренты, движение крестьян в 1277—1280 гг., городская жизнь, ремесло и торговля в Болгарии в XIII—XIV веках. Оппоненты оценили диссертацию как серьезный вклад в советское славяноведение. Ученый совет единогласно присудил Л. В. Гориной ученую степень кандидата исторических наук.

30 ноября ассистент кафедры истории западных и южных славян исторического факультета МГУ Е. С. Макова защитила кандидатскую диссертацию на тему «Социально-экономические отношения в Загребе в XVI в.». Ее работа посвящена вопросу, до сих пор слабо разработанно

му в советской и югославской историографии и имеющему важное значение для выяснения ряда аспектов истории Хорватии в период утверждения в ней барщинной системы хозяйства. Используя обширную публикацию документов о прошлом Загреба (цеховые статуты, приходно-расходные книги городской коммуны, судебные акты и др.), автор исследовал развитие отдельных отраслей ремесленного производства (в том числе факты объединения в рамках одного цеха мастеров нескольких специальностей, рост имущественного неравенства внутри цехов), торговли, социальную структуру населения, систему городского управления, а также аграрные отношения крупнейшего центра континентальной Хорватии. Выступившие в качестве оппонентов д-р ист. наук З. В. Удальцова и канд. ист. наук Е. П. Наумов одобрили основные выводы работы, подчеркнув серьезный подход к исследованию. Ученый совет единогласно присудил Е. С. Маковой ученую степень кандидата исторических наук.

1 марта 1967 г. младший научный сотрудник Института экономики мировой социалистической системы АН СССР В. И. Карпов защитил кандидатскую диссертацию на тему «Рабочие партии и рабочее движение в Польше в 1926—1933 гг.». Представленная им обширная работа базируется преимущественно на архивных материалах, почерпнутых автором в польских хранилищах. Основное место в ней занимает характеристика политики трех партий — КПП, ППС и ППС-левицы, их отношений между собой, развития стачечного движения накануне и в годы мирового экономического кризиса. Большое внимание обращено при этом на проблему Единого и Народного фронта, как на главную задачу дня для рабочего движения в его борьбе с диктатурой пилсудчиков. Причиной того, что такой фронт в изучаемый период так и не сложился, были, с одной стороны, антикоммунизм ППС, а, с другой,— сектантские ошибки КПП, помешавшие установлению сотрудничества между этими партиями. В то же время в диссертации показан процесс перехода ППС в оппозицию к санационному режиму. Официальные оппоненты д-р ист. наук И. И. Костюшко и канд. ист. наук И. С. Яжборовская говорили о научной значимости проделанного автором труда, о введении им в научный оборот новых материалов, об обоснованности подавляющей части выдвинутых в диссертации положений. Ученый совет присудил В. И. Карпову ученую степень кандидата исторических наук.

И. В. Созин

К ТЕМАТИКЕ VI СЪЕЗДА СЛАВИСТОВ

В опубликованной в «Советском славяноведении» (1967, № 2) заметке И. А. Хренова «В Международном комитете славистов» сообщается о решениях, принятых Международным комитетом славистов на заседании в Оксфорде (сентябрь, 1966). В дополнение к содержащейся в заметке информации о докладах, принятых к обсуждению на VI съезде славистов в Праге, нужно отметить, что на упомянутом заседании Международный комитет славистов утвердил также и лингвистическую тематику съезда. Всего по языкознанию было утверждено 160 докладов и сообщений, в том числе 22 доклада советских ученых.

Г. В.

CONTENTS

Kiril Kiryakov (Bulgaria). Socialist reconstruction agriculture in the People's Republic of Bulgaria. *E. L. Nemirovskij*. Slavonic Cyrillic incunabulas and paleotypes in the USSR libraries. *D. B. Meltser*. On the problem of the recognition of the Soviet Union by Bulgaria (1920—1923). *Henryk Markiewicz* (Poland). The present state of the science of the Polish literature. *S. M. Tolstaja*. The combinability of consonants in relation to the phonemic structure of the word in the Slavic languages 26

COMMUNICATIONS AND PUBLICATIONS

A. I. Nedorezov. The decisive victory of the Czechoslovak people in the February of 1948. *V. K. Zaitsev*. The Slavic feat in the 1621 battle of Xotin and its reflection in Gundulíc's epic poem «Osman». *S. A. Nikitin, N. V. Zujeva, Je. M. Shatokhina*. On the 90ieth anniversary since Bulgaria's liberation from the Turkish rule. *Henryk Pisarek* (Poland). The unknown letters of Z. Sierakowski, N. P. Ogarev and A. I. Gertsen to Lubomir Gadon. 55

PEOPLE, EVENTS, FACTS

A. Gundorov. In memory of a great friend of the Soviet Union. *V. D. Korolyuk*. The Russian theme in Vaclav Fiala's book illustrations. *Dragoj Kodžeikov* (Bulgaria). Memoirs. 77

MONUMENTS OF SLAV CULTURE

A. I. Rogov. Phe Victory Monument at Plevna 95

BIBLIOGRAPHY

Review — articles and reviews

Rene Sliwowski (Poland). New works on the Soviet literature in the People's Poland. *V. T. Pashuto, M. A. Juchas*. A new Slavic-Baltic yearbook. *A. M.* «Dějiny cesko-ruských vztahů. 1770—1917». *I. V. Churkina*. J. Pleterski. Narodna in politič na zavest na Koroškem. *I. Kostiushko*. On the history of the peasant reform of 1864 in the Polish Kingdom. *I. K. Gorskij*. Polish literary publications in the Russian. *Mihaly Peter* (Hungary). A volume in memory of István Knjieža. *T. Popova*. M. Mladenov. Ixtimanskijat govor. *E. Vorobyova*. A new bibliographical guide on the Czechoslovak Rossica and Sovetica. *T. Martynova*. On the publication of Slavic dictionaries at the «Soviet Encyclopedia» publishing house. 97

Bibliography

The main articles and materials on the present state, history, culture and languages of the foreign Slav peoples published in the Soviet periodicals. The contents of foreign periodicals. 119

SCIENTIFIC LIFE

T. Popova. A conference on the Common Slavic Linguistis Atlas. *A. A. Dmitriev*. Scientific cooperation. *A. Vinogradova, V. Petrov, A. Strižkova*. The defence of dissertation theses in the Institute of Slavic Studies of the USSR Academy of Sciences. *I. V. Sozin*. The defence of dissertations on the history of the southern and western Slavs in the Moscow University. *G. V.* On the problematics of the VI-th International Congress of Slavists. 131

Технический редактор *Т. А. Михайлова*

Сдано в набор 18/X-1957 г. Т-16950 Подписано к печати 20/XII-1957 г. Тираж 1200 экз.
Зак. 3524 Формат бумаги 70×108/16. Усл. печ. л. 11,9 Бум. л. 4¼ Уч.-изд. листов 14,3

2-я типография издательства «Наука». Москва, Шубинский пер., 10

Г-151
Б ДОРОГОМИЛОВСКАЯ
Д 31 КВ 186
ТОЛСТОМУ Н И
70891
1-12

Цена 1 руб.

Индекс 70891

ИЗДАТЕЛЬСТВО „НАУКА“

ГОТОВЯТСЯ К ПЕЧАТИ:

МЕЖДУНАРОДНЫЕ СВЯЗИ СТРАН ЦЕНТРАЛЬНОЙ, ВОСТОЧНОЙ И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ И СЛАВЯНО-ГЕРМАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ. Институт славяноведения. 25 л. 1 р. 80 к.

В сборник включены статьи: «Наследие Лейбница и научная мысль России в XVIII в.», «Герцен и Гервег», «Политическая борьба внутри польского движения Сопротивления в 1943 г.», а также другие статьи польских и советских авторов. В книге рассматриваются малоизученные проблемы из истории славянских стран: Польши, Чехословакии, Югославии, России, международные связи стран Восточной Европы, развитие славяно-германских отношений, начиная с эпохи феодализма вплоть до второй мировой войны. В отделе обзоров и публикаций печатается новый интересный архивный материал. Ряд статей сборника посвящен критике реваншистской историографии западногерманского остфоршунга.

Темплан 1968 г. I полугодие, № 95.

ИМЕЮТСЯ В ПРОДАЖЕ КНИГИ:

РУССКО-ПОЛЬСКИЕ РЕВОЛЮЦИОННЫЕ СВЯЗИ. Материалы и документы. Т. 1. 1963. 546 стр. 1 р. 65 к.
Т. 2. 1963. 791 стр. 1 р. 90 к.

РУССКО-ПОЛЬСКИЕ РЕВОЛЮЦИОННЫЕ СВЯЗИ 60-Х ГОДОВ И ВОССТАНИЕ 1863 г. Сборник статей и материалов. 1962. 611 стр. 2 р. 70 к.

Рыбаков Б. А. ДРЕВНЯЯ РУСЬ. Сказания. Былины. Летописи. 1963. 358 стр. 2 р. 20 к.

СЛАВЯНО-ГЕРМАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ. 1964. 296 стр. 1 р. 38 к.

Смирнов А. Ф. ВОССТАНИЕ 1863 г. в ЛИТВЕ и БЕЛОРУССИИ. 1963. 392 стр. 1 р. 82 к.

Если Вы хотите приобрести эти или другие книги издательства «Наука», направляйте заказы в магазин «Книга — почтой» Центральной конторы «Академкнига» (Москва, В-463, Мичуринский проспект, 12) или в ближайший магазин «Академкнига» по адресу:

Алма-Ата, ул. Фурманова, 139; Баку, ул. Джапаридзе, 13; Киев, ул. Ленина, 42; Ленинград, Литейный пр., 57; Москва, ул. Горького, 8; Москва, ул. Вавилова, 55/5; Новосибирск, Красный пр., 51; Свердловск, ул. Белинского, 71-в; Ташкент, ул. К. Маркса, 29; Ташкент, ул. Шота Руставели, 43; Уфа, пр. Октября, 129; Уфа, Коммунистическая ул., 49; Фрунзе, пр. Дзержинского, 41; Харьков, Уфимский пер., 4/6; Иркутск, 33, ул. Лермонтова, 303; Душанбе, пр. Ленина, 95.